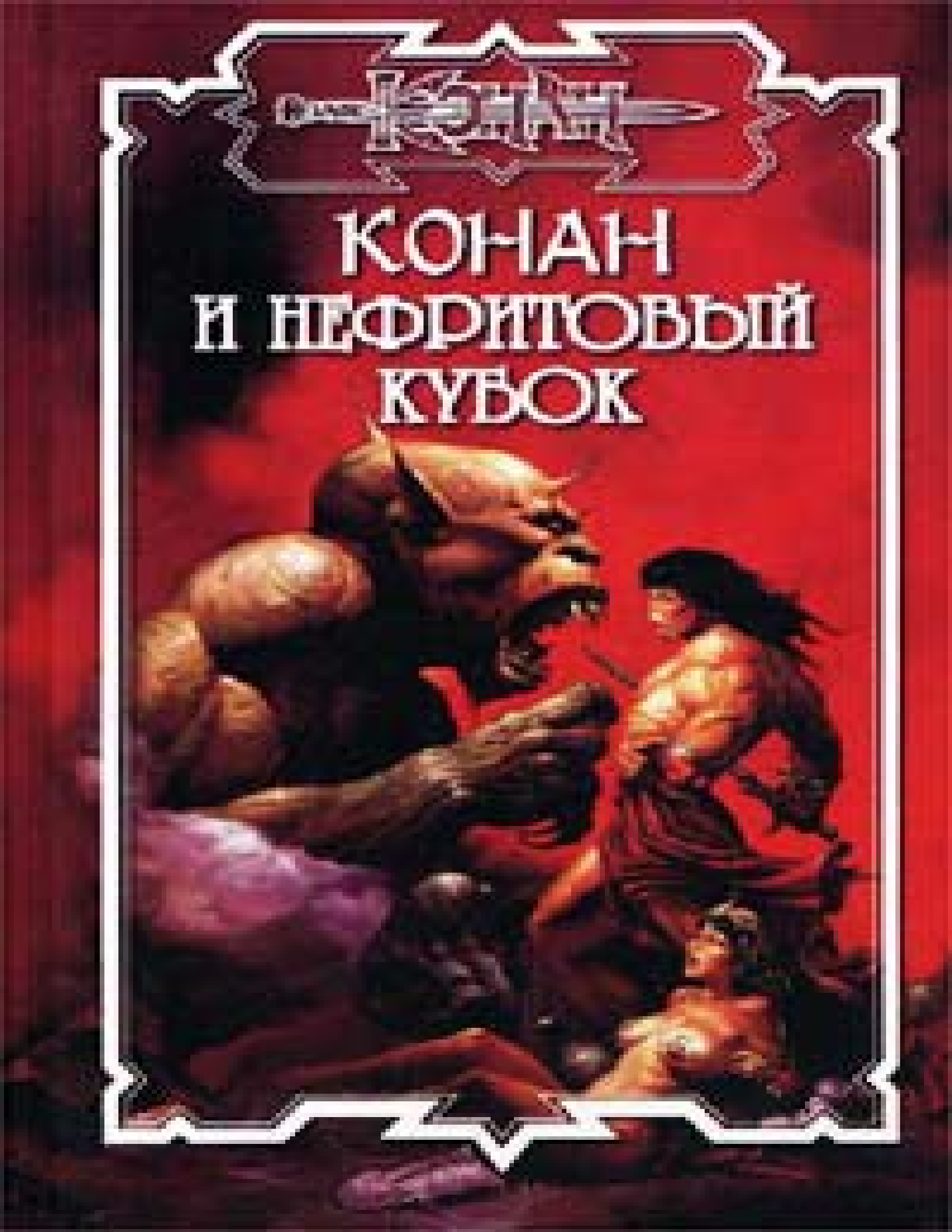
КОНАН
КОНАН
И НЕФРИТОВЫЙ
КУБОК

Annotation

Славный город Шадизар. И одно из самых любимых развлечений жителей города – это скачки. При очередном состязании лучшая лошадь забега неожиданно падает, в результате чего погибает наездник.

И только Конан увидел в этом не случайность, а злой умысел…

- Джеральд Старк
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- notes
  - 1

Джеральд Старк
Нефритовый кубок

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Человекоохранительное ремесло

Осень 1264 года от основания Аквилонии.

Город Шадизар, Замора.

– И наконец, я хотела бы знать, куда делись деньги. Ши?..

Тот, кому адресовался сей щекотливый вопрос – смазливый парень шемитской наружности, лет двадцати от роду, в славном городе Шадизаре известный как Ши Шелам, мелкий карточный жулик и карманный воришка – поднял голову и наградил Диери Эйтолу широкой проказливой улыбкой.

– Ты становишься подозрительной, милая моя. Почему, чуть что, сразу обвиняют бедного Ши? Вон Малыш лежит. Может, он взял. На покупку нового меча.

Ши повозился, устраиваясь поудобнее на корточках у стены там, куда не доходили косые лучи осеннего, но все еще горячего шадизарского солнца. Сидел он таким неудобным образом, во-первых, спасаясь от жары – в дешевых комнатах постоялого двора «Хромая лошадь» являвшейся одним из главных бедствий, наравне с клопами и скверной кухней – а во-вторых потому, что прочие предметы небогатой обстановки были заняты.

Посреди комнаты на единственном табурете восседала Диери с весьма недовольным видом, держа на коленях резную палисандровую шкатулку, в каковой компания обыкновенно хранила считавшееся общей собственностью золото. На широкой постели расположился долговязый, жилистый и молчаливый подросток, чья варварская внешность и диковинный для стран Полудня ярко-голубой цвет глаз выдавали выходца из далеких полуночных краев, вероятно, Киммерии или Ванахейма. Молодого варвара звали Конан, сам он представлялся как Конан из клана Канах. Ши по старой неискоренимой привычке величал приятеля Малышом, хотя внешне киммериец выглядел, пожалуй, посолиднее тощего и вертлявого Ши. Конан, впрочем, не обижался – привык.

Услыхав свое прозвище в столь неблаговидном смысле, Конан отложил в сторону короткий меч-гладиус (кстати, вправду совершенно новый) и посмотрел на Ши с явным неодобрением.

– Врет он все, – хмуро заявил киммериец. – Как дитя малое. Диери, он деньги в кости спустил. В «Голубой луне» Кривому Зартаку.

– Восемьдесят полуимпериалов?! – ахнула Диери. – В кости?! Ши, это правда?

Улыбка Ши несколько поблекла.

– Ну… Что такое деньги, в конце концов? Сегодня они есть, завтра нет. А ты тоже хорош, друг называется! Следил за мной, что ли?

– Сегодня, пока ты спал, из «Луны» приходили, – так же мрачно ответствовал Малыш, снова беря в руки меч и высматривая на свет заточку клинка. – Ты в долг играл? Играл. Можешь спокойно дрыхнуть дальше, я Зартаку заплатил. Теперь ты мне должен сорок полуимпериалов.

Диери покраснела. Казалось, девушка сейчас заплачет.

– Поверить не могу, – воскликнула она. – Ты забыл, что нас грозятся выселить? Ши? Я тебя спрашиваю!

Воришка заерзал, виновато поглядывая на Деяниру.

– Я отработаю, Диери, – пообещал он. – Правда. На днях должен придти караван из Кордавы. Схожу на рынок, и…

– Прежде навести ближайший храм Бела-Обманщика и помолись на удачу, – ядовито посоветовал Конан. – Если тебя возьмут на горячем, мы не сможем даже наскрести денег на выкуп.

Ши начал было возражать, но Диери прервала его излияния скептическим жестом.

– И впрямь как дитя… Придется заложить или продать что-нибудь, только что? В самом деле, Конан, откуда у тебя взялся этот клинок? И вдобавок сорок полуимпериалов? Повстречал кого-то в темном переулке, да?

И тут Малыш, к несказанному удивлению друзей, залился густой краской.

– Понимаешь ли, Диери, – пробормотал он, глядя в добела отскобленные доски пола. – Я… В общем, я нашел работу.

* * *

– Чудовищно! Невообразимо, непредставимо и уму человеческому неподвластно! – вопиял Ши, мечась из угла в угол, подобно плененному хищнику. – Малыш, ты рехнулся! На тебя наслал порчу злой колдун! Тебя опоили! Как ты мог, нет, ну как ты только решился на такое!

– Не вижу ничего страшного, – буркнул Конан в ответ на гневную риторику приятеля. – Ремесло как ремесло. Не хуже других.

– Не хуже других, он говорит! – воздел руки Ши в непритворном возмущении. – Да подайся ты к старшине квартала вышибалой, я бы слова не сказал! Срезал бы кошельки, как всякий порядочный шадизарец в твоем возрасте… Но такое!..

– Между прочим, в нашем клане, – угрюмо сказал Малыш, – работа человекоохранителя считалась почетной и уважаемой.

– Ши, конечно, преувеличивает… – жалобно протянула Диери. – Конан, ты хорошо подумал?

– Я вообще не понимаю, чего Ши не нравится, – защищался киммериец. – Кстати, если б я не отдал свое жалование за долги одного моего приятеля Кривому Зартаку, Кривой этого приятеля давно бы развесил на окрестных заборах. В назидание прочим.

– Он не понимает. Он, видите ли, не понимает! – возопил Ши Шелам. – Так. Беру себя в руки… и спокойно… словами, доступными даже варвару… объясняю, что мне не нравится. Ты – дубина!!!

Диери, несмотря на серьезность момента, не выдержала и прыснула.

– Очень доступно, – съехидничала она.

– На что ты польстился? – продолжал разоряться Ши. – На двадцать империалов «подъемных» и новый меч? Или, может, на красивую форму, на лживые посулы зазывалы-

вербовщика? Разве можно быть столь непроходимо тупым? Ты же видел городскую стражу, во что они превращаются уже на первом году службы: ржавые мечи, голодные глаза, брюхо до колен и никакого уважения. Стража! Тьфу! Сборище косоруких увальней! Хочешь стать таким же? Приятель, одумайся, пока не поздно!

– А, вот ты о чем, – вздохнул Конан с явным облегчением. – Погоди кричать, я ведь нанялся не в городские стражники. Они там поголовно полные олухи. Нет, дознаватель Рекифес, как обещал, принял меня в Сыскную Когорту.

Ши потерял дар речи.

– Помнишь, пару лун назад, – принялся рассказывать Малыш, по-своему истолковав внезапное молчание друга, – мы разобрались с Пустотниками – паучатами, и Рекифес предлагал нам обоим поступить к нему на службу? Я еще подумал: может, впрямь наняться? Платят неплохо, занятие уважаемое и вдобавок нескучное. Мой дедушка Аудагос всегда говорил… Эй, ты чего?!

– Светлый Митра, – простонал Ши, закрыв глаза и равномерно стукаясь затылком о стену в знак величайшего душевного расстройства. – Бел-Покровитель и Кэто Сладкобедрая, будьте свидетелями, я его сейчас убью. Вот успокоил, нечего сказать!

Карманник метнулся через комнатку и присел перед варваром на корточки, уставясь на того снизу вверх.

– Ты, понятно, человек пришлый, – задушевно проговорил Ши. – Может, тебе глубоко плевать, какие слухи про тебя пойдут. Может, тебе вовсе твоя варварская шкура не дорога. Только, видишь ли, я тут родился. Если ты не понял, Малыш, то я повторю – здесь не твоя захолустная Киммерия. Здесь Шадизар. Его еще именуют Столицей Воров. Да если хоть одна живая душа пронюхает, что Ловкач Ши, никогда не промышлявший ничем, кроме честного-благородного воровства, водит дружбу с парнем из Сыскной Когорты дознавателя Рекифеса… Меня ж зарежут. Опомнись, а?

– Я слово дал, – хмуро отрезал Конан.

– Диери, скажи ты ему! – взвыл воришка. – Ты ведь тоже родом из нашего славного городка. Разве порядочная шадизарская девица может жить с сыскарем?

– Может, – заявила девушка, хотя ее голосу недоставало уверенности. Киммериец насупился еще больше. – Конан… Правда, ты бы не торопился… Зачем тебе это надо?

– А что мне остается делать? – отозвался киммериец. По сравнению с прямо-таки кипящим от возмущения Ши Шеламом варвар казался образчиком ледяного спокойствия, и только тот, кому посчастливилось узнать Конана достаточно хорошо, понял бы, какие усилия он прилагает, дабы казаться невозмутимым. – Воровать, как Ши, у меня пока не получается. Устроиться вышибалой на какой-нибудь постоялый двор? Пробовал, не берут. Говорят, нужно слово квартального старшины.

– Обратился бы… – начал Ши.

– Да знаю, к Кодо. Ну не для меня это! Одному улыбнись, другому в морду дай, да смотри не перепутай, не то самому по шее накостыляют. Подай – принеси. Холуйское занятие! Нет, настоящий мужчина сам себе должен быть хозяин. Короче, или к караванщикам в охрану наниматься, или – вот.

Ши уселся, скрестив ноги, под окном, откуда насмешливо поглядывал на степенно рассуждающего Малыша.

– Теперь ты, значит, уважаемый страж закона и сам-себе-хозяин, – язвительно заметил он, едва Конан умолк. – Всякую седмицу будешь получать по двадцати кругленьких

блестящих империалов туранской чеканки, расхаживать с замечательным новеньким мечом на заднице, восстанавливать благочиние, возвращать на путь истинный падших девиц и защищать убогих, больных и слабоумных. Дадут тебе в Наставники старого толстого выпивоху, который только и умеет твердить, как надоел ему этот растреклятый городишко, и отправят расследовать запутанное, таинственное дело о покраже колченогого осла в Нищебродном переулке. Да, насчет этого чудесного меча – не советую показываться с ним на улицах, потому что бесстрашные хранители городского порядка обыкновенно щепают такими лучину для растопки. Тебя попросту засмеют.

– Зачем только я отдал Зартаку сорок монет? – удрученно пробормотал Конан. На Ши явно накатило вдохновение:

– Кстати, о монетах! Диери, имей в виду – на свое а-агромное жалование Малыш теперь сможет покупать тебе по дешевенькому кхитайскому шарфику раз в поллуны. Если, конечно, будет отказывать себе во всем и станет обходиться одной миской тухлой чечевицы в день!

– Ши, прекрати, – вступилась Диери. – Конан, не слушай его!

Конан вздохнул, покачал головой и вышел из комнатки, прихватив злосчастный гладиус. Ши проорал вслед приятелю:

– Непременно научись брать взятки! Не то помрешь с голоду!

Внизу гулко хлопнула входная дверь.

– Совсем рехнулся парень, – с сожалением произнес воришка, оборачиваясь к девушке. – Доблестный человекоохранитель, поди ж ты…

И немедленно схлопотал звонкую оплеуху.

* * *

Самое обидное, что Ши почти во всем оказался прав.

Например, касательно личности Наставника, на коего Рекифес возложил заботы о новом подчиненном. Достопочтенный Шетаси уль-Айяз действительно был стар, грузен, склонен к неумеренности в выпивке и брюзжанию по любому поводу. Почти всю свою долгую жизнь он провел в рядах городской стражи, дослужившись до звания старшего письмоводителя при его светлости Верховном Дознавателе.

Шетаси оставалось всего два года до заслуженной отставки, когда судьба решила на прощание устроить ему изрядную каверзу.

Из Бельверуса прибыл новый дознаватель, его милость Рекифес, немедля заслуживший прозвище Немедийской Чумы, и принялся наводить порядок по своему усмотрению. Разогнал половину городской стражи, набрав взамен новых людей, повесил за мздоимство старшину Таможенной управы, учинил с десяток облав в кварталах Ночная Пустошь и Скена, и, к всеобщему удивлению, добился того, чтобы изловленные грабители, скупщики краденого и содержатели притонов отправились кто на виселицу, а кто на рудники Соленых Озер. В довершение Рекифес создал Сыскную Когорту, и Шетаси уль-Айяз, мысленно готовившийся к позорному изгнанию со службы «за полнейшей непригодностью», внезапно оказался приписанным к этой самой Когорте – Наставником для молодежи, советником и ходячим кладезем сведений о том, кто чего стоит в славном городе Шадизаре.

Шетаси покряхтел, сплюнул, мысленно проклял тот день, когда чья-то мудрая голова в Немедии решила облагодетельствовать Заморийский протекторат, до блеска надраил латунную бляху с изображением дракончика и приступил к отправлению порученных обязанностей.

Заключались таковые в написании и разборе многочисленных бумаг и бумажек, неизбежно сопровождавших судопроизводство в любой стране Восхода и Заката.

Дней пять тому мирное бытие достопочтенного Шетаси, клевавшего носом над прошениями о помиловании заключенных тюрьмы Алронг, нарушило внезапное появление грозного Верховного Дознавателя, сопровождаемого неким молодым человеком. Незнакомец – лохматая черноволосая орясина зверовидного облика – помалкивал, с откровенным любопытством поглядывая по сторонам.

«Небось, на допрос с пристрастием притащили, – злорадно подумал уль-Айяз. – Ничего, сейчас запоет, как миленький!»

Однако месьор Рекифес как-то растерянно кашлянул, окликнул старшего письмоводителя, с показным усердием ворошившего стопку пергаментных листов, и представил ему своего спутника:

– Шетаси, это Конан. Новенький из Сыскной Когорты. Парень старательный, только знаний пока не хватает. Растолкуй ему, как и что. В общем, не мне тебя учить.

Засим Рекифес подозрительно быстро удалился. Уль-Айязу послышался тихий ехидный смешок, испущенный скрывшимся за дверью дознавателем.

Почтенный уль-Айяз и странноватый Конан с равным недоумением уставились друг на друга. Неизвестно, о чем размышлял начинающий человекоохранитель, Шетаси же, ничего покуда не заподозривший, прикидывал, к какому бы делу приставить навязанного воспитанника.

– Читать-писать, само собой, не умеешь? – на всякий случай уточнил он. На миг появилась робкая надежда – вдруг удастся скинуть на подчиненного бумажную возню?

– Нет, – худшие ожидания старшего письмоводителя подтверждались – ему на шею повесили туповатого деревенского недоумка. Ну, спасибо, ваша дознавательская милость!

– Тогда что умеешь? – поинтересовался уль-Айяз.

– Немножко драться и больше ничего, – обескураживающе честно ответил мальчишка-варвар.

Шетаси с трудом оторвался от табурета, выглянул в окно своей каморки, убедился, что Рекифеса вблизи не наблюдается, и вполголоса осведомился:

– Тогда на кой ляд ты вообще вздумал податься в сыскные? Шел бы в вышибалы, а то в охранники к какому-нибудь купчишке…

– Не хочу, – твердо заявил провинциал.

– Чего ж ты тогда хочешь?

Конан набрал побольше воздуха и разразился речью – похоже, старательно обдуманной и едва ли не затверженной наизусть. Смысл ее улавливался без труда, и Шетаси только головой покачивал от изумления: не переводятся же на земле подобные восторженные юнцы!

Неведомо откуда взявшееся порождение Полуночи вбило себе в голову, что человекоохранительное ремесло – единственное достойное занятие в Шадизаре. Перечислялись дедовские заветы («Дед у тебя, должно быть, варвар еще тот…» – подумал еле сдерживавший зевоту старший письмоводитель), благочиние («Слово-то какое знает, и произносит почти без ошибки!»), высказывалась горячая надежда на приличное

вознаграждение («А порой, надо признать, мыслит здраво…») и упоминался неведомый предок, также исполнявший в родных краях гостя должность порядкоблюстителя.

Наконец Конан выдохся и замолчал, вопросительно косясь на многозначительно прижмурившегося уль-Айяза.

– В Шадизаре давно живешь? – осведомился старший письмоводитель городской управы.

– С нынешней весны…

– Просто удивительно, как долго ты умудрился протянуть, – вздохнул Шетаси. – И еще удивительнее, малыш, какая невероятная каша булькает у тебя в голове.

Выражение физиономии будущего стража Закона стало чуточку опешившим. Должно быть, он ожидал совершенно иной встречи.

– Ничего, все мы когда-то были молодыми и глупыми, – фальшиво обнадежил приунывшего воспитанника уль-Айяз. – Держись меня и не пропадешь. Кстати, я – Шетаси уль-Айяз. Можно просто Шетаси. Постарайся обойтись без всяких там «достопочтенных» и «высокорожденных», и мы наверняка поладим. Ну, с чего начнем твое, с позволения сказать, обучение? Город знаешь?

– Немного, – визитер освоился на новом месте, снял с табурета толстенную стопку описаний нераскрытых дел и уселся. – Квартал Нарикано – я там живу. Квартал Сахиль, Ночную Пустошь, базары, Каменный рынок…

– На рынках кошельки резал? – как можно строже рявкнул Шетаси.

– Друзья пытались научить, ничего не вышло, – нехотя признался Конан.

– Понятно, – пробурчал старший письмоводитель, помыслив при этом: «Прислал же Митра бездаря…». Заплывшие жиром сонные глазки Шетаси встретились с твердым взглядом варвара, и от сквозившего в сем взгляде искреннего рвения старый сыскарь впервые ощутил неясное беспокойство.

– Почтенный Наставник, а что я должен делать? – осмелев, произнес Конан. Шетаси рявкнул:

– Сказал: никаких титулов! Не люблю подхалимов, – кряхтя, он выбрался из-за казавшегося таким уютным стола, оказавшись при этом вдвое толще и на голову ниже долговязого варвара, и возгласил: – Что до обучения, так это можно, это мы мигом… Для начала, сынок, пойдем-ка прогуляемся.

Мальчишка с готовностью вскочил. Раздалось лязгающее звяканье, и уль-Айяз увидел на поясе новоявленного Стража Когорты косо болтающиеся ножны с вложенным в них новеньким гладиусом скверной ковки, коими обычно вооружали городскую стражу.

– Где взял такую дрянь? – возмущенно спросил он, тыча пальцем в ножны.

– На оружейном складе выдали, – с гордостью ответствовал Конан. – По приказу его светлости Рекифеса. Велели всегда носить… А что?

– Убери и спрячь, – распорядился Шетаси. – Ты всерьез намеревался расхаживать с *этим* по городу?

Он негодующе фыркнул, удивляясь провинциальной наивности, и приступил к сборам. Один стилет – в ножны, спрятанные под рукавом рубахи, второй – за отворот сапога. Кошель, набитый медью – прицепить к поясному ремню на видном месте. Если срежут, не жаль. Другой кошель, с серебряными талерами и туранскими суффи, уль-Айяз старательно запрятал в пояс, дабы ничьи не в меру проворные ручонки не смогли до него добраться без ведома хозяина. Прихватив залитую свинцом дубинку, Шетаси оглянулся на подопечного, с

живым интересом следившего за его действиями.

– Жаль, Рекифес только одного тебя прислал, – хмыкнул почтенный уль-Айяз. – Вечно его высокомудрая светлость чего-нибудь недодумает… Двоих бы мне таких, как ты – цены б вам не было.

– И что тогда? – недоуменно вопросил начинающий человекоохранитель. Шетаси всплеснул руками:

– Как что? Носили бы меня в паланкине, хоть какая-то польза! – и оглушительно заржал. Варвар подумал и, к немалому удивлению достопочтенного старшего письмоводителя, захохотал еще громче.

«Ничего парнишка, – удовлетворенно подумал уль-Айяз. – Шутку понимает. Пожалуй, сработаемся».

Между тем Конан веселился совсем по иному поводу – представив себе тощего Ши в роли носильщика. Шетаси отер пот со лба и скомандовал:

– Ну, чего ждешь? Кидай свою железяку в угол и пойдем. Эх, молодежь… Учить вас и учить!

* * *

Первую прогулку по Шадизару в обществе достопочтенного Шетаси Конан запомнил надолго. Киммериец самоуверенно полагал, что друзья ознакомили его со всеми достопримечательностями и он более-менее освоился с царящими здесь порядками. Во всяком случае, мог с первого взгляда отличить кучку зевак, глазеющих на скорпионьи бои, от вроде бы совершенно такой же кучки, погруженной в созерцание игры «Камень, нож, листок».

Шетаси уль-Айяз удостоил подобные сборища наименования «мелочи пузатой», с чем Конан молча согласился. При виде с достоинством топающего по пыльной мостовой письмоводителя Сыскной Когорты игроки и зрители мгновенно брызнули врассыпную, растворившись в узких грязных переулках.

– Мелочь пузатая, ни к чему не годная, – повторил уль-Айяз и решительно свернул в сторону видневшейся неподалеку островерхой башенки зеленого цвета. Это место Конан тоже знал – площадь Благословений, примыкающая к главному митрианскому храму города. Площадь как площадь, ничего интересного. Зачем Наставнику понадобилось сюда тащиться?

Конан еще не решил, как относиться к человеку, с которым его познакомил дознаватель Рекифес. Понятно, что воин из уважаемого Шетаси, чей живот напоминает вместительный пивной бочонок, никакой. Надо полагать, единственное достоинство уль-Айяза – отличное знание шадизарской жизни. Тоже неплохо и полезно. Стоит повнимательнее слушать его рассуждения, пусть они чрезвычайно многословны и не всегда вразумительны.

На ступенях широкой лестницы храма, сложенной из желтоватого песчаника, шла какая-то возня – с криками, частыми взмахами рук и пронзительными взвизгиваниями. Вот из общей свалки выпал растрепанный серый ком, лихо кувырнулся по ступенькам, шлепнулся и, прихрамывая, споро заковылял прочь. Иногда существо – обычный сухоногий побирушка – оборачивался, понося собратьев по ремеслу на туранском и шемском наречиях. Державшаяся

в отдалении группка зрителей приличного вида одобрительно засвистела.

– Разогнать? – с готовностью предложил Конан, сообразив, что у храма происходит обычнейшая свара между нищебродами, делящими лучшие места.

Шетаси в притворном ужасе схватился за сердце:

– Мальчик, ты на солнце, случаем, не перегрелся? Или тебе не растолковали, где ты имеешь честь служить? В Сыскной Когорте месьора Рекифеса! Запомнил? Драки между нищими, мелкие жульничества, обсчеты, обвесы, обмеры, торговля гнилым сукном и прочая чепуха нас никоим образом не касаются. Пусть этим городская стража занимается, за то ей деньги платят.

– Что тогда касается нас? – немедля пожелал выяснить Конан.

– Ну-у… – уль-Айяз внушительно поднял толстый палец, украшенный кольцом с большим, но показавшимся варвару поддельным рубином. – Убийства. Кражи и мошенничества, совершенные с особым размахом. Контрабанда. Вымогательство и еще вот такие предприимчивые бездельники…

С последними словами, прозвучавшими невнятной скороговоркой, почтенный старший письмоводитель с неожиданной для его возраста и комплекции стремительностью развернулся, ловким (наверняка отработанным за многие годы) жестом сгреб за шиворот неприметного малорослого типа, размашисто встряхнул, как кошка трясет пойманную мышь, и развернул физиономией к себе. Пойманный отчего-то не вырывался, не голосил, заверяя мир в своей невиновности, и только пробурчал:

– Доброго здоровьичка, месьор Шетаси.

– За мое здоровьичко не беспокойся, свое побереги, – рыкнул вышепоименованный месьор. – Ну-ка брось! А ты, юноша, подбери.

Типчик покорно разжал пальцы. В дорожную пыль грузно шлепнулся увесистый кошель, каковой Конан не замедлил проворно подхватить.

– Конан, ты не заметил поблизости парочки лоботрясов из городской стражи? – задумчиво осведомился старший письмоводитель, продолжая слегка потряхивать бедолагу – просто так, для порядка, дабы тот не счел себя забытым. – Ибо несообразно двум героям из Сыскной Когорты тратить свое драгоценное время на препровождение в застенки Алронга мелкого гнуса по имени Бирмит, а по прозванию Крыса, каковой Крыса даже кошелек у купца толком срезать не в состоянии, чем позорит наш достославный город. А, Бирмит? Чую, пора тебе на заслуженный отдых.

– Месьор Шетаси, не сдавайте! – взмолился Бирмит Крыса, а Конан деловито сообщил:

– По-моему, патруль городской стражи мы недавно миновали.

– Можешь ли ты сказать нечто, способное облегчить твою участь и доказать, что ты еще не окончательно потерян для общества? – печально поинтересовался Шетаси у неудачливого карманника.

Опасливо поглядывая на хмурого Конана, воришка что-то быстро зашептал Шетаси в самое ухо, заросшее седым жестким волосом. Почтенный уль-Айяз рассеянно кивал. Когда Крыса закончил, Шетаси испустил тяжкий вздох и неожиданно выпустил из пальцев воротник его чудовищно засаленного халата, отчего Бирмит шлепнулся на четвереньки, однако немедля вскочил и с поразительной быстротой отбежал на пару десятков шагов.

– Псы поганые! – завопил он, оказавшись в безопасности. – Чтоб вам лопнуть!

– Догнать? – азартно предложил Конан.

– А сможешь? – спросил Шетаси с некоторой завистью. – Да Сет ему в попутчики. Я его

завтра опять поймаю. Много там?

– Где? – не понял киммериец. Потом сообразил и распустил шнурок на подобранном кошельке. – А-а…Ого!

– Дай сюда, – недовольно буркнул Шетаси, отбирая кошель. – И запомни, сынок: все изъятое у нарушителей закона должно быть немедленно сдано в городскую казну.

С этими словами он запихал кошелек к себе в пояс.

Отчего-то Конану показалось, что содержимое городской казны сегодня не пополнится.

Следующую остановку Наставник и тенью следовавший за ним ученик совершили в таверне «Звездный мост». Молодому киммерийцу об этом местечке рассказывали приятели, причем рассказ непременно сопровождался восхищенными закатыванием глаз и многозначительным прицокиванием языка. Оказалось – заведение как заведение, только почище и кормят наверняка не в пример лучше «Хромой лошади». Почтеннейший Шетаси грузно привалился к стойке, небрежно поманил пальцем хозяина, выросшего перед ним, словно из досок пола, и завел с ним тихую беседу.

Заинтересовавшийся Конан навострил уши, однако речей старшего письмоводителя не расслышал. Долетали до него только отдельные реплики хозяина «Моста», чье лицо приобретало то бледный, то зеленоватый оттенок, а голос предательски срывался.

– …кто говорит?!

– …Митрой Всевидящим клянусь!

– …почтеннейший уль-Айяз, жить-то надо…

– …как есть якшается с туранцами, а пахучую дрянь прячет на заднем дворе, за балкой овечьего сарая…

– …да никогда в жизни!

С последними словами хозяин проворно нырнул за стойку, откуда появился уже с маленьким кожаным мешочком, стремительно перекочевавшим за широкий пояс почтеннейшего Шетаси, составив компанию кошельку Бирмита Крысы.

– Смотри у меня, – пригрозил на прощание уль-Айяз, однако от предложенного кувшина белого шемского не отказался, и даже проявил щедрость, разделив сей кувшин с младшим подопечным.

– Вот народишко пошел, – огорченно сетовал месьор Шетаси, направляясь в сторону улиц торгового квартала Сахиль. – Никакой честности в людях не осталось! Нет, чтобы расплатиться и жить спокойно, так всякий норовит увильнуть да припрятать, себе оставить побольше, а законной власти – поменьше!

«Законная власть, надо полагать – господин Шетаси собственной персоной», – рассудил Конан, но вслух говорить ничего не стал. Он уже запомнил простое и действенное местное правило: иногда стоит держать язык за зубами.

Вместо этого киммериец спросил:

– Теперь куда?

– В «Золотой павлин», – пропыхтел уль-Айяз, вытирая с лысины обильные капли пота и раздраженно поглядывая на ослепительный солнечный диск. – Тамошний владелец обзавелся дурными привычками. Во-первых, водит дружбу с перекупщиками желтого лотоса, чего я во вверенном мне квартале потерпеть никак не могу. Во-вторых, обирает девчонок, которые живут при таверне, и какую-то, по слухам, даже поколотил. Хорошо ли это – обижать бедных девушек?

Конан согласился, что весьма нехорошо. В «Павлине», таверне поблизости от площади

Скачущих Коней, ему доводилось бывать, и он знал, что там подрабатывает танцовщицей Элата, одна из десятка подружек Ши Шелама. Правда, из-за некоторых обстоятельств Ши с ней недавно поссорился, и теперь вовсю ухлестывал за Юнрой, дочкой богатого торговца древностями Аземы Тавилау. Самому киммерийцу Юнра казалась чрезмерно рассудительной для женщины и страшненькой с лица. Непонятно, что в ней нашел Ши. Может, желает добраться до сундуков ее папаши? Зряшные надежды – кладовые семейства Тавилау отнюдь не стоят нараспашку в ожидании проходимцев навроде Ши.

Владелец «Павлина» при виде достопочтенного Шетаси и маячившего у него за плечом хмурого верзилы сразу поскучнел, юркнул в заднюю комнату и вынес оттуда ставший уже привычным туго набитый кошелек свиной кожи. Подношение уль-Айяз с негодованием отверг, и полюбопытствовал, каковы последние новости из Турана. Хозяин скривился, как от зубной боли.

Далее разговор велся полушепотом, завершившись вытянутым из тавернщика признанием в том, что встреча посредника и покупателей дурманного товара состоится через два дня, в таверне «На любой вкус», после заката. Шетаси одобрительно похлопал собеседника по плечу, наказал впредь не бить шлюх, приносящих заведению немалый доход, и не отнимать у них больше положенного.

Кошелек уль-Айяз все же запасливо прихватил.

– Вот и нашлось занятие для его милости Рекифеса, – с удовлетворением заявил уважаемый письмоводитель, покинув «Золотой павлин». – Всякие там засады, облавы и прочие шумные развлечения. Ему это чрезвычайно по душе. Только запомни, сынок – настоящие, большие дела творятся тихо. Чтоб никто, ни одна зараза болтливая не пронюхала. Усвоил?

На следующем постоялом дворе картина повторилась до мелочей, да вдобавок стражей закона бесплатно угостили недурным обедом. «За счет заведения», льстиво пропела хозяйка, заодно шепнувшая месьору Шетаси о подозрительных сборищах в доме по соседству и предположившая, что туда наведываются любители потискать малолеток… Рассказывая, она делала круглые глаза и всячески изображала готовность помогать доблестным человекоохранителям.

– Р-разберемся, – посулил уль-Айяз, и, когда хозяйка отошла, буркнул: – Вот они куда перебрались, после того как нынешней зимой разогнали притон на Бронзовой улице… Ну-ну, запомним.

Чем дальше, тем больше Конан убеждался, что Шетаси уль-Айязу известно о Шадизаре все или почти все. Кто кому сколько задолжал, кто чем промышляет и с какой девицей нынче живет, кому улыбнулось переменчивое счастье, а кто сидит на мели. Уль-Айязу не требовалось ни угрожать, ни применять силу – ему тут же рассказывали необходимое, и, как заметил киммериец, с явным злорадным удовольствием, пытаясь насолить собрату по ремеслу или удачливому конкуренту.

Единственная досадная заминка случилась под вечер, в таверне «Кувшин и кружка», чей владелец клятвенно обещал вернуть долг завтра. В крайнем случае, через два дня. Посетителей совсем нет, дряхлая бабушка, как назло, занемогла… Знаете, сколько нынче лекари дерут за свои снадобья и свое время?

Шетаси сочувственно кивал, поглаживал редеющие усы и в конце концов обернулся к маявшемуся от скуки подопечному.

– Сынок, пойди-ка сюда, – окликнул он Конана и указал на невольно попятившегося

содержателя «Кувшина». – Видишь это неудачливое создание природы? Возьми его и выведи наружу. Можешь делать с ним, что угодно, только чтобы через четверть колокола двадцать талеров серебром лежали на этом столе. Приступай, да гляди, не посрами чести Сыскной Когорты.

Хозяин открыл рот, но возразить не успел – его сгребли за шиворот и непреклонно повлекли к выходу. Грохнула о косяк закрывшаяся дверь. Почтеннейший Шетаси с ухмылкой налил себе дорогого «Аромата Пуантена», обнаруженного в закутке под стойкой, и приступил к неторопливому смакованию. Немногочисленные гости таверны встревоженно переглянулись, кто-то предпочел украдкой выскользнуть на улицу.

Минуло не четверть колокола, а едва ли двести или триста ударов сердца. Уль-Айяз едва успел опустошить кружку, когда на пороге объявился молодой варвар, весьма довольный собой.

– Деньги спрятаны в бочонке на складе для вина, – бодро доложил он. – Принести?

– Само собой, – хмыкнул Шетаси и на всякий случай осведомился: – Как поживает наш досточтимый хозяин?

– В колодце плавает, – безмятежно ответил киммериец.

– По кускам? – слегка обеспокоился уль-Айяз.

– Почему по кускам? – удивился Конан. – Целиком. И даже живой. Во всяком случае, когда я его туда кидал, он вовсю вопил и брыкался.

Доставленный в общий зал бочонок стражи порядка немедля вскрыли. В нем обнаружилось около пятидесяти симпатичных кругляшек с изображением немедийского дракона и еще с два десятка тяжелых туранских империалов, масляно отсвечивающих золотом высокой пробы.

– Нам лишнего не надо, – бормотал себе под нос Шетаси, проворно раскладывая монеты на кучки. Отсчитав положенную мзду, он задумчиво глянул на Конана и подвинул к нему десяток монет, провозгласив:

– Делим по справедливости и сообразности, то есть пополам.

Хорошим знанием науки счисления варвар похвалиться не мог, однако заподозрил, что половина сегодняшней добычи уль-Айяза должна составлять гораздо больше, нежели жалкие десять талеров. Понимал это и месьор письмоводитель, с гортанным хохотком растолковавший:

– Половины, сынок, бывают разные. У тебя подружка есть?

– Есть, – кивнул начинающий человекоохранитель.

– И красивая?

– Мне нравится, – несколько растерянно сказал Конан, гадая, к чему эти расспросы. Нет, знакомить месьора уль-Айяза с Диери он, пожалуй, не станет.

– Ну-у тогда… – Шетаси поколебался, однако добавил к доле подчиненного еще пяток империалов. – Купи ей какую-нибудь побрякушку. И смотри вокруг получше, запоминай, как дела делаются. Седмицу вместе походим, а потом посмотрим, народ к тебе попривыкнет, может, тебя одного выпускать можно будет… Завтра к полудню приходи в управу, заглянем на Каменный рынок, больно там умельцы резать кошельки расшалились. Да еще за одним человечком приглядеть надобно, что-то он подозрительным мне кажется…

Совет Наставника относительно подарка для подружки Конан выполнил, но в «Хромую лошадь» явился далеко заполночь, когда Диери уже легла спать. Ши отсутствовал – либо ушел резаться в кости, либо отправился навестить очередную симпатию.

«Рассказать им, что я нанялся в Сыскную Когорту? – размышлял Конан, устраиваясь рядом с сонно пробормотавшей что-то вопросительное девушкой. – Пожалуй, не стоит. Смеяться будут, особенно Ши. Нет, не скажу».

Открыть тайну все-таки пришлось, и ничего хорошего, как верно догадывался Конан, из этого не вышло. Постоянное злоязычие Ши Шелама привело к тому, что вскоре киммериец не выдержал и перебрался из «Хромой лошади» в казармы при городской управе, где обитала большая часть подчиненных Рекифеса. Диери решение приятеля чрезвычайно расстроило, а Ши втайне обрадовался, рассчитывая занять временно опустевшее местечко поблизости от Деяниры. Коварные замыслы пока не увенчались успехом, но Ши не терял надежды.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Конное ристалище

Гонг!

Тягучий бронзовый звук еще плыл в жарком воздухе, когда дверцы десятка крохотных загонов распахнулись, выпуская на Конное Поле разноцветную, стремительную лавину. Плотно сбитая группка лошадей вскоре обернулась длинной цепочкой и понеслась к заветной алой ленточке, означавшей финал забега, под нарастающее улюлюканье и вопли зрителей.

– Ерунда, развлечение для швали с дешевых мест, – авторитетно пояснил Шетаси уль-Айяз и сплюнул вишневой косточкой точно в макушку промышлявшего в проходе между скамьями нищеброда. – Молодняк выпустили, посмотреть, кто чего стоит.

Конан покивал, дабы показать, что внимает словам почтенного Наставника. На самом деле его целиком и полностью захватило азартное действо на дорожках Поля. Грохочущий множеством копыт вихрь пронесся по прямому отрезку, тянувшемуся вдоль трибун, взлетел над очередной преградой, и умчался дальше, оставив на память о себе развороченный дерн и тонкое облачко пыли.

Внизу засуетились фигурки служителей, торопливо поливавших землю водой и разравнивавших вмятины. Появилась и знаменитая ярко-красная лента – она перечеркнула поле как раз напротив трибуны для судейских и благородного сословия. С обеих сторон на бровке встали надзиратели, чья обязанность заключалась в том, чтобы как можно точнее удостовериться, которая из лошадей первой сорвет ленточку.

– Идут, идут! – зашумели внизу, в колыхавшейся вдоль ограждений Поля толпе. Кто-то пронзительно засвистел.

На сей раз у надзирателей не возникло никаких сложностей с определением победителя – впереди всех несся, далеко вытянув голову и резко выбрасывая ноги, буланый конек, на предыдущем круге скромно отиравшийся в самом конце вереницы. Теперь он обогнал соперников по меньшей мере на два-три корпуса, и не сразу сумел остановиться, прогарцевав до самого конца трибун. Алая лента зацепилась за стремя всадника и весело трепыхалась на ветру.

– Нынешней зимой покажет себя по всей красе, – вынес решение уль-Айяз и лениво повернулся, взглянуть на огромный дощатый щит, заметный со всех концов немаленького Конного Поля. Там как раз вывесили отрез белой ткани с намалеванными громадными буквами номером и кличкой победителя. Для не умеющих читать или сидящих слишком далеко известие повторяли вслух – по бокам от щита громоздились две внушительные, причудливо изогнутые и сверкающие надраенной медью трубы. В случае необходимости из них исторгался рев, способный заглушить царящий над Конным Полем непрестанный гомон и разносившийся на всю округу.

«Интересно, Ши выиграл что-нибудь на этой лошади? – Конан украдкой посмотрел наверх, туда, где отводились места для небогатых горожан, желающих насладиться одним из любимейших шадизарских развлечений. – Он, конечно, клятвенно обещал не разбрасываться деньгами и ставить только на тех, которые наверняка придут первыми, но это же Ши! У него золото просто в руках не держится, просыпается между пальцев!»

Попытка разглядеть в пестрой сумятице маленькую компанию знакомых, среди которых болтался Ши Шелам, успехом не увенчалась. Конан знал, что они там, на верхнем ярусе трибун – Ловкач, его нынешняя симпатия Юнра Тавилау, Диери, Гайраль-карманник, Рибеке по прозвищу Хорек, подручный в меняльной лавке, да вдобавок их подружки. Им наверняка весело, сидят себе, глазеют и развлекаются, а он даже не может подойти к собственной девушке! Потому что, видите ли, кое-кто вбил себе в голову: стоит знакомым углядеть поблизости начинающего человекоохранителя из Сыскной Когорты, и короткую жизнь Ши Ловкача можно считать завершенной.

– Не отвлекайся, – неожиданно зашипел над ухом Шетаси. – Никуда твои дружки разлюбезные не денутся. Мы сюда зачем пришли, не забыл? По сторонам глазеть? Или хочешь, чтобы Его милость Рекифес устроил нам веселую жизнь за нерадение?

– Не хочу, – отозвался подопечный, злорадно подумав про себя: «Сам-то сначала помчался искать посредника и монету ему совать, чтобы сделать ставку, а меня погнал искать поднадзорного!»

Личность, слежку за которой возложили сегодня утром на почтенного Шетаси и его юного воспитанника – средней руки купец – торчала несколькими рядами ниже, в обществе парочки хихикающих девиц с Улицы Соблазнов, и уходить пока не собиралась. Конан тщетно гадал, чем обычнейший торгаш мог заинтересовать Верховного Дознавателя, но спросить у Шетаси не решился. Люди ведь частенько кажутся не тем, что они есть на самом деле. Возможно, от купчишки тянется куда-то длинная ниточка…

По Ристалищу пробежала заметная волна напряжения. Надсадно взвыли трубы, загромыхал большой барабан, извещая о грядущем начале следующей скачки. Многократно усиленный кованой медью голос служителя принялся монотонно перечислять клички лошадей, имена наездников и владельцев животных. Шетаси, словно поддавшись общему порыву, встрепенулся, и, мигом забыв о собственном указании, пробормотал:

– Вот теперь начнется… Брось ты пялиться на этого старого идиота, куда он денется! На поле посмотри! Выводят, выводят! Вон они!

– Кого выводят? – не понял киммериец.

– Да Феникса же! Чем ты слушаешь, сынок, ушами или задницей? – возмутился уль-Айяз и сердито прикрикнул на сидевших впереди, чтобы не загораживали обзор. – Нынче же последние состязания перед Большим Осенним Призом. Могу побиться об заклад на свое месячное жалование, что Феникс с легкостью возьмет и эту скачку, и Нефритовый Кубок!

Конан ничего не ответил: он сообразил, что имеет в виду уважаемый Наставник и теперь высматривал среди церемонно вышагивающих по дорожкам скакунов Огненного Феникса и Тархалла. Ошибиться, не признав нынешних любимцев Шадизара, невозможно. Они сами бросаются в глаза: сухощавый, тонконогий жеребец песочно-рыжей масти в аккуратных белых чулочках, и его наездник – невысокий, хрупкого сложения туранец, издалека смахивавший на подростка. Конь, словно сознавая свою высокую цену, с достоинством косился по сторонам темно-фиолетовыми, блестящими глазами, раздувал ноздри и зло фыркал на соперников.

Шетаси уль-Айяз изрядно бы поразился, узнав, что его молодой подчиненный может похвастаться знакомством со знаменитостью Конного Поля – однажды Конану довелось посидеть за одним столом с Тархаллом из Аграпура и услышать много интересного. Произошла встреча по чистой случайности (на самом деле дружбу с туранцем водил Аластор Кайлиени, лучший из взломщиков, нынче, к величайшему огорчению приятелей и

удовольствию властей, уехавший на Полуденное Побережье), однако запомнилась надолго. Подросток-варвар с удивлением обнаружил, что склонный позубоскалить и угоститься за чужой счет наездник Тархалл совершенно справедливо полагается одним из немногих честных людей в Шадизаре.

Завершив традиционную проездку по кругу перед трибунами и поприветствовав судейскую коллегию, всадники неторопливой вереницей направились к месту начала гонки. Между зрительских рядов засуетились те, кто замешкался с решением – на какую из лошадей ставить. Громкие выкрики посредников: «Белое Облако – один к трем!», «Вояка – три к двум!» – оставались пока для Конана тайной за семью печатями, хотя сперва Ши, а затем уль-Айяз старательно пытались разъяснить новичку тонкости игры на конских бегах. Пока он твердо усвоил единственное правило: со звоном колокола, извещающим, что лошади разошлись по загончикам, прием ставок прекращается. Потом на Большой трибуне ударят в гонг, и начнется собственно скачка.

– Последний забег! – громогласно оповестили зрителей медные трубы. – Участвуют…

На сей раз Конан слушал повнимательнее – Огненный Феникс бежал третьим. К именам лошади и всадника присовокупили загадочное «два к одному», отчего завсегдатаи Конного Поля восторженно взвыли, а уль-Айяз довольно хмыкнул, и, не дожидаясь вопроса неразумного ученика, внушительно растолковал:

– Ежели бы у тебя, сынок, имелась пара лишних золотых империалов и ты их поставил на Феникса, то по окончанию скачки получил бы целых три, уразумел?

– А если Тархалл не придет первым? – здраво предположил киммериец. – Тогда никому ничего не достанется, так?

– Феникс не выиграет? – искренне засмеялись ярусом ниже. – Ну, повеселили! Эй, мальчик, коли не разбираешься в лошадях, то сиди, помалкивай и слушай умных людей!

– Вот именно, – поддержал неизвестного нахала Шетаси. – Выдумал еще глупость: Огонек не выиграет! Да как он может не выиграть, когда второго такого коня во всем городе… да что в городе! Во всей Заморе не найти! У него и возраст самый подходящий для скачек, и всадник, какого поискать!

– В Туране, говорят, с ними больше тягаться не рискуют, – насплетничали сверху. – Визирь Замбулы предлагал отсыпать за это четвероногое золотом по весу, и как думаете, почтеннейшие? Отказали бедолаге визирю, как есть отказали!

– Я слышал, после нашего Приза они в Немедию надумывают податься, – донеслось откуда-то слева.

– Значит, Бельверус ждет сплошное разорение, – хихикнули справа.

Часто забил колокол. Кучки игроков, толпившиеся вокруг посредников, быстро рассеялись – кто вернулся на свои места на ярусах, кто ссыпался вниз, надеясь увидеть скачку поближе.

– Четыре круга с преградами и водными ямами, – уль-Айяз предвкушающе подался вперед, выбивая пальцами частую дробь по скамье. – Ну, только не подведи!

Из последнего восклицания Наставника следовало, что досточтимый Шетаси пожертвовал своими империалами в пользу безусловного победителя, Огненного Феникса. Наверняка так же поступил и Ши, на котором висит изрядная сумма невозвращенных долгов. «В следующий раз, – решил Конан, – надо будет самому попробовать сыграть. Вдруг получится?»

Гонг! Звонкое хлопанье открывающихся настежь дверец. Слитный глуховатый топот

четырех с лишним десятков копыт. На трибунах даже не успели разобрать, кто захватил голову скачки, так быстро пронеслись мимо кони. Смачно хлюпнула вода во взбаламученной неглубокой яме, разлетелись грязные брызги, и кавалькада унеслась дальше, огибая плавный изгиб дорожек и приближаясь к следующему препятствию.

* * *

Хотя лошадям предстояло одолеть четыре круга, страсти разгорелись уже на первом. Вперед вырвался гнедой скакун, чей короткий хвост украшал пучок шелковых ленточек. Какое-то время гнедой (сидевший ярусом выше знаток сообщил, что жеребца зовут Упрямцем, а привезли его из Дарема, столицы соседней Коринфии) изо всех сил старался удержаться на первом месте, затем начал отставать, перейдя в замыкающие. Хваленый Огненный Феникс пока ничем особенным себя не проявил – как вполголоса пояснил Шетаси, такова всегдашняя привычка Тархалла. Пускай соперники выматываются, азартно оспаривая первенство. На третьем или четвертом круге Феникс, по виду которого почти невозможно предположить, будто он устал, начнет прокладывать себе дорогу к победе.

Как не хотелось Конану отвлекать Наставника, но любопытство и стремление узнать что-то новенькое оказались сильнее.

– Скажем, Феникс в самом деле такой несравненный, как о нем сплетничают, – начал он, дождавшись, когда лошади завершат второй круг пробега и удалятся от трибун. – Однако распоряжается-то им человек…

Шетаси презрительно хмыкнул.

– Ясно, к чему ты клонишь. Хорошее предположение, особенно для нашего развеселого городка. Только имеются кое-какие помехи. Для начала вспомним о законах чтимого всеми любителями и участниками бегов Аддаха Рабиля, коий шестой год является владельцем сего процветающего заведения. Рабиль, едва став хозяином Конного поля, заявил, что никаких мошенничеств с лошадьми он не допустит. «Никаких» – это, конечно, он хватил через край. Посредники на ставках хоть малость, да жульничают, и наездники, особенно у кого с золотишком туго или кто пожаднее, лошадей придерживают. Месьор Рабиль, когда узнает про подобных умников, гонит с Поля паршивой метлой, но всех за руку не схватишь. А нынешняя скачка будет честной от начала до конца еще и потому, что среди наездников есть Тархалл.

– Тархалл Неподкупный, – с ехидным смешком добавил сплетник сверху.

– Зачем ему брать чужое золото, когда у него своего завались? – согласился уль-Айяз. – Тархалл служит у Барча ит'Каранга, побочного сынка аграпурского градоправителя и на деньги этой лихой парочке плевать с высоких белых стен туранской столицы. У Барча полная конюшня отборных скакунов, Огненный Феникс, чистокровный саглави, которого за последние два года еще никто не обгонял, поэтому он и Тархалл могут позволить себе роскошь быть честными людьми.

– Вдобавок ит'Каранг помешан на лошадях и мечтает обзавестись коллекцией призов из всех стран Заката и Восхода, – присовокупил голос с верхнего ряда. – Туранские у него уже есть, заморийские скоро будут. С чем его и поздравляю.

Конан не выдержал и оглянулся – посмотреть, кто столь хорошо осведомлен о тайной жизни Конного Поля. Увидев, пожелал немедля провалиться сквозь землю и проклял себя за недогадливость. Ведь слышалось же в голосе нечто знакомое! Теперь сплетни разлетятся во всему кварталу Нарикано и окрестностям, а Ши придется срочно переезжать.

«С другой стороны, – попытался здраво рассудить киммериец, – на мне же не болтается вывески с надписью „Сыскная Когорта“! Знака человекоохранителя мне пока не выдали, а тот, который принадлежит Шетаси, спрятан. Мало ли с кем я могу водить компанию?»

Сидевший ярусом выше молодой человек принадлежал к семейству Тавилау, доводясь хитроумной Юнре одним из многочисленных сводных братьев или племянников. Злые языки поговаривали, что семье Тавилау пора присвоить звание шайки, ибо их расплодилось слишком много и каждый воображает себя умнее прочих. Заправляли среди Младших Тавилау Юнра и ее братец Адриеш, недавно вернувшийся из Аквилонии, где он успешно завершил обучение в Тарантийской Обители Мудрости. На совести Адриеша лежала идея создания «Вестника Шадизара», листка с изложением последних новостей и мнением Семейства по различным вопросам городской жизни. «Вестник» занимался тем, что изводил дознавателя Рекифеса упреками в бездействии, напоминал правящему Совету, что взяточники рано или поздно попадаются, высмеивал слишком прижимистых торговцев и вовсю наживал врагов.

К счастью, Тавилау-младший сделал вид, будто всецело поглощен созерцанием бегов и ему нет никакого дела до всяких там начинающих человекоохранителей.

Между скакунами, как раз вышедшими на третий круг, в самом деле развернулось нешуточное состязание. Феникс прибавил скорости, без труда пробившись в главенствующую тройку, на прыжке через яму оставил позади начавшую выдыхаться соловую кобылу и вклинился между двумя соискателями красной ленточки победителя. Справа от золотистого саглави тяжелым галопом шел массивный вороной жеребец, слева, отчаянно дергая головой, мчался серый в яблоках скакун офирской породы.

– Вороной – аренджунский Вояка, серого офирца кличут Летящей Стрелой, он наш, из Шадизара, – уль-Айяз незаметно для себя встал со скамьи, опомнился и торопливо плюхнулся обратно, невнятно бормоча: – Ах, как идут! Как идут, сынок! Сейчас он их обойдет! Ну, пошел же, пошел!..

Феникс, аккуратно подобрав длинные ноги под корпус, взмыл над очередным препятствием из ошкуренных жердей и словно завис на миг, давая восторженным зрителям полюбоваться собой. Приземлился, крутанув жестким хвостом и на малую долю обогнав пепельную Стрелу. Легким, привычным движением рванулся дальше – продолжить то ли бег, то ли полет, почти не касаясь земли…

Никто толком не понял, что именно случилось. Просто у самого края трибун Феникс вдруг шатнулся, неуклюже врезавшись в тяжеловесного Вояку и едва не сбив того с ног. Обозлившийся вороной, не слушаясь наездника, без размышлений куснул обидчика, и тут сзади в них со всего разгону врезались скакавшие позади лошади. Гнедой Упрямец чудом проскочил возникшую свалку навылет и понесся дальше, но прочие сбились в неразборчивую мешанину ржущих голов, взмахивающих рук и клубов пыли.

Какая-то женщина, сидевшая в первых рядах, пронзительно завизжала. Из неразберихи вывернулась соловая кобыла со сбившимся набок пустым седлом и кособоко затрусила в сторону поросшей зеленой травой лужайки, занимавшей центр Поля. Появился уцелевший Вояка, безжалостно нахлестываемый всадником, добежал до следующей водной преграды и

внезапно замер, уперевшись в землю всеми четырьмя ногами. Наездник перелетел через низко наклоненную голову лошади и смачно плюхнулся в желтоватую воду.

– Ой-ей… – выдохнул Шетаси, ошеломленно созерцая творившееся внизу безобразие. Длилось оно не более десяти ударов сердца и закончилось столь же внезапно, как началось. Кавалькада помчалась дальше: наверстывать драгоценные потерянные мгновения и догонять неожиданно захватившего почетный титул предводителя скачки Упрямца. О происшествии свидетельствовали только потерянно бродившие лошади без седоков, среди которых выделялся светло-рыжий жеребец. Сначала он, заметно припадая на правую сторону, бросился вслед за остальными, но опомнился, вернулся обратно и затоптался подле неподвижной фигуры, лежавшей посреди беговых дорожек.

На трибунах встревожено зашумели. Второй упавший наездник с трудом поднялся, захромал к сотоварищу, присел рядом и спустя несколько мгновений отчетливо прокричал зрителям: «Эй, кто-нибудь! Пошлите к судейским за лекарем! Да шевелитесь, демон вас раздери! Тархалла затоптали!»

От Большой трибуны вдоль бровки поля уже бежал с десяток человек в форме служителей Ристалища. Следом, подпрыгивая, катила запряженная малорослым коньком одноколка с ярко-зеленым кожаным пологом – к месту происшествия спешил не то лекарь Конного Поля, не то сам владелец ристалища.

– Плакали мои империалы горькими слезами, – со вздохом искреннего сожаления пробормотал уль-Айяз. – Отчего бы этой распроклятой кляче не грохнуться в другой день? Почему именно сегодня?

– Добро бы он шлепнулся на препятствии или поскользнулся в яме, – раздумчиво проговорил Тавилау-младший, забравшийся на скамейку, дабы получше рассмотреть сумятицу на дорожках. – В конце концов, никто не может всегда оставаться победителем. Даже лучшие из лошадей иногда падают, – он спрыгнул вниз и добавил: – Жаль Тархалла. Если не разбился насмерть, то вновь мы увидим его не раньше, чем через полгода. Феникс, говорят, не признает других наездников… Что на него нашло? Отлично бежал и споткнулся на ровном месте.

Издалека донеслись жидкие хлопки – Летящая Стрела, обогнав уже поверившего в победу Упрямца, завершил скачку. Вид у коня и всадника был одинаково обескураженный: на первое место они наверняка не рассчитывали, заранее соглашаясь на третье или четвертое, и теперь совершенно не представляли, как себя вести и как быть.

– М-да, случается, – глубокомысленно кивнул Шетаси и огляделся, ища поднадзорного. Тот с досадой разорвал на мелкие клочки и выбросил маленькие пергаментные листочки, на которых записывалась величина принятой ставки, и поднялся, намереваясь уходить. Девицы с двух сторон нашептывали ему что-то утешающее, уговаривая не расстраиваться из-за потери денег.

– Сколько хожу на скачки, такое вижу впервые, – рассуждал сам с собой молодой представитель семейства Тавилау. – Толкнули Феникса, что ли? Зато как повезло тем, кто ставил на Стрелу! Из какого расчета на него принимались ставки, почтеннейшие? Один к пяти? Это получается… – он закатил глаза и быстро зашевелил губами, высчитывая, – по пяти полновесных империалов за один жалкий талер?..

Шетаси пробурчал в ответ нечто яростно-неразборчивое и дернул за рукав странно затихшего подопечного, неотрывно глядевшего вниз, на Поле.

Поступок, который совершил в следующий миг начинающий человекоохранитель,

поразил его самого. Цепким движением выхватив из пояса Наставника латунную бляху с драконом Немедии, он загрохотал по лестнице, прыгая через три ступеньки и расталкивая пробиравшихся к выходу зрителей. Сиганув через ограждающий дорожки высокий деревянный барьер, Конан врезался в собравшуюся у места падения наездника изрядную толпу, и надсадно прокричал, размахивая блестящим знаком:

– Сыскная Когорта! Всем разойтись, ничего не трогать! Эй, ты! – он повернулся к ближайшему служителю: – Ноги в руки и побежал за городской стражей, патруль торчит у Главного входа! Пусть оцепят это место и никого не подпускают! Ты – к владельцу Поля! Известишь его о том, что случилось! Где лекарь? Носилки какие-нибудь есть? Нет? Тогда грузите в повозку! Он еще жив?

Почтеннейший уль-Айяз, наблюдая за бурной деятельностью подопечного, только растерянно крякнул. Подросток-варвар вел себя настолько самоуверенно, что никто не усомнился в его праве отдавать приказы. Кольцо зевак постепенно разомкнулось и начало рассеиваться, особенно когда появились стражники и принялись подталкивать замешкавшихся древками копий. Бедолагу Тархалла, напоминавшего наполненный осколками костей мешок в виде человеческого тела, с величайшей осторожностью взгромоздили на сидение повозки и медленным шагом повезли к видневшимся на другой стороне Поля белым зданиям служб. Кто-то попытался схватить Феникса за болтающуюся уздечку, за что был незамедлительно укушен и с воплем бросил ремень.

Хромающий саглави заковылял следом за печальной процессией, словно верный конь павшего в бою полководца.

* * *

Довольно странное общество собралось нынче в обширном внутреннем дворе дома, принадлежавшего достопочтенному Аддаху Рабилю, содержателю Конного Поля в шумном городе Шадизаре. Не считая самого месьора Рабиля, невысокого человека средних лет с желчным взглядом, смягчавшимся только когда речь заходила о конских статях, во дворе столпились: чрезмерно суетившийся представитель Судейской Коллегии с помощником, личный писец хозяина Поля, лекарь, несколько примчавшихся на шум из расположенных поблизости конюшен наездников и их подручных, не считая конюхов, тщетно пытавшихся угомонить метавшегося Огненного Феникса и отвести его в стойло, парочки приятелей Рабиля, завсегдатаев бегов, и двоих Стражей Сыскной Когорты – постарше и помладше. Предводительствовал, как ни странно, варварского обличья юнец. Его более пожилой спутник предпочитал держаться в уголке и только корчил скорбную физиономию, соответствующую моменту.

Еще одного присутствующего отныне не волновали никакие земные трудности. Наездник Тархалл скончался по дороге, не приходя в сознание, о чем во всеуслышание сообщил лекарь Конного Поля, накрывший труп вытертой попоной.

– Кто-нибудь видел, как он упал? – с плохо скрываемой яростью в голосе вопросил Аддах, обращаясь к стоящим вокруг людям.

Начавшуюся разноголосицу оборвал Конан, потребовавший, чтобы рассказывали по

очереди и не прерывали говорящего.

Общее мнение гласило: саглави потерял равновесие без всяких видимых причин. Всадники утверждали, будто такого не может быть, их поддержали видевшие забег со стороны зрители. Те и другие хором твердили, что дело нечисто и обязательно нужно что-то предпринять.

По совету Шетаси киммериец, прихватив с собой парочку стражников, заранее осмотрел злосчастное препятствие, миновав которое, Феникс сбился с галопа. Преграда выглядела, как любая другая на Ристалище: высотой в три локтя, из тонких жердей, ошкуренных и выкрашенных в чередующиеся белые и красные полосы. Ничего подозрительного в ней не обнаружилось, также как и в расположенной дальше неглубокой яме, наполненной мутной водой, и на изрытом лошадиными копытами участке между ними…

Слушавший перепалку месьор Рабиль то и дело искоса бросал изучающий взгляд на человекоохранителей, обдумывая про себя нечто серьезное. Решив, внезапно махнул рукой, заставив всех умолкнуть и распорядившись:

– Друзья мои, полагаю, сейчас нам лучше разойтись. Я сам займусь этим тягостным делом. Гебали! – лекарь кивнул. – Позаботься о том, чтобы тело покойного наездника доставили в дом почтенного ит'Каранга. Кстати, он сам в городе?

– Нету его, – паническим полушепотом выговорил судейский. – Он в Карпашских горах, осматривает табуны и закупает новых лошадей. Обещал вернуться только к Осеннему Призу, а какой теперь Приз? Что ж делать-то, господин Рабиль? Сорвется скачка, помяните мое слово, непременно сорвется! Без Феникса…

– Значит, обойдемся без Феникса! – злобно рявкнул Аддах, и оторопевший чиновник отступил на пару шагов. – Кому-то придется наведаться в горы и разыскать Барча… – владелец Поля на краткий миг замешкался, наверняка представляя, как воспримет эту новость ит'Каранг, подобно большинству туранцев, отличавшийся крайне вспыльчивым характером. – Кто поедет? – он оглядел своих подчиненных. – Желающие есть? Нет? Имрет, тогда придется тебе. Уж не обессудь.

Принудительно назначенный доброволец из числа наездников состроил гримасу:

– Имей в виду, я делаю это только ради тебя и Тархалла. Если Барч в ярости ненароком меня прибьет, ты оплатишь похороны.

– Отправляйся как можно скорее, – сухо отрезал Аддах и поманил сыскных за собой, в жидкую тень под обегавшим двор навесом. Мимо провели наконец-то пойманного Феникса, и владелец Поля, глянув на золотистого коня, дернул углом рта:

– Лучший жеребец, который мне когда-либо попадался, но с таким скверным нравом – не приведи боги… Сочувствую ит'Карангу: сегодня он потерял и отличного наездника, и превосходную лошадь.

– Огонек больше не сможет выступать? – подал голос Шетаси. – Ноги у него вроде в порядке, шея не сломана. Он, конечно, поцарапанный и изрядно побитый, но…

– Просто я сомневаюсь, что Феникс согласится признать какого-либо другого всадника, кроме Тархалла, – коротко пояснил месьор Рабиль.

– И что с ним теперь станется? – поинтересовался Конан.

– Владелец решит. Может, поставит в конюшню и сделает папашей множества отборных жеребят. Или продаст втридорога, – Аддах отвернулся от выгуливаемого на растяжках саглави, никак не желавшего успокоиться и постоянно старавшегося цапнуть или лягнуть

оказавшегося поблизости человека. – Поговорим о наших трудностях. Вы – люди из Сыскной Когорты Рекифеса, так? И всерьез собираетесь заняться причинами падения этого четвероного мерзавца?

– Почему «мерзавца»? – удивился киммериец. Ответа он не дождался – должно быть, у месьора Рабиля имелись свои, скрытые от посторонних ушей причины невзлюбить красавца Феникса. – Да, мы считаем, что этот случай чрезвычайно подозрителен. Разве нет?

– Что-то мне давно не попадались сыскные, горевшие желанием в чем-нибудь разобраться, – вполголоса пробормотал Аддах. – Должно быть, Рекифес отыскал-таки средство заставлять своих подчиненных работать… Ладно, чем я могу помочь, коли вы так решительно настроены, молодой человек? Можешь ходить по службам Поля и разговаривать, с кем пожелаешь, но добиваться честных ответов тебе уж придется самому. Ристалище – маленький тесный мирок, куда редко допускают посторонних. У нас тут все вращается вокруг да около лошадей. Если узнаете что-нибудь полезное, не забудьте поделиться. Кстати, если вам понадобятся какие-либо средства, обращайтесь прямо ко мне.

При упоминании о «средствах» Шетаси уль-Айяз внезапно оживился, рассыпавшись в многословных заверениях, что злоумышленника или злоумышленников вскорости непременно разыщут. Конан же, поразмыслив, спросил, не доходили ли до владельца Поля какие-нибудь слухи, касающиеся покойного Тархалла. Вдруг кто-нибудь ему угрожал или намекал на то, что хорошо бы в будущей скачке Феникс пришел не первым, а вторым или третьим?

– Вряд ли, – покачал головой Аддах. – Во-первых, все знали, что Тархалл подобными трюками не балуется, а во-вторых, боялись Барча. У туранца весьма незамысловатая и действенная манера расправляться с теми, кто задумывает сделать ему пакость… В общем, желаю успехов на поприще восстановления справедливости, а у меня сегодня своих забот полно.

После столь нелюбезного прощания владелец Конного Поля развернулся, чтобы уйти, но киммериец окликнул его:

– Почтеннейший, мы забираем лошадь.

– Что? – месьор Рабиль вмиг потерял всю свою невозмутимость. – Как забираете? Куда?

– На конюшню Сыскной Когорты, – объяснил Конан, – поскольку конь теперь будет этим… – молодой человекоохранитель едва не прикусил язык, лихорадочно вспоминая мудреное слово, и все-таки вспомнил: – вещественным доказательством.

– Доказательством чего? – ядовито осведомился Аддах. – Милейшие, вы уверены, что Феникс через пару дней не сдохнет от казенных харчей? У вас там кто-нибудь способен ходить за лошадьми? Учтите, если коню причинят хоть малейшее неудобство, Барч с вашей Когорты шкуру спустит. Вас не спасет даже грозный Рекифес. Оставьте Феникса в покое. Никуда он отсюда не денется.

– Положено, – упрямо стоял на своем варвар, и Рабиль, сдавшись или не желая спорить, устало махнул рукой:

– Демон с вами, уводите эту тварь. Только напишите расписку – мы, такие-то и такие-то, служащие Сыскной Когорты, такого-то дня… Своеручная роспись, печать – как положено. Мне, знаете ли, совсем не хочется ругаться с ит'Карангом по поводу его ненаглядного скакуна.

Для написания требуемой бумаги призвали писца с необходимыми принадлежностями. Шетаси уль-Айяз, сопя от усердия, приступил к созданию документа, а Конан решил

поближе взглянуть на причину нынешней драмы.

Причина скосила на незнакомца выпуклый лиловый глаз, захрапела и сделала удивительно точный выпад передней ногой, промахнувшись всего на полпальца. Раздосадованный неудачей, жеребец возмущенно заржал и попытался вскинуться на задние ноги, чему помешали двое конюхов, изо всех сил вцепившихся в ремни растяжек. Блеснули новенькие шипастые подковы, и вовремя отскочивший киммериец с легким ужасом прикинул, как он и Шетаси поведут эдакого зверя почти через весь город к зданию Когорты. Кажется, он погорячился с «вещественным доказательством», но пути обратно отрезаны – вон почтеннейший Наставник уже прикладывает к листу пергамента окунутую в зеленый сургуч маленькую печатку с изображением дракончика.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Вещественное доказательство

Считается, что жителей Шадизара ничем не удивить. Мол, в этом городе ежедневно случается столько из ряда вон выходящих событий!..

Однако маленькая процессия, двигавшаяся вдоль улицы Девро, без особого труда удостоилась внимания окружающих.

Процессия состояла из двух человек и одного чрезвычайно раздраженного коня туранской породы саглави. Золотисто-рыжий жеребец всячески пытался насолить взъерошенному подростку-варвару, чувствовавшему себя самым несчастным обитателем Заморы (а может, и всего Материка…), но упрямо тянувшему скакуна за собой. Некоторые из зевак, заметив на кожаной безрукавке молодого человека криво пришпиленную бляху Сыскной Когорты, ехидно интересовались, чем провинилось бедное животное. Кто-то громогласно осведомился, скоро ли состоится казнь четвероногого преступника и будет ли ей предшествовать показательное судилище.

Скорбно вздыхающий Шетаси уль-Айяз предпочел держаться от воспитанника и пребывающего в скверном расположении духа жеребца в разумном отдалении. Еще до выхода с Конного Поля он попытался отговорить подопечного от безумной затеи, но разве можно вести пристойную беседу, когда рядом фыркает и храпит разъяренный конь?

Воображение почтенного уль-Айяза разыгралось не на шутку, с готовностью рисуя в самых черных красках предстоящее объяснение с месьором Рекифесом. И с Барчем ит'Карангом, который через два-три дня прибудет в город, горя желанием узнать, куда накануне Осеннего Приза подевалась его лучшая лошадь. Все беды оттого, что мальчишка слишком далеко зашел в своем рвении! Скачки – самое непредсказуемое из игрищ. Даже безусловный победитель может перед самым концом забега споткнуться о крохотный камешек и полететь вверх тормашками. Единственный умный поступок, который совершил подопечный – заручился обещанием поддержки у Рабиля. Всенепременно нужно воспользоваться этой поддержкой, причем желательно, чтобы она выражалась в круглой сумме золотых либо серебряных монет…

За печальными размышлениями уль-Айяз не заметил, как они преодолели длинную и шумную Девро, миновали незримую границу между издавна соперничающими кварталами Скена и Ночная Пустошь, свернули налево и вышли к казармам Сыскной Когорты. У ворот маялся скучающий стражник. Завидев приближающихся человекоохранителей, он поперхнулся неоконченным зевком и осведомился:

– Это что?

– Конь, – раздраженно буркнул Конан. Огненный Феникс высокомерно обозрел растерянного караульного, растрескавшиеся створки и видневшийся за ними мощеный двор, поразмыслил и решил, что входить ему не хочется. В подтверждение замысла саглави попятился, стараясь выдернуть из рук варвара удила.

– А зачем вы его сюда привели? – ошеломленно заикнулся стражник.

– Побудет живой уликой, – объяснил уль-Айяз и вполголоса поинтересовался: – Рекифес здесь?

– Куда он денется… – горестно вздохнул караульный и обеспокоено воззрился на

занимавшихся перетягиванием кожаного ремешка подростка и рыжего коня. – Куда вы его собираетесь поставить?

– В конюшню, само собой, – удивился вопросу почтенный Шетаси.

– Там крыша протекает, – с готовностью доложил страж порядка. – И дверь сломана.

– Но каких-то лошадей там держат? – пропыхтел Конан, коему наконец удалось втащить упрямого жеребца за ворота.

– Водовозную клячу и двух старых меринов для курьеров, – пожал плечами караульный. Оглянулся и быстрым шепотом добавил: – Между прочим, сюда идет Рекифес.

Шетаси мысленно пожелал оказаться как можно дальше от Казарм и от Шадизара. Скажем, на Полуденном Побережье. И чтобы поблизости не шлялись никакие молодые и целеустремленные варвары, а также породистые скакуны с мерзким характером и разъяренные начальники, способные под горячую руку испортить жизнь кротким, ни в чем не повинным подчиненным.

Месьор Рекифес, впрочем, разъяренным не выглядел. Скорее, чрезвычайно удивленным. Он внимательно оглядел храпящего коня, съежившегося уль-Айяза и растерявшего изрядную часть своей самоуверенности новичка, после чего спокойно поинтересовался:

– Если мне не изменяет зрение, это прославленный Огненный Феникс?

– Он самый, – хором подтвердили Шетаси и Конан. Саглави, услышав свою кличку, поставил уши топориками и подозрительно скосился на Верховного Дознавателя, – вероятно, задумывал новую каверзу.

– Разве ему не положено сейчас быть на Конном Поле? И почему он такой… грязный и потрепанный? Его владелец знает, где находится лошадь?

Повисло нехорошее молчание. Поскольку мальчишкой явно овладел приступ немоты, Шетаси решился заговорить первым.

– Он упал, – решительно начал почтенный старший письмоводитель. – Ни с того, ни с сего. Об него споткнулись остальные скакуны и получилась изрядная свалка, едва не погубившая финальный заезд. Пока лошади топтались на месте и лягали друг друга, кто-то из них от души прогулялся по ребрам Тархалла, наездника Феникса. Тот, само собой, помер. Конан решил, что здесь дело нечисто. Месьор Аддах, владелец Ристалища, с ним согласился. А Барча, хозяина Феникса, в городе нету. Он на пастбищах в Карпашских горах. Поэтому мы привели коня сюда. Вот.

Выговорив, Шетаси почувствовал облегчение и заранее смирился с тем, что рассвирепевший Рекифес сейчас отругает их обоих, прикажет немедля доставить жеребца в особняк ит'Каранга и передать нижайшие извинения за самоуправство, а затем распорядится выгнать некоего уль-Айяза вкупе с бесталанным подопечным из рядов Сыскной Когорты. Ну и пусть. Сколько можно бегать за жуликами и рыться в пыльных бумагах?

Дознаватель молча обошел вокруг настороженно следившего за ним коня, скорчил недовольную гримасу и внезапно кивнул:

– Ладно. Ведите его на конюшню и постарайтесь выбрать стойло почище. Не представляю, чем вы станете его кормить…

– Сеном, как всех лошадей, – заикнулся Конан, за что удостоился недоверчивого хмыканья Рекифеса.

– Обошлось, – с невероятным облегчением вздохнул Шетаси, глядя вслед немедийцу, торопливо поднимавшемуся по ступенькам Сыскной Управы. Убедившись, что грозный дознаватель скрылся за дверью, уль-Айяз обернулся к подопечному, ехидно вопросив: –

Сынок, что ты теперь собираешься делать?

– Э-э… – не нашелся с ответом начинающий страж закона. – Для начала посмотрим, куда бы пристроить коня.

– Валяй, – охотно согласился Шетаси. – Я к этой зверюге даже под угрозой смерти подходить не стану.

Караульный на воротах ничего не преувеличил: конюшня Сыскной Когорты и в самом деле пребывала в прескверном состоянии. На ее ремонт вечно не хватало денег, и оттого меж потолочных балок кое-где красноречиво просвечивали голубые кусочки неба, большая часть стойл пустовала, а трое обитателей выглядели весьма запущенными и недовольными жизнью.

Бросив на новое место жительства один-единственный взгляд, Феникс сразу составил о нем крайне невыгодное мнение и пнул ближайшую копну подгнившего сена. Та с шорохом развалилась, наполнив темноватое пустынное помещение запахом преющей травы и мышиных гнезд. Шетаси оглушительно чихнул и с сомнением огляделся по сторонам.

– Пожалуй, вон то подойдет, – высказался он, указывая на клетушку слева от центрального прохода. – Коли ты ее почистишь и приведешь в порядок, и если боги проявят толику благосклонности, то сия драгоценнейшая скотинка сумеет протянуть на наших хлебах денька три-четыре, прежде чем откинет копыта. Надеюсь, к тому времени вернется Барч и заберет ее домой. Послушай, ну зачем тебе понадобилось тащить с собой несчастное животное? И не тверди мне о доказательствах! Что ты собираешься доказывать с помощью бессловесной твари? Думаешь, она укажет тебе на преступника? Или расскажет, по какой причине у нее вдруг подогнулись ноги посреди скачки? Кстати, имей в виду – едва по городу пройдет слух, что Огненного Феникса содержат в конюшне, где приличного засова-то нет, сюда сбегутся все наши конокрады.

– Я понимаю, – откликнулся чрезвычайно хмурый подопечный, пытаясь открыть хлипкую дверцу стойла. Та жалобно хрустнула и сорвалась с петель. Уль-Айяз фыркнул, привязанный к столбу жеребец презрительно заржал.

– Раз понимаешь, то почини дверь и заодно выдумай способ помешать желающим свести коня, – посоветовал достопочтенный старший письмоводитель. – Это тебе вполне по силам. И, поскольку ты втянул меня в эту неразбериху, пожалуй, я решил, что стоит предпринять для начала.

– Что же? – Конан мгновенно забыл о необходимости наводить порядок в стойле, а заодно и об осторожности, встав всего в паре шагов от Феникса, да еще непредусмотрительно повернувшись к нему спиной. Коварный саглави не преминул воспользоваться удачным моментом и, развернувшись, от души толкнул мальчишку-варвара головой. Тот едва устоял на ногах, вцепившись в край подвернувшейся под руку старой кормушки.

– Первое правило любого расследования – ищи, кому выгодно, – с пафосом провозгласил Шетаси, делая вид, что не заметил досадной промашки ученика и откровенно злорадного выражения на длинной, узкой морде жеребца. – Стало быть, нужно выяснить, какие настроения нынче царят на Конном Поле и о чем сплетничает тамошний народ в преддверии Осеннего Приза. Грядущий розыгрыш Нефритового Кубка, сынок – это не шутка. До сегодняшнего полудня любой знаток бегов с уверенностью заявлял: Кубок обеспечен Тархаллу и Фениксу. Теперь – не знаю, не знаю… – он раздумчиво покачал головой и деловито закончил: – Кроме того, все может обстоять гораздо проще. Кто-то решил учинить

гадость лично Тархаллу. Врагов и недоброжелателей у него хватало. В общем, я отправляюсь навестить места, где собираются люди, близкие к Ристалищу. Там, должно быть, гул стоит, как в пчелином улье. Верни-ка мой значок, а завтра утром встретимся и поглядим, какую рыбку мне удастся выловить в этой взбаламученной воде.

Подопечный открыл было рот, чтобы возмутиться или задать вопрос, но передумал. С видом покорности судьбе пожал плечами и вручил Шетаси позаимствованную латунную бляху человекоохранителя.

* * *

К вечеру предназначенное для Феникса помещение обрело относительно приличный вид, но возникла пара новых трудностей. Как предсказывали Аддах, Рекифес и многоумный Шетаси уль-Айяз, конь наотрез отказался есть предложенное ему сено, хотя Конан позаимствовал у казенных лошадей их лучшую пищу. Жеребец опрокинул кормушку, расплескал предложенное ведро с водой и теперь безостановочно кружил по стойлу, издавая режущие ухо взвизги, более подходящие свинье. Способов угомонить проклятое животное киммериец не знал.

Затем на многострадальную голову начинающего Стража Когорты обрушилось следующее бедствие. В конюшню заглянул посыльный от Рекифеса. Сочувственно поцокал языком, глянув на беснующегося саглави, и вручил Конану послание от дознавателя.

В прошнурованном пакете обнаружились блестящий значок с дракончиком и десяток пергаментных листов, кое-где заполненных уставным чиновничьим почерком.

– Напишешь доклад о том, что произошло на Ристалище, и завтра с утра подашь Рекифесу, – кратко и безжалостно пояснил вестник. – Да, еще велено передать, чтобы за конем смотрели в оба глаза. Чего он крутится, словно гусь на вертеле?

– Злится, – ответил Конан и растерянно уставился на пергаментные листы, соображая, как одолеть эту неприятность. Дождаться возвращения уль-Айяза и попросить его выручить бестолкового ученика, способного с горем пополам объясняться на местных наречиях, но совершенно не владеющего грамотой? Или улучить момент и сбегать домой, на постоялый двор «Хромая лошадь», обратиться к Ши или Диери? Они, конечно, умеют читать и писать, однако киммериец опасался, что у Ши Шелама вполне достанет предприимчивости и чувства юмора, дабы состряпать такой, с позволения сказать, «доклад», после коего некий Конан Канах птичкой вылетит за двери казарм Когорты.

Может, стоило послушать умного совета и оставить Феникса в конюшнях Конного Поля?..

От тоскливых мыслей варвара отвлекло мелькнувшее в дверях конюшни светло-лиловое пятно, обернувшееся силуэтом боязливо заглядывавшей внутрь женщины. Поколебавшись, незнакомка протиснулась сквозь щель между створками и остановилась, щурясь и привыкая к полумраку.

– Диери? – ошеломленно спросил Конан, узнав незваную посетительницу. – Ты как здесь оказалась?

– Ногами пришла, – девушка брезгливо отряхнула приставшие к подолу туники

соломинки. – Наши разбежались кто куда, а мне стало ужасно любопытно, чем закончилась история на Конном Поле. Правда, что Тархалла Туранца насмерть затоптали?

– Правда, – Конан запоздало вспомнил, что Диери тоже присутствовала на печально окончившихся скачках. Девушка тем временем подошла к стойлу и с нескрываемым интересом уставилась на мечущегося коня.

– Ой, Феникс! – обрадованно взвизгнула она. – Огненный Феникс! Почему ты его не почистишь? И зачем его привели сюда?

– Попробуй войди к нему, – огрызнулся киммериец, немедля пожалев о вырвавшихся словах, потому что Деянира решительно распахнула дверцу и очутилась в стойле. – Нет! Осторожно! Он кусается и злобный, как демон!

– Разве? – удивилась девушка. – По-моему, ты ошибаешься.

Она протянула руку и преспокойно погладила тянущуюся к ней морду золотисто-рыжего цвета с белой проточиной на лбу. Жеребец, раздувая ноздри, обнюхал вошедшего человека, фыркнул для порядка, но враждебных действий предпринимать не стал. Диери по-хозяйски осмотрелась, сунулась в опрокинутую набок кормушку и возмущенно ахнула:

– Ты собирался пичкать его этой дрянью?

– А чем, скажи на милость, его нужно кормить? – похоже, Феникс ничего не имел против новой знакомой. Наоборот, заметно успокоился и ходил за ней, время от времени стараясь приязненно лизнуть. – Диери, порадуй меня хоть ты! Скажи, что разбираешься в лошадях!

– Самую малость, – с непонятной печалью в голосе отозвалась девушка. – Будешь смеяться, но брат моей покойной матушки, сиречь мой дядя, зарабатывал на жизнь тем, что крал таких вот красавцев из чужих конюшен, – она мимоходом игриво дернула Феникса за челку. – Будучи в хорошем настроении, дядюшка охотно делился с племянницей кое-какими секретами и познаниями.

– Ты не могла бы припомнить эти самые познания? – не веря своим ушам, осторожно поинтересовался Конан. – Видишь ли, конь простоит здесь еще дня два-три. Может, и больше. Его владелец, наверное, будет жутко недоволен, узнав, что мы не смогли правильно ухаживать за его лошадью…

– Его хозяин – Барч ит'Каранг? – уточнила Диери. – Да, этот умеет выказывать свое недовольство. На другом конце города слышно. Эй! – она уперла руки в бока и вопросительно глянула на приятеля. – Ты ведь не собираешься попросить меня?..

– Ага, ага, – закивал Конан и, припомнив советы друзей касательно обращения с женщинами, добавил как можно проникновенней: – Пожалуйста. Ты вроде нравишься этому зверю, а на остальных он бросается. Я постараюсь отыскать кого-нибудь, чтобы тебе помогали, – быстро проговорил он, увидев, что согласие почти получено.

– Тогда мне понадобятся деньги, – решительно заявила Диери. – Где-то с десяток талеров.

– Зачем?

– Сходить в лавку и купить приличного конского корма, – снисходительно растолковала девушка и тут ей на глаза попались сложенные поверх горки старой сбруи пергаменты. – А это что за писанина?

Выслушав сбивчивое объяснение, Диери понимающе хихикнула и милостиво пообещала написать злосчастный доклад, благо часть событий она видела своими глазами, а остальное ей расскажет Конан. Правда, за «спасибо» она трудиться не собирается. На днях она видела в

одной лавке на Каменном рынке премиленькие топазовые сережки офирской работы…

Что всегда поражало киммерийца, так это легкость, с которой Диери Эйтола добивалась от него желаемого.

* * *

– *«…И умер, не приходя в сознание, причиною чему стали многочисленные телесные повреждения, нанесенные лошадиными копытами и несовместимые с жизнью. Сие подтверждено в присутствии свидетелей лекарем Конного Поля…»* Как зовут тамошнего лекаря, не знаешь?

– Гебали, – после старательного раздумья вспомнил Конан.

– *«…Лекарем Конного Поля по имени Гебали. Тело наездника осмотрено и, согласно приказанию владельца Конного Поля, месьора Аддаха Рабиля, доставлено в имение работодателя покойного, достопочтенного Барча ит'Каранга…»*

Диери погрызла кончик обтрепанного пера, перечитала написанный текст, осталась довольна и взяла следующий лист.

– Теперь запишем про бедного Феникса. *«Вещественным доказательством к делу прилагается животное, именуемое лошадью, из породы туранских саглави, мужеского полу, кличка – Огненный Феникс, четырех лет от роду, рыжей масти, на лбу – светлая отметина длиной в два пальца, на передних ногах – белые чулки до колена, грива коротко стриженная, хвост обрезан на три ладони…»*

Оторвавшись от рождавшегося в творческих муках доклада Верховному Дознавателю, девушка глянула на упомянутого жеребца, наконец-то вычищенного, накормленного и внешне смирившегося с переселением в конюшню Когорты. Неугомонный Феникс развлекался, задирая смирного дряхлого мерина, занимавшего клетушку поблизости, и время от времени шумно грыз верхнюю доску своей загородки.

– По-моему, привешивать ему на хвост бляху с печатью Стражи было излишне, – заметила Деянира.

– Ничего, не подохнет, – мстительно откликнулся киммериец. Замысел с бляхой показался ему достойной расплатой за мучения, испытанные по дороге от Конного Ристалища. Он не поленился сбегать в Управу, принес оттуда тяжелую свинцовую пломбу с гербом Сыскной Когорты и собственноручно прикрепил ее к короткому хвосту жеребца, удачно избежав очередного укуса. Саглави возмущенно завизжал, от избытка чувств лягнув и опять опрокинув ведро с водой.

По совету опытной подружки Конан молча показал рыжему коню внушительного вида широкий кожаный ремень и для наглядности пару раз хлестнул им по мешку с отрубями. Мешок оказался гнилым и немедля прорвался. Это заставило Феникса призадуматься. Получать трепку совершенно он не хотел, но, когда люди отвлекались, украдкой пытался сорвать ненавистную штучку, болтавшуюся на хвосте.

– Так почему же он все-таки упал? – Диери в задумчивости вертела перо между пальцев. – Мы сидели довольно далеко, поэтому ничего толком не разглядели. Только что лошади бежали по дорожке одна за другой, и вдруг Феникса бросает в сторону, он врезается в

соседа и начинается свалка… Рибеке сразу заявил, что это наверняка подстроено. Но Рибеке – известный выдумщик и не особый знаток бегов.

– Разве можно подстроить так, чтобы лошадь упала? – недоверчиво спросил Конан.

– Если у тебя есть деньги, желание или возможность, то в Шадизаре можно все, – серьезно ответила девушка. – Однако мы точно знаем, что над препятствиями не было натянуто веревки, в яме с водой не выкопали западню, и никто не спрятал капкана на дорожках. Иначе ты непременно их бы отыскал. Можно подкупить наездника, чтобы тот слегка придержал лошадь в подходящий момент…

– Но все хором твердят, будто Тархалл на такое не способен, – поддержал рассуждения Деяниры киммериец. – Эй, племянница конокрада, открой тайну – что нужно проделать с лошадью, чтобы она бежала помедленнее и никто ничего не заподозрил?

– Напоить перед началом забега самой обычной водой, хорошо разбавленной крепким вином, – не замедлила с ответом девушка. – Угостить чем-нибудь вроде запеченных в безобидный с виду пирожок соцветий пятилистника. Но Аддаховы люди строго следят за такими вещами. В день скачек к лошадям не подпускают никого из посторонних, будь ты даже всем известный приятель хозяина Поля или отпрыск старшего конюха. Еще? Засунуть гвоздь под подкову. Надрезать сухожилие, причем достаточно крохотной ранки. Всыпать горсточку мышиного помета в ухо. Проколоть шилом маленькую дырочку под глазом и вдуть туда немного воздуха – от этого конь будет постоянно трясти головой и отвлекаться.

– Может, с ним учинили нечто подобное? – предположил Конан. – Ты не могла бы определить?

– Сегодня – нет, – с сожалением покачала головой Диери. – Он весь побитый и в царапинах. Нужно выждать день-два, когда ушибы подживут и можно будет вывести его прогуляться. Но и тогда я ничего не обещаю. Я лишь племянница конокрада, как ты верно заметил, – она в раздумчивости пощелкала замком браслета: – Спроси лучше у Амала, приятеля Ши. Он знает о секретах лошадников побольше моего.

– Да, но захочет ли он говорить с человеком, служащим в Сыскной Когорте? – здраво усомнился варвар.

– Если опасаешься выдать себя, пусть расспросит Ши, – разумно присоветовала девушка. – Все равно от него никакой пользы. Интересно, где его носит? Сразу по завершению скачек он бесследно испарился.

– Может, в самом деле решил наведаться к зингарскому каравану? – с неудовольствием пробормотал Конан. Ему очень не хотелось в один прекрасный день отправить за решетку кого-нибудь из знакомых и беспокоило, что по Когорте гуляют слухи об готовящейся в конце осени большой облаве.

– С него станется, – кивнула Диери. – Кстати, он выиграл на сегодняшних бегах пять империалов в счет долга тебе.

– А сколько проиграл? – съязвил киммериец.

Ответа не последовало: девушка вдруг удивленно моргнула и вскинула руку, требуя тишины. Дремавший Феникс проснулся, зафыркал и затоптался на месте. Прислушавшись, Конан различил тихое поскрипывание и похрустывание, доносящееся из дальнего угла конюшни. Днем он предусмотрительно обошел покривившееся здание со все сторон и выяснил, что задняя стена примыкает к глухому забору, за которым тянется крохотный проулок. Самое походящее место для того, кто пожелал бы незаметно пробраться во владения Сыскной Управы.

– К нам гости, – шепнула Деянира, чье личико приобрело азартное и одновременно слегка испуганное выражение. – Они наверняка идут за Фениксом. Сбегать к казармам за подмогой?

– Сами управимся, – буркнул Конан. – Затаись где-нибудь и сиди тихо.

* * *

Понятливо кивнув, девушка юркнула в пустое стойло по соседству с обиталищем Феникса. Жеребец, внезапно обретя подобие человеческого разума, смекнул, что от него требуется, подошел к яслям и нарочито громко захрустел овсяными зернами. Варвар же изобразил бдительного, хотя не слишком далекого разумом стража, грозно рявкнув в темноту: «Кто там копошится?».

– Кажется, нас забыли предупредить насчет караульного, – озадаченно произнес чей-то голос. Спустя мгновение он обрел зримый облик, выйдя в отбрасываемое масляными лампами тусклое пятно света и оказавшись вполне обычным человеком. Как положено в славном городе Шадизаре при столь поздних визитах, незваный гость натянул на себя одежку темных цветов, но положенной черной маской пренебрег, спрятав лицо под небрежно завязанной серой тряпицей. Пришел он не в одиночку – позади во мраке копошилось не то двое, не то трое спутников, с приглушенными ругательствами влезавшими в слишком маленькое отверстие в стене.

– Это не караульный, а рекифесовский щенок, – охотно пояснила высунувшаяся из-за плеча вожака (Конан счел человека в сером платке главарем шайки) угрюмая рожа, могущая похвалиться отсутствием доброй трети зубов и свороченным набок носом. – Говорят, его высокородие задумал привечать всяких дикарей – мол, они честные да неподкупные. Эй, парень, хочешь добрый совет? Прогуляйся во двор до ветру, и не торопись обратно. Получишь пять талеров, а Рекифесу завтра скажешь, что был в стельку пьян, дрых без задних ног и ничего не слышал… Договорились? Орясина варварская, ты по-людски хоть понимаешь?

– Сам ты дикарь, – ответствовал слегка оскорбленный киммериец и подробно растолковал, что гость может сделать с предложенными талерами и в какое место их запихать. Разглагольствуя, он незаметно передвинулся ближе к стойлу Феникса и прислоненным к загородке двузубым вилам, коими сегодня днем грузили сено.

Конокрады ответ оценили, даже одобряюще хмыкнули. Кривоносый буркнул что-то насчет молодых да ранних, и вопросительно глянул на предводителя.

– Насчет пяти талеров мой друг, конечно, пошутил, – донеслось из-под серого лоскута. – Пожалуй, речь должна идти о двадцати… или даже о пятидесяти.

Конан сделал вид, что старательно размышляет над предложением.

– На твоем месте, мальчик, я бы поумерил аппетит, – холодно посоветовал вожак. Нам, как понимаешь, нужна эта лошадь. И мы ее получим. С твоей помощью или без нее.

– Это не лошадь, а вещественное доказательство, – почти без запинки выговорил доблестный человекоохранитель. – Вы, малопочтенные, шли бы своей дорогой. Желательно подальше отсюда, пока вас не повязали и не отвели в Алронг, где вам самое место. Ясно?

Где-то с десяток ударов сердца конокрад изумленно глядел на нахального подростка-

варвара, словно осознавая услышанное, а затем коротко махнул рукой своим подручным.

Первому нападавшему, Кривоносому, ломившемуся вперед, точно неудержимо катящийся с горы валун, Конан весьма удачно ткнул вилами в бедро. Тот с воем отлетел в сторону и свалился набок. Двое других оказались сообразительнее, держась вне пределов досягаемости длинных вил и постепенно заходя упрямому стражу в тыл.

Из темноты прилетел метательный нож, встречи с коим киммериец успешно избежал. Однако нож послужил отвлекающим маневром, и за ним последовала веревка с крючьями, змейкой обвившаяся вокруг зубьев вил. Игру в «перетягивание каната» Конан проиграл, лишившись своего грозного оружия и в отместку запустив в замешкавшегося главаря пустым ведром.

Цель-то он поразил, но торжествовал недолго – кто-то прыгнул ему на спину, умелым движением набросив удавку из тонкого ремешка. Друзья учили мальчика с Полуночи, как справляться с такой бедой, но их наставления мгновенно забылись, и Конан попросту попытался ударить висящего сзади душителя о стенку стойла.

Разумеется, та сломалась, и противники яростно забарахтались среди обломков подгнивших досок, тюков преющей соломы и кучи старых попон. Удавка, спасибо Небесам, ослабла и свалилась, но в полумраке киммериец никак не мог отыскать своего недруга, сумевшего затаиться. Мелькнул желтый луч фонаря – один из конокрадов догадался осветить стойло, причем сделал это настолько удачно, что Конан оказался в луче света и на миг ослеп.

– Вон он! – приглушенно взвизгнул предводитель. – Хватайте мальчишку!

Засим последовал внезапный оглушительный грохот, перемежаемый яростным ржанием, воплями боли, улюлюканьем и шипением, напоминавшим боевой клич разъяренной рыси из Эйглофиатских гор. Свет погас и снова вспыхнул, но теперь уже не от тусклой лампы, а от выписывающего в воздухе круги факела. В метнувшегося к центральному проходу Конана с размаху врезался кто-то бегущий, и варвар, недолго думая, приложил неизвестного головой о край каменной лошадиной поилки.

Раздался глухой вскрик, ставший последним в этой ночной неразберихе. Киммериец на всякий случай подождал еще немного. Ничего не происходило, только рядом время от времени печально постанывали. Отсветы факела стали ближе, поблизости задвигалось нечто большое, шумно пыхтящее и фыркающее, что могло быть только Огненным Фениксом.

– Великая битва при конюшне, – проговорил слегка дрожащий голос Диери. – Феникс, умница, поди сюда… Не надо больше его пинать! Хватит, я сказала! Конан, где ты?

– Здесь, неподалеку, – варвар огляделся. Деянира поступила весьма разумно, в разгар схватки открыв дверь загона Феникса и выпустив коня наружу, дабы тот во всей красе показал свое умение кусаться, лягаться и портить жизнь людям. Жеребец не обманул возложенных на него ожиданий: по конюшне валялись разбросанные там и тут тела нападавших, слабо шевелившихся и даже не пытавшихся удрать.

– Ищи веревку, – деловито распорядился Конан. Диери молча протянула ему заранее приготовленный моток тонкой бечевки и отправилась улещивать Феникса, проникшегося сильной неприязнью к предводителю шайки. Конь с бдительным видом расхаживал вокруг упавшего человека и при малейшем движении придавливал сверху копытом.

– Я его знаю, – уверенно заявила девушка, когда главарь конокрадов был тщательно связан по рукам и ногам, а киммериец сдернул с его лица невзрачную тряпицу. – Это Акцель, его еще зовут Счастливой Подковой. Говорят, он в прошлом году свел лучшего жеребца у коринфского наместника!

Акцель с ненавистью глянул на стоявших над ним молодых людей и рыжего саглави, открыл рот, собираясь что-то сказать… И не сумел издать ни звука, потому что Конан свернул из его бывшей маски затычку, надежно преградившую путь любым возражениям бывшего удачливого похитителя лошадей.

Злоумышленников шеренгой разложили вдоль прохода конюшен, отчего они стали напоминать засунутых в мешки и приготовленных к отправке на кухню поросят. Киммериец опасался, что попытка нападения повторится, но до конца ночи так никто и не появился.

Утром конюшню навестил лично Рекифес при свите помощников, заместителей и начальников караулов. Узрев результаты ночного побоища, восхищенно присвистнул, но встревожился, заметив пустое стойло.

– Где конь?

Огненный Феникс, прилегший отдохнуть на пол, лениво встал и издал короткое сердитое ржание. Дознаватель облегченно вздохнул и сверху вниз глянул на окончательно пришедшего в сознание и потому безнадежно угрюмого Акцеля.

– Какая встреча! Акцель-Подковка собственной персоной! Волоките его ко мне, нас ждет душевнейшая беседа о красотах Коринфии и достоинствах тамошних несравненных скакунов… Конан, ты мне тоже понадобишься. Эй, что здесь делает девица?

Взгляды присутствующих устремились на оробевшую Диери, немедленно скрывшуюся в стойле Феникса.

– Ее зовут Деянира Эйтола и она моя знакомая, – поспешил на выручку Конан. – Она знает толк в лошадях и будет присматривать за Фениксом, пока не вернется его хозяин.

– Да? – с сомнением переспросил Рекифес. – Ты уверен, что твоя… э-э… знакомая поладит с этим кусачим чудовищем?

– Поладит, – заверил высокое начальство киммериец.

У Рекифеса Конан проторчал почти до полудня и при первой возможности сбежал обратно на конюшню. Диери яростно отскребала жесткой щеткой рыжую шерсть Феникса, Шетаси, которому уже пора было вернуться, она не видела и никакие посланцы от достопочтенного Наставника не приходили.

Киммериец велел себе набраться терпения. У уль-Айяза могла иметься тысяча причин задержаться. Может, он вышел на след преступников?

Солнце неспешно ползло по небу, склоняясь к горизонту. Сыскная Управа жила своей жизнью, Диери с помощью Конана вывела Феникса прогуляться по двору – жеребец прихрамывал, но уже не так сильно, как после скачек – приближался вечер, а Шетаси уль-Айяз по-прежнему не появлялся.

Смутное беспокойство Конана начинало перерастать в настоящую тревогу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
Согласно духу Закона

Благотворительный приют для малоимущих, что скромно приткнулся в углу двора митрианской обители, весь пропах каким-то резким и кислым запахом, от которого неудержимо тянуло как следует чихнуть. Приют вроде не бедствовал, однако даже недолгое пребывание в нем наводило на мысли о том, что душевспомогательная затея монахов с самого начала обречена на провал. Слишком мало лекарей и слишком много увечных и калечных, коих за отсутствием места размещали прямо в коридорах, на пожертвованных прихожанами Обители драных циновках.

Шетаси уль-Айязу, впрочем, удалось избежать общей участи. Старшему письмоводителю Сыскной Управы отвели отдельную комнатку с видом на чахлый садик, но, похоже, это его совсем не радовало. Он паршиво себя чувствовал, смотрел на мир с отвращением и брюзжал больше обычного.

Конан примчался в Приют ближе к закату, сразу после того, как в Управе объявился мальчишка, заявлявший, будто у него имеется весточка для служащего здесь парня-варвара, чье языколомное прозвище он позабыл. Юнец выклянчил горсть медных суффи, после чего с видом крайнего одолжения изрек порученное ему известие: мол, некий уль-Айяз находится в Приюте Страждущих на улице Ликар и желает как можно скорее узреть своего подчиненного. Так что ноги в руки и бегом!

Последнее малолетний вестник наверняка добавил от себя, увернулся от затрещины и смылся, довольно ухмыляясь.

– Вот и нашелся твой Наставник, – с облечением сказала Диери. – Только каким образом он умудрился загреметь в Приют? Туда обычно привозят тех, кого подбирают в бессознательном состоянии на улицах, болезных нищебродов и прочих страдальцев с пустыми карманами.

– Вернусь и все расскажу, – пообещал киммериец.

– …Дурацкая история вышла, – скрипуче говорил почтеннейший уль-Айяз, уныло созерцая каменную стенку напротив, украшенную выцветшим ковриком. Речь старого сыскаря звучала слегка невнятно, причиной чему служила пара утраченных зубов и легкая затуманенность разума, вызванная уймой успокоительных снадобий. – Давненько уже со мной ничего подобного не случалось. Все из-за тебя, между прочим!

Конан согласно поддакивал, с тоской понимая, что в ближайшие седмицы уль-Айяз из Приюта не выйдет, а ежели и выйдет, то прямиком отправится домой, не в Управу. Варвар специально расспросил лекаря, пользующего Наставника. Бритоголовый монах пожал плечами, въедливо перечислил количество сломанных костей достопочтенного Шетаси и многозначительно добавил, что молодому человеку стоило бы отблагодарить Подателя Жизни за то, что его старший друг вообще остался в живых.

Намек Конан отлично понял. Пересчитал оставшееся в кошеле серебро и решительно высыпал половину в стоявший у входа в Приют огромный железный ящик для пожертвований.

– Я всего-то собирался пройти по тавернам рядом с Конным Полем, да разузнать, кто что подумывает о падении Тархалла, – Шетаси помолчал, собираясь с мыслями. – Зашел в

«Змею и скорпиона», оттуда наведался в «Красного быка». Там как раз околачивался Ушастый Осарк, один из старшин Гильдии посредников. Ну, думаю, свезло: Осарк о лошадях знает все. Ежели поставить ему кувшинчик белого шемского, может, он поведает чего интересного…

– Что он сказал? – нетерпеливо осведомился Конан.

– Можешь гордиться – Осарк тоже вбил себе в голову, что Феникс не мог ни с того, ни с сего шлепнуться на ровном месте, – раздраженно бросил Шетаси. – И не перебивай старших! Я, значит, потихоньку перевожу разговор на иную тему. Большинство зрителей наверняка ставило на Огонька, так? Должно быть, те, кто вложил свои денежки во второразрядных лошадей, по воле случайности оказавшихся первыми, теперь ходят и довольно потирают ручки, хваля свою предусмотрительность. Месьор Осарк кривит рожу изголодавшегося демона и начинает сыпать проклятьями налево и направо. Мол, он на этой треклятой скачке едва не разорился. Почему? Да потому, что ленточку победителя срывает Летящая Стрела, шедший из расчета один к пяти, а следом за ним, вывалив язык, прибегает даремский Упрямец, за которого вообще с огромной натяжкой давали один к восьми! И Ушастый вынужден покрывать выигрышные ставки, отчего у него происходит разлитие зеленой желчи!

– Он, случайно, не говорил, какие именно люди выиграли на Стреле и Упрямце? – у киммерийца возникла какая-то смутная идея. К сожалению, она промелькнула слишком быстро, чтобы толком ее осознать, оставив на память о себе расплывчатый след.

– Не только говорил, но даже записывал, как водится у посредников, – Шетаси, похоже, несколько удивился внезапной проницательности подопечного. – На всякий случай я выпросил копию этого списка, выглядевшего довольно странно, и откланялся. Думаю, посижу где-нибудь в тишине, соображу, чего к чему. На углу Боенского Проезда и Кривоколенной натыкаюсь на каких-то молодчиков, выясняющих отношения. Мне бы пройти мимо, но стражников поблизости не оказалось, а эти головорезы разошлись не на шутку и уже схватились за ножи. Сам не знаю, что меня дернуло полезть их разнимать… Очухиваюсь здесь и спасибо добрым людям, что не бросили подыхать на улице.

Уль-Айяз закашлялся и желчно закончил:

– Список, само собой, пропал, кошелек тоже. К работе до конца осени я не пригоден, и разыскания наши зашли в тупик. Когда приедет ит'Каранг, верни ему коня. Да не забудь попросить его милость Рекифеса подыскать тебе нового Наставника, ибо старому одна дорога – на кладбище.

– Новый мне ни к чему, – спокойно, будто говоря о само собой разумеющемся, заявил Конан. – Лучше скажи, ты не запомнил, какие имена перечислялись в том списке?

В ответ послышалось недоверчивое хмыканье, сменившееся задумчивым поцокиванием языком.

– Жебел, ювелир с улицы Книжников, этого точно помню… Выиграл две тысячи талеров. Башмачник Лунда из квартала Сахиль, тысяча пятьсот империалов. Некий Раселим, также обогатившийся на тысячу триста золотых туранской чеканки. Где живет и кто таков – не помню или у Осарка не говорилось. Еще Косью, лавочник на Каменном рынке… Скажи на милость, сынок, что ты решил затеять? Тебе мало безумного жеребца? Это дело – спящая злая собака, которую лучше не пинать…

Говоря, Шетаси прекрасно понимал, что его убеждения напоминают воду, проливающуюся на песок. Ученичок не собирался отступать. Кто знает, вдруг в тугодумной варварской голове хватит упрямой настойчивости, чтобы докопаться до истины? Будь уль-

Айяз лет на двадцать помоложе… Если бы старые поломанные кости так не болели… Его время пришло и прошло, пусть теперь другие бегают за злоумышленниками и разгадывают чужие коварные планы. Ему бы посидеть на солнышке, вспоминая минувшие веселые деньки…

– Как только что-нибудь узнаю, сразу же приду, – мыслями подопечный был уже не здесь, в Приюте, и достопочтенный письмоводитель, вздохнув, справедливо обозвал себя «старой развалиной».

* * *

На полдороге к казармам Сыскной Управы Конана начали одолевать сомнения. Шетаси верно спросил – какой прок от нескольких имен совершенно неизвестных людей? Он ведь не собирается вваливаться к мирным обывателям и обвинять их… В чем, собственно? В изрядном выигрыше на бегах? Это не преступление. Прихоть случая. Такая же прихоть, из-за которой споткнулся Феникс и погиб Тархалл. Или все-таки не случайность? Как узнать? Конан в очередной раз пожалел, что не к кому обратиться за советом – большая часть смекалистых приятелей киммерийца недавно решила приискать более спокойное место для жилья, чем развеселая Замора.

Правда, остался Ши. Он, конечно, парень легкомысленный и взбалмошный, но помочь наверняка согласится. Особенно если пообещать ему простить долг в сорок полуимпериалов.

Решено. Зайти в Управу, поведать Рекифесу о тяжкой судьбе старшего письмоводителя уль-Айяза. Заодно попытаться выхлопотать для месьора Наставника денежную поддержку на время, пока тот выздоравливает. Узнать, как дела у Диери и ее четвероногого любимчика. А затем – долгие поиски Ши Шелама, ибо воришка может оказаться в любой из доброго десятка таверн, в гостях у подружки и вообще где угодно. Жаль, что Шетаси так не повезло. Не стоило ему нарушать собственное мудрое правило, гласящее: «Неурядицами на улицах должна заниматься городская стража».

Под вечер подворье Сыскной Когорты изрядно оживилось. У дверей комнаты старшего помощника Верховного Дознавателя толклась голосистая толпа просителей, с озабоченным видом пробегали стражники, мимо протащили в подвал кого-то надрывно причитающего, откуда-то долетал визгливо оправдывающийся голос, и все происходящее красноречиво подтверждало намерения Рекифеса придать Столице Воров облик приличного города.

Дознавателя киммерийцу повидать не удалось. Караульный при дверях шепотом насплетничал, будто Его милость отбыл проводить очередную проверку злачных мест. В конюшне (теперь пребывающей под бдительной охраной десятка стражников) меланхолично пережевывал отруби Феникс, проявивший легкое оживление при виде знакомого человека. Конан только вздохнул при мысли о том, что прожорливый саглави кормится прямиком из его кармана.

– Осталось недолго, – обнадежила приунывшего приятеля Диери. – Не сегодня-завтра вернется Барч…

– Не слишком ты этому рада, – заметил варвар.

– Может, я всегда мечтала иметь такую лошадь, – откликнулась девушка, рассеянно

поглаживая подхалимски вытянутую морду жеребца. – Мы так здорово поладили, но скоро приедет настоящий владелец и заберет Феникса. Хоть разок бы прокатиться на нем… Как поживает почтенный уль-Айяз, да продлятся его годы бессчетно? Здорово его побили?

– Выкарабкается, – убежденно заявил Конан, которому очень хотелось верить собственным словам. – Как думаешь, где можно найти Ши? Он мне срочно нужен.

– В «Розовом бутоне» или «Улыбке удачи», игорном доме Чойро, – предположила Деянира. – Это два его любимых места. Хотя искать этого проходимца на ночь глядя – бессмысленное занятие. Он же не сидит на одном месте, если только не ввяжется в затяжную игру до самого утра.

– Я все-таки попробую.

Перед уходом киммериец заглянул в караульное помещение – узнать, нет ли свеженьких новостей.

Однако караулка, или иначе «Зверинец», где во всякий день толпилась едва не треть городских стражников вперемешку с сыскарями, приходя кто по делу, кто с задержанным, а кто просто так – посидеть в холодке, спасаясь от жары, да пропустить с приятелями по стаканчику красного под партию в кости – на сей раз оказалась на удивление безлюдна. Только за высокой стойкой, которую тысячи прикосновений локтей и животов отполировали до масляного блеска, маялся бездельем пожилой седоусый стражник, приветствовавший Конана еле заметным кивком. Да еще в дальней от входа клетке (целый ряд таких железных клеток, где обыкновенно держали злоумышленников перед отправкой в Алронг, тянулся вдоль одной из стен, за что караулку и прозвали «Зверинцем») сидел в одиночестве некто, показавшийся варвару смутно знакомым, и, свесив между колен кудрявую голову, уныло тянул вполголоса:

…Бывает, возникает
В тумане странный призрак,
Но ты, его зави-идев, не бойся, не беги:
Проедет стороною угрюмый сонный рыцарь,
И конь,
И конь,
Хромой на три ноги…[1]

– Что-то тихо сегодня, – начал киммериец, останавливаясь перед стойкой со скучающим ветераном. Тот оторвал сонный взгляд от толстенного фолианта, в коем велся учет поступивших нарушителей, и выжидательно посмотрел на Конана. – Куда все подевались-то?

– Вино пьешь? – вопросом на вопрос ответил стражник, вытягивая откуда-то из-под стойки объемистый бурдюк и добавляя к нему пару глиняных кружек.

В бурдюке оказалось красное шемское, причем на удивление неплохое и крепкое как раз в меру.

– Тетка прислала, – пояснил ветеран, вытирая усы и сноровисто разливая по новой. – Ты, никак, из Сыскной Когорты? Новичок? Вроде я тебя раньше не встречал?

– Да имеется кой-какой опыт… – неопределенно буркнул варвар. – Меня зовут Конан.

Сонные глазки стражника подозрительно заблестели.

– Постой-постой, не ты ли Акцеля Подкову вчера повязал? – воскликнул он и, получив

от приосанившегося Конана утвердительный ответ, оживился еще более. Настолько, что даже прихлопнул тяжелой ладонью по стойке, заставив кружки подпрыгнуть: – Точно! Парень, что коня арестовал!

Киммериец просверлил ветерана яростным взглядом, не сулившим ничего хорошего, на что, впрочем, тот не обратил ни малейшего внимания.

– Тарбад, десятник, – представился стражник. – Конан, значит… Ты рассказывай, рассказывай, как дело-то было. Да не стой столбом. Бери табурет, садись… Эх, жаль, никого из ребят нету! Ну, со знакомством…

– А где все? – спросил Конан, радуясь представившейся возможности уйти от щекотливой конской темы и воспользовавшись тем, что новый знакомый надолго присосался к своей объемистой кружке. – Отчего так пусто? Тут же всегда не протолкнуться.

– Да известное дело, – десятник сцепил руки на внушительных размеров животе и хитро поглядел на молодого человекоохранителя. – Странно, что тебе ничего не известно. Уж вам-то, сыскарям, первым должно… Да ты же сейчас, небось, неотлучно при конюшне?

Конан скрипнул зубами.

– Его милость месьор Рекифес проведал стороной, что перекупщики лотоса нынче встречают караван из Турана с товаром, – продолжал словоохотливый стражник, напрочь не замечая страданий киммерийца. – Бел его разберет, как прознал. Кто-нибудь из задержанных разболтал, небось, в надежде пораньше выбраться из-за решетки. И понеслось, как водится – облавы, засады… Всех разогнали, один я сижу тут, да еще вон та ошибка Создателя дожидается, покуда его в Алронг не сведут… Кончай завывать, непотребство ходячее! Слышал, что говорю?!

Последние слова относились к обитателю железной клетки, жалобно выводившему куплет за куплетом:

Заржавленные латы
Готовы развали-иться,
Изъедены до дырок стальные сапоги.
Дорог не выбира-ая,
Блуждает сонный рыцарь,
И конь,
И конь,
Хромой на три ноги…

Услышав окрик десятника, певец поднял голову и в самых образных выражениях пояснил, куда вышеупомянутый Тарбад может отправляться.

– Ну, я ему сейчас, – вскипел стражник, поднимаясь с табурета и вытаскивая из-за пояса тяжелую деревянную дубинку.

– Погоди-ка, – остановил грядущее справедливое возмездие Конан. – За что он тут?

– Этот? С поличным его взяли, при всех отягчающих. Сунулся у заезжего купца из Зингары кошель резать, купчина его за руку и схватил. А он, курицын сын, нет бы миром сдаться или блажного изобразить, чтоб не слишком били – зингарца кастетом в ухо, да бежать. Прямо на патруль и наскочил. Пока ребята его вязали, крыл их распоследними словами… Словом, сам себе яму вырыл.

– Вот негодяй, – сочувственно произнес варвар. – И что теперь с ним будет?

Тарбад наморщил лоб в мучительной попытке припомнить «Уложение о Наказаниях».

– Хм… Схвачен на карманной покраже – это раз. Три луны в Садке, и к гадалке не ходи. Зингарцу башку проломил. Опять же, оскорблял при исполнении, пытался скрыться… Это два и три. Так что, Конан, выйдет по совокупности не менее года взаперти с предварительным прилюдным бичеванием. Ежели вдобавок купчина заявит, что от удара приключился значительный ущерб его драгоценному здоровью, то согласно параграфа шестого «О членовредительстве», – десятник внушительно уставил в потолок толстый указательный палец, – виновному в упомянутом повреждении здоровья палач производит публичное усекновение правой руки на ладонь ниже локтя с прижиганием. Во как, братец, порядок-то надо наводить!

– Сурово, – уважительно признал Конан. Незадачливый воришка, подвинувшийся ближе к решетке и напряженно слушавший, побледнел как полотно – даже в полутьме было заметно.

– Это если следовать букве закона, – продолжал стражник, похлопывая по левой ладони увесистой палкой. – А ежели духу, то сейчас я его, верблюда шелудивого, вразумлю по-отечески за поношения его богомерзкие, чтоб доблестную городскую стражу впредь безмерно уважал и рот свой паршивый держал на замке… Пяти горячих в самый раз будет, как думаешь, Конан?

– Такому-то мерзавцу? – хмыкнул Конан. – Самое малое семь. Управишься сам, почтенный, или помочь?

– Да уж как-нибудь, – ухмыльнулся десятник. Тот, о ком шла речь, отодвинулся в самый дальний угол клетки и оттуда обрушил на будущих экзекуторов поток отборной брани. Впрочем, как ни удивительно, большая часть его цветистых эпитетов предназначалась не седоусому ветерану, а именно киммерийцу. Тарбад только изумленно покрутил головой.

– Эй, ты себе этак на вечную каторгу наговоришь, – прикрикнул он, когда поток ругательств иссяк. – Ну и кроет! Слушай, Конан, у вас с ним, случаем, личных счетов не имеется?

– Есть немного, – сумрачно признался варвар, разглядывая злосчастного воришку, злобно посверкивающего глазами на человекоохранителей.

– Так, может, ты его и поучишь уму-разуму? Парень ты здоровенный… – Тарбад протянул Конану дубинку, которую варвар взял без лишних вопросов, а сам уютно устроился в отдалении с кружечкой шемского, дабы со всеми возможными удобствами созерцать поучительное зрелище.

Конан отпер решетку и вошел в клетку, с задумчивым видом поигрывая палкой.

Ши смотрел на него с ненавистью. В точности загнанная в тупик и щелкающая мелкими зубами крыса.

Начинать вразумление юный блюститель, к некоторому разочарованию Тарбада, не спешил. Он присел на прикованные к стене нары напротив задержанного, грустно посмотрел на Ши, вздохнул и произнес:

– Говорил я тебе: сходи в храм Бела, помолись на удачу. Признавайся, не ходил?

– А катись ты… – злобно прошипел бывший приятель.

– Ши, – внезапно поинтересовался Конан, – ты Шадизар хорошо знаешь?

– Как свои пять пальцев, – несколько озадаченно ответствовал карманник и, спохватившись, снова разозлился: – Ты мне зубы не заговаривай! Кто бы мог подумать, что с

такой скотиной я под одной крышей…

– Да, – вздохнул киммериец. – Опять же, ты мне сорок монет должен…

– …и если ты собрался отомстить за старые проделки…

– …да и Шетаси у лекарей застрял надолго…

– …то имей в виду, что поступаешь, как настоящая варварская свинья, и я Диери непременно про твои…

– Решено, – твердо сказал Конан, поднимаясь. – Ну-ка, вставай, сын греха. И руки на скамейку.

Ши поперхнулся очередной гневной тирадой.

– Малыш, ты чего? – растерянно пробормотал карманник. – Мы же друзья. Забыл?

– Давай, парень, проучи его как следует, – подал голос почтенный Тарбад. – Чтоб еще седмицу сесть не мог.

– Я помню, – мрачно сказал варвар. – Становись, говорю. Да вопи погромче, понятно?

…Дубинка с гудением рассекла воздух. Раздался звонкий удар, десятник одобрительно крякнул, а Ши в полном недоумении уставился снизу вверх на киммерийца, не в силах понять, отчего ему не вполовину так больно, как должно бы быть. Конан, умело придержавший страшный удар, чтобы не нанести серьезных повреждений, скорчил жуткую рожу и одновременно незаметно пнул приятеля в щиколотку.

– Кричи, болван!

Сообразив, Ши заорал так, что с потолка посыпалась пыль и дохлые пауки, а со двора в караулку заглянул обеспокоенный страж.

– Все в порядке, – успокоил его Тарбад, поглядывающий на молодого варвара с уважением. – Злоумышленника вразумляем.

Тщательно примериваясь, Конан отсчитал еще пять горячих. Ши вопил и корчился, словно пожираемый демоном. Тарбад даже начал испытывать к бедолаге нечто, похожее на сострадание.

– Эй, не увлекайся! – крикнул он Конану. – Помрет еще, упаси Митра!

– Ничего, он живучий, – проворчал киммериец и последний удар придерживать не стал. Ши изумленно взвыл и рухнул на земляной пол, как лягушка под сапогом.

– Чтоб впредь не думал о друзьях плохо, – буркнул Конан. – Теперь лежи и стони, будто помирать собрался.

Он вышел из клетки, заперев за собой сложный замок.

– Почтенный Тарбад, – обратился к пожилому стражнику варвар под сопровождение душераздирающих звуков, доносящихся из запертой клетки, – ты «Кровь дракона» любишь?

– Смеешься? – хмыкнул десятник. – У нас жалование – стаканчик «Крови» пропустишь, потом седмицу голодаешь. Вино первостатейное, кто бы спорил…

– Твоя тетушка не хуже присылает, – проникновенно заверил Конан, и польщенный ветеран расцвел. – Давай-ка еще по одной – за крепкое мужское братство.

Неторопливо осушив с почтенным Тарбадом очередную кружку (доносящиеся из-за решетки стоны тем временем изрядно утратили трагизма и звучали теперь скорее нетерпеливо, на что, впрочем, не разбирающийся в тонких материях и увлеченный беседой десятник внимания не обратил), Конан полез в кошель и достал пригоршню империалов, оставшихся от последней прогулки с Шетаси. Стражник сопроводил золото заинтересованным взглядом.

– Я сейчас к его светлости, – заговорщицким тоном молвил киммериец в заросшее

седым волосом ухо стражника. – Этого, – он кивнул на клетку, где Ши стенал все реже и реже, – возьму с собой. Сразу в Алронг и сдам. Чего зря время терять?

– Н-ну, э… – замялся десятник, красноречиво переводя взгляд с горки монет на засаленный фолиант, где, как уже было известно Конану, полагалось расписываться за выводимых из «Зверинца» нарушителей.

Конан небрежно отмахнулся и испытал мгновенное сожаление, когда золото исчезло со стойки, словно по волшебству. Почтенный Тарбад, чья широкая физиономия раскраснелась пуще прежнего, подмигнул и демонстративно отвернулся, фальшиво насвистывая веселенькую мелодию.

– Приятно было вместе работать, досточтимый, – хмуро сказал варвар. – Выпей «драконовки» за мое здоровье. И за крепкое мужское братство, понятно.

– Слышь, приятель, – окликнул киммерийца десятник, когда тот уже выволакивал вяло сопротивляющегося Ши из его временного заточения. – Не знаю, чем тебе досадил этот бедолага, и знать не хочу. Но, как хорошему человеку, по секрету скажу: когда его прикончишь, труп брось где-нибудь в Нищебродном квартале. Нипочем не сыщут.

Старательно притворяющийся полумертвым Ши только слабо икнул.

* * *

– …Когда-то в целом мире о нем гремела слава,
Он в честном поединке любого был сильней.
Был меч его защитой для бедных и для слабых,
А конь,
А конь
Был лучшим из коней!

– Опять конь, – пробормотал Конан. – Вот ведь напасть.

– А? – не расслышал Ши, прерывая свое пение. Сразу за воротами Сыскной Управы его мнимая немощь исчезла без следа. Воришка заметно повеселел и, как заметил бдительный варвар, пару раз подмигнул встречным девицам. – Какой такой конь? Разве не у тебя нынче самые душевные отношения с этими милыми животными? Слушай, Конан, ты никогда не обращал внимания на загадочную вещь: в различных узилищах на редкость сходный отвратительный воздух? Всего полдня просидел, а впечатление – как будто год за решеткой проторчал! До чего ненавижу попадаться, кто бы знал! И кого мне благодарить за редчайшую удачу – твое появление? С вразумлением ты со своим приятелем-стражником, конечно, перегнул, но я не в обиде. Трудности, знаешь ли, закаляют характер… Засим – считай меня своим вечным должником и позволь пожелать всего наилучшего. Привет коню.

– Стой, ты куда? – варвар едва успел поймать непрерывно трещащего воришку за рукав.

– Как – куда? – весьма правдоподобно удивился Ши. – Подальше от этого жуткого местечка. Ночь только начинается, у меня куча дел и, между прочим, неотданный должок лучшему приятелю.

– Никуда ты не пойдешь, – твердо заявил Конан.

– Эт-то почему, позволь узнать?

– Потому что у тебя сейчас одна дорожка – в Алронг, – растолковал киммериец, и с удовольствием отметил, как разочарованно вытянулась физиономия Ши. – Тебе, если ты плохо расслышал, дали год отсидки с бичеванием. За кражу, оскорбление городской стражи и возмутительное поведение.

Вид Ши сменился с разочарованного на безмерно удивленный. Он аккуратно высвободил свой рукав, обошел вокруг варвара, внимательно его разглядывая, будто в первый раз увидел, и тяжко вздохнул:

– Подменили. Точно, подменили. Это не Конан. Это какой-то тупой и целеустремленный служака из Сыскной Когорты, не помнящий своих друзей и соображающий только в пределах «Уложения о Наказаниях». Значит, мне с ним не по пути.

На этот раз Конан не успел: воришка сорвался с места столь внезапно и стремительно, что, казалось, воздух в изумлении расступился перед ним. Пробежав два десятка шагов, карманник оглянулся и довольно хихикнул, удостоверившись – погоня в лице варвара неотступно грядет следом. Для пущего увеселения мимохожих зевак, с интересом глазеющих на бесплатное представление, Ши состроил рожу, высунул язык и вызывающе прокричал:

– Не догонишь, не догонишь! Пес сыскной, вот ты кто! Больше я тебя знать не знаю! Служить! Лежать! Бежать! Хочешь косточку?

И воришка с легкой душой пустился вниз по улице, радуясь внезапно обретенной свободе и мысленно сочувствуя угодившему в жернова Закона приятелю. Ничего, убеждал он себя, Конану это только полезно. Пускай привыкает к городской жизни. Ему сколько раз повторяли, что здесь не благочинная Киммерия. Благодарствуем, что вытащил из камеры в «Зверинце», но большего не ждите. Еще чего не хватало – добровольно топать в Мышеловку! Малыш совсем спятил: хотел собственными руками отправить лучшего друга на верную гибель!

Размышления о приятных вещах прервались самым грубым и невежливым образом. У поворота на Большую Овечью Ши с размаху врезался в нечто, сравнимое по твердости с каменной глыбой, и оказался попросту расплющен по стене ближайшего дома.

– Хорошо бегаешь, – без малейшего ехидства похвалил Конан. – Только одними и теми же путями. Я просто пришел сюда, стоял и ждал, когда ты появишься. Не делай так больше, ладно? Иначе скоро мы начнем смахивать на кукол, которые показывают лицедеи в своем балагане. Помнишь ту историю, где бестолковый стражник постоянно гоняется за грабителем?

Ши обреченно кивнул и жестами показал, что очень хочет дышать и его совсем не прельщает участь быть обращенным в непритязательный барельеф.

– Между прочим, ты меня не дослушал, – продолжил варвар, наконец-то позволяя приятелю вдохнуть немного воздуха. – Я сказал, что тебя ждет дорога за решетку, но не говорил, что собираюсь тебя туда отправлять. Неужели ты полагаешь, что у меня рука поднимется?..

– Поднимется и опустится, – просипел Ши. – С тебя станется… Честный ты наш.

– Я намеревался попросить у Рекифеса отпустить тебя на поруки, – закончил мысль киммериец. – С условием, что ты будешь помогать в моих разысканиях. Видишь ли, мой наставник внезапно… захворал, и мне позарез нужен кто-то, хорошо знающий местную публику. Проявишь себя с лучшей стороны, глядишь, и срок наказания уменьшится с года до пары лун. Может, даже до седмицы. Понял, наконец?

– Ты хочешь сказать… – карманник странно задергал головой, словно давился воздухом, – хочешь сказать, что я… Я должен буду изображать еще одну цепную собачку при твоей ненаглядной Сыскной Управе? Тогда лучше сразу в Алронг. Года на два, – необычно твердым голосом закончил он. – Веди. Пропади все пропадом – и моя молодая жизнь, и наша дружба – но стукача ты из меня не сделаешь. Веди, говорю!

Оживленный спор двух молодых людей, один из которых мог похвастаться латунной бляхой с изображением дракончика, выдававшей его принадлежность к силам охраны закона, а второй, по виду типичнейший «ночной стригун», настойчиво требовал отвести его в тюрьму, не мог не привлечь внимания окружающих. Заметив, что вокруг них начинает собираться толпа, Ши заголосил с удвоенной силой, а Конан удрученно буркнул:

– Ты бы сегодня днем так надрывался, когда тебя ловили и в Управу тащили… И вовсе нет тут ничего интересного, расходитесь, расходитесь! – злобно рыкнул он на незваных зрителей.

Окрик подействовал, и киммериец повлек задумавшегося над чем-то и примолкшего воришку в сторону часто распахивавшейся двери, над которой призывно раскачивалась вывеска, оповещавшая всех, разумеющих и не разумеющих грамоте, что здесь находится таверна «Оливковая ветвь».

– Олива, между прочим, считается символом мира, – многозначительно заявил Ши, когда его небрежно пихнули за свободный стол, причем с таким расчетом, чтобы отрезать любые пути к бегству. – Ладно, признаю, я погорячился. И за «сыскного пса» тоже извиняюсь. Доволен?

Ответом послужил крайне раздраженный взгляд, в котором не замечалось никакого стремления к перемирию.

– Я еще за него хлопочу и пытаюсь к делу приспособить! – поделился искренним негодованием Конан с принесенным и выставленным на стол кувшином. – Зачем мне сдался этот охламон неблагодарный? Торчал бы он сейчас в уютной камере где-нибудь в подвалах Бездонного Колодца, самое ему там подходящее место…

– Малыш, сумрачное выражение лица тебе не идет, – заметил приободрившийся карманник. – Ты действительно правду говорил? Насчет передачи на поруки и всего остального?

– Ты ведь не можешь быть цепной собачкой, – желчно откликнулся варвар.

– Не могу. Однако в Алронг мне тоже неохота. Потому из двух зол я выбираю меньшее, – Ши отхлебнул из кружки и скривился: – Прояви власть, наори на здешнего хозяина, чтобы впредь не разбавлял вино уксусом… Ну, чем моя скромная персона может помочь доблестному порядкоблюстителю? Отыскать потерявшуюся подкову? Слушай, что за дурацкая история с конем? Я до сих пор толком ничего не знаю, до меня только дошли слухи, будто какой-то парень из Сыскной Когорты взял под стражу Огненного Феникса…

Киммериец постарался взять себя в руки и успокоиться. Придется смириться с тем, что еще по меньшей мере луну его будут неотступно преследовать разнообразные подначки относительно лошадей. Ши просто так создан, что не может упустить случая подшутить над своими знакомыми.

Пересказ событий двух последних дней вышел слегка путанным – из-за стремления Конана не упустить ни малейшей подробности – но, похоже, заинтриговал Ши Шелама настолько, что воришка даже забыл про выпивку и положил надкушенную лепешку мимо стола.

– Значит, так! – увлеченно произнес он, когда стало ясно, что история подошла к концу. – Самое удивительное кроется в том, что никакого преступления могло и не быть. А могло – быть, причем обстряпанное настолько ловко, чтобы никто ничего не заподозрил. Только ты со своим молодецким служебным рвением… Молчу, молчу. Для начала у меня вызывает подозрение эта столь вовремя произошедшая случайная драка, в которую имел неосторожность влипнуть твой Наставник. Ты бы по возможности разобрался: что за стычка, кто участвовал, где, когда и чем закончилось. Теперь касательно имен счастливых победителей на бегах. Неудивительно, что уль-Айязу они показались странными. Ты про этих людей слышишь в первый раз, но я кое-что про них знаю. Ювелир Жебел – такая скряга, у которого дождинки в ливень не допросишься. Он ни разу не переступал входа на Конное Поле. Раселим – запойный пьяница, лет пять назад просадивший на лошадках дедовское состояние. У него не то что на бега – на миску дурного плова денег не хватит. Совладелец башмачной артели Лунда выглядит в этой компании единственным приличным человеком. У него и золотишко водится, и на бегах его частенько видят. Косью содержит лавку по торговле тканями, которая не сегодня, так завтра прогорит. И все эти люди внезапно выигрывают на скачках? Хм… – Ши в задумчивости подпер кулаком подбородок. – Что сие может означать?

– Может, те, кто делал ставки, назвались чужими именами, а настоящие Жебел, Лунда и прочие ни о каких скачках даже краем уха не слышали? – рискнул предположить Конан.

– Здравая мысль, – согласился Ши. – Кто, говоришь, называл эти имена? Осарк Ушастый? Тогда ты промахнулся, друг мой. Осарк знает, что говорит, и если у него или его подопечных делал ставку ювелир Жебел, значит, деньги ему совал Жебел собственной персоной. Знаешь, твоя история нравится мне все больше и больше… Пошли! – Ши внезапно вскочил.

– Куда? – насторожился киммериец.

– В захудалую таверну под названием «Бронзовая лилия», что прячется на задворках Мясного рынка, – нетерпеливо объяснил воришка. – Я желаю узреть дорогушу Раселима и верю, что у тебя достанет силенок, дабы выколотить из него признание: где он добыл деньги на ставку и почему внес их именно за ту лошадь, за которую внес. Ну чего ты расселся и таращишься, ровно зверь осьминог с Вилайета? Кто служит в Сыскной Когорте – я или ты?

– Сначала к Рекифесу, – твердо сказал Конан. – Чтобы не болтали, будто я спасаю своих дружков от заслуженной кары.

Ши закатил глаза, но возражать не решился. В конце концов, долги есть долги. Рано или поздно их приходится отдавать.

ГЛАВА ПЯТАЯ
Сыскное рвение

– Что ты там такое напевал, про коня с тремя ногами? – спросил Конан, когда, основательно подкрепившись в гостеприимной «Оливковой ветви», они вышли на вольный воздух и направились в сторону Сыскной Управы.

– Это, друг мой, старинная и ныне почти забытая баллада, – ответствовал Ши, задумчиво ковыряя в зубах соломинкой. Съеденное и выпитое, как Ши выразился, «в порядке поправки душевного здоровья», настроило его на непоколебимо благодушный лад. – В ней рассказывается о благородном рыцаре, который защищал бедных и слабых, спасал девиц от чудовищ или наоборот, уж не помню. Ну, как у них, благородных, заведено. Как-то раз он возьми да откажи одной колдунье, которая к нему воспылала страстью нежной…

– И что дальше? – заинтересовался варвар.

– Оскорбленная колдунья решила отомстить и наложила на героя проклятие. С тех пор шляется он по бесконечным дорогам, не зная отдыха. Латы проржавели, конь охромел, алмазное копье обратилось в мокрый ремень. Вот что творит безответная любовь!

– Ту колдунью, случаем, не Дэркето звали? – предположил Конан. – Шуточка как раз в ее духе.

– Это навряд ли, – усомнился Ши. – Подумай сам: если Кэто Сладкобедрая предложит, каким дураком надо быть, чтобы отказаться? Я, например, нипочем отказываться бы не стал. Нет, это баллада про какую-то другую колдунью. Страшную, горбатую, у которой нос крючком и бородавки повсюду. А может, она кушиткой была. Черной, как сапог. Ежели б в тебя кушитка втрескалась, ты согласился бы иметь с ней дело?

– Ничего, справился бы как-нибудь. Ты вон таскаешься за Юнрой Тавилау, а она плоская, как доска. Не жестко? Или ты подушку с собой носишь?..

Так, мирно беседуя и подначивая друг друга, они вышли на широкий проезд, ведущий к воротам городской Управы. Случаю было угодно, чтобы первое встреченное приятелями лицо оказалось прекрасно знакомым. Тарбад, как видно дождавшись смены, праздно торчал у ворот и довольно поглаживал пухлый кошель, терзаясь выбором между кабаком и недорогим борделем. При виде Ши, спокойно шагающего рядом с долговязым киммерийцем, его широкая физиономия приобрела выражение туповатого недоумения.

– Ты что здесь делаешь? – обратился он к воришке. – Ему ж положено сидеть под замком в Крысином Садке! – вторая часть фразы предназначалась Конану. – Какого ляда ты притащил это ходячее недоразумение обратно?

Ши выжидающе покосился на приятеля: мол, сумеешь без посторонней помощи выдумать достойное оправдание?

– Мы тут поговорили, пока шли, – пустился в разъяснения киммериец. – С Алронгом придется обождать. Этот ворюга, конечно, отпрыск шелудивой ослицы и оскверняет своим видом белый свет, но знает кое-что полезное.

– Чего такого важного он может знать? – Тарбад с подозрением оглядел Ши, прикидывающегося страдающим и запуганным общением с представителями законной власти. – Слушай, Конан, не морочь головы занятым людям! Или запихай этого щенка в клетку, или немедля отведи в Колодец, пока я…

– Пока ты что? – сладчайшим голоском поинтересовался Ши, коему внезапно надоело изображать кроткую овечку. – Пока ты не побежал к уважаемому Рекифесу и не доложил ему, что за малую мзду позволил под честное слово выпустить уличенного злоумышленника?

Стражник запыхтел и начал наливаться дурной кровью.

– Между прочим, ты, уважаемый, уделил из полученного барыша хоть немного в городскую казну или хотя бы на нужды Сыскной Управы? – осведомился Ши, и не позволяя разгневанному Тарбаду вставить хоть полслова, продолжил заливаться соловьем: – Скажем, я осознал всю глубину своего падения и намерен в ближайшем будущем применять свои таланты исключительно на пользу обществу. А ты? Злоупотребляешь доверенной тебе властью, берешь взятки… И это наша опора и защита, я вас спрашиваю?!

– Ши, помолчи, а? – с трудом выговорил Конан, которого разбирал совершенно неуместный смех. – Тарбад, Рекифес не вернулся?

– Вернулся, – медленно выговорил стражник и вдруг свирепо рявкнул: – Пропадите вы оба пропадом! Тоже мне, молодые да ранние!

Он развернулся и зашагал вниз по улице, исходя праведным негодованием вкупе со стремлением выместить на ком-нибудь накопившуюся злость. Ши презрительно свистнул ему вслед и обратился к варвару:

– Сей отягощенный летами и при том совершенно немудрый муж прав: мы именно молодые, да ранние. Я смотрю, ты следуешь моему совету? Давать взятки уже научился, теперь сумей повернуть дело так, чтобы золото совали тебе. Простишь четверть долга? Тогда научу, как это делается…

– Выучись сперва не попадаться, – справедливо заметил киммериец, и Ши немедленно обиженно надулся.

На сей раз караульное помещение наполнилось под завязку. Стражники увлеченно распихивали по клеткам каких-то людей (среди задержанных, как углядел варвар, мелькали вполне благообразные физиономии туранского облика, могущие похвалиться приличными одеяниями и шелковыми тюрбанами), в углу за стойкой допрашивали некоего типа, поощряя извергаемый им словесный поток легкими зуботычинами, истошно верещала угодившая за решетку девица, имевшая вид дорогой шлюшки. Посреди царившей в «Зверинце» сумятицы возвышался с видом одержавшего историческую победу полководца Верховный Дознаватель Рекифес, распоряжаясь и выслушивая донесения подчиненных.

– Грозен, однако, – с легким испугом пробормотал Ши. – Может, ну его? Завтра договоритесь…

– Сегодня, – отрезал Конан, и выждав, когда суета вокруг Дознавателя на миг схлынула, рискнул обратиться: – Ваша милость, я тут касательно коня…

Треклятый жеребец подвернулся варвару на язык совершенно некстати. Рекифес окинул подчиненного крайне раздраженным взором, видимо, сперва не признав и только спустя мгновение припомнив, о каком коне идет речь.

– А что такое с ним случилось? – рявкнул он. – Отравился? Ногу сломал?

– Никак нет, жив-здоров, – быстро проговорил киммериец. – Зато месьор Шетаси сейчас отлеживается в Приюте Страждущих.

– Еще того не легче, – Рекифес обернулся к стойке и резко бросил: – Да кончайте возиться с этим придурковатым! В камеру его! Разыщите старшего над караваном!.. Почему Шетаси в Приюте? – Конан даже не сразу сообразил, что Дознаватель снова обращается к нему.

– Он пытался разнять уличную драку. Вдобавок он разузнал кое-что любопытное о происшествии на Конном Поле, но, чтобы разобраться, мне нужен помощник. Я такого нашел, только… Есть одна трудность.

– Какая? – бросил через плечо немедиец, с тщательно скрываемым удовлетворением созерцая возню в клетках.

– Этот помощник – мой давний знакомец, и сегодня он получил годовую отсидку в Алронге, – одним духом выложил Конан. Рекифес наконец заинтересовался, мимоходом глянул на пытавшегося укрыться за широкой спиной приятеля Ши, беззвучно хмыкнул и кивнул:

– Ши Шелам по прозвищу Умелые Ручки. Щипач, карманник, зернщик, вор на доверии. Слушай, Шелам, почему бы тебе не угомониться? До смерти надоело почти каждую седмицу выслушивать новые вести о твоих похождениях. Помяни мое слово, однажды ты допрыгаешься. Найдут тебя в канаве с ухмылкой от уха до уха!

– Этот день внесут в летописи Шадизара как самый печальный, – безмятежно ответствовал Ши. – Месьор Дознаватель, проявите каплю снисходительности! Я исправлюсь, обещаю!

– Когда небо упадет на землю, – отмахнулся Рекифес. – Ладно, Конан, забирай это подпорченное сокровище, не до вас нынче. Видите, что творится? – он широким взмахом руки обвел помещение караулки. – Конан, ты мне теперь отвечаешь не только за Феникса, но и за своего дружка. Узнаю, что пользы следствию от него никакой – засажу гнить в Могиле годика на три, как есть засажу! Теперь сгиньте оба с глаз моих. Идите и разбирайтесь, что случилось на Конном Поле. Марш!.. Конан, зайди завтра ко мне и расскажи толком про Шетаси, запомнил?

Покинув Сыскную Управу, Ши облегченно вздохнул и заявил, что ему немедленно требуется выпить. Он не привык ко столь близким встречам с жуткими Верховными Дознавателями, он зверски завидует самообладанию некоторых варваров, и сгорает от желания побыстрее выпутаться из этой липкой паутины. Кстати, в честь каких событий Управу сотрясает великий шум-гам?

– Рекифес и его люди задержали перекупщиков желтого лотоса из Турана, – уверенным тоном знатока пояснил киммериец.

– Уже в третий или четвертый раз за нынешние лето и осень, насколько мне известно. Здорово испортив тем самым давно налаженную и процветающую торговлю между Аграпуром, нами, Немедией и Шемом, – карманник с задумчивым видом поджал губы. – Знаешь, кому нужно всерьез опасаться за свою драгоценную жизнь, так вашему обожаемому Рекифесу. Торговцы лотосом – люди серьезные. Никому пока не удавалось безнаказанно лишать их заслуженных прибылей. Шепни как-нибудь Его милости, что, мол, опасно ходить в одиночку по темным улицам и вести беседы с незнакомцами…

– Ерунда, – не поверил Конан. – За Рекифесом стоит Немедийская империя. Никто не решится его тронуть.

– Империя далеко, а Замора вокруг нас, – неожиданно серьезно возразил Ши, и рассуждения приятеля неожиданно показались молодому варвару не лишенными оснований.

* * *

«Бронзовая лилия» вполне соответствовала данному ей Ши определению – «маленькая паршивая забегаловка». Она ютилась за пропахших тухлятиной задворках Мясного рынка, подслеповато щурясь маленькими окнами, затянутыми бычьими пузырями, сквозь которые с трудом пробивался тусклый свет. Черепичная крыша таверны съехала набок, ступеньки крыльца провалились, внутри царили полумрак и запах прогорклого бараньего жира. Кучка посетителей в дальнем углу, освещенном героически пытающимся разогнать вечный сумрак шандалом на три свечи, уныло и без привычного азарта метала кости.

Войдя, Конан споткнулся о чье-то неподвижное тело, благоухавшее дешевым местным вином. Ши выразил желание родиться летучей мышью, дабы иметь возможность проницать взором здешний мрак, и направился к пустовавшей стойке, тщательно обходя грязноватые столы и лужи на полу. Добравшись до намеченной цели, он стукнул по доскам зажатой между пальцев монетой и воззвал:

– Хозяин! Есть тут кто?

Вдалеке (возможно, на ином конце земли) зашлепали неторопливо приближающиеся шаги, и хозяин предстал – позевывая и равнодушно озирая новопришедших сонными глазками. Гости показались ему достойными некоторого внимания, ибо смахивали на людей, имеющих возможность закусывать и развлекаться в местах получше «Лилии». Значит, им требуется нечто иное, нежели обычным посетителям.

– Боюсь, что выпив здесь хоть каплю, мы отравимся и скончаемся в страшных муках, – вполголоса пробормотал Ши, и добавил, обращаясь к хозяину: – Почтеннейший, мы с приятелем тут кое-кого разыскиваем…

– Опоздали, – с подвыванием зевнув, сообщил владелец «Лилии». Ши недоуменно сморгнул.

– В каком смысле – «опоздали»? – встрял Конан.

– В таком, что ежели вы явились вытряхивать долги из бедолаги Раселима, то достанется вам шиш с репейным маслом, – охотно пояснил тавернщик. – Быстрее надо было поворачиваться. Теперь у него в кармане – бешеная вошь на аркане. Остальное разошлось по кредиторам. Невезучий он человек, этот Раселим, вот что я думаю. Одна ему дорога: к ребятам, что проповедуют новую веру, мол, каждый человек сам творит свою удачу. Я так полагаю, они слегка заблуждаются, но дело ихнее. Раз кому-то угодно платить за пустопорожнюю брехню – ему же хуже.

Конан и Ши Шелам переглянулись, невольно хмыкнув, ибо отлично знали, когда и при каких обстоятельствах зародилась упомянутая «новая вера», а также развеселую парочку, заправлявшую недавно вспыхнувшей в городе религиозной катавасией – девицу Ильху и ее одноглазого приятеля по имени Хасти.

– Так касательно Раселима, – продолжал рассуждать вслух хозяин «Бронзовой лилии». – За столько лет впервые человеку повезло! Сорвал отличный куш на бегах и даже не сумел пройти пару шагов с полным кошельком. В общем, ежели вы за должком, который вам причитается, то Раселим пьян в доску и валяется под дверью. Будете бить – выведите на улицу и особо не усердствуйте. Ничего у него не припрятано, иначе я бы знал. Неудачник он, вот и все.

Тавернщик снова зевнул и занялся протиранием жестяных кружек, выглядевших так, будто их не мыли с самого дня изготовления, случившегося лет двадцать тому.

– О как, – разочарованно протянул воришка, попинав для пробы то самое тело,

подпиравшее входную дверь и лишенное малейших признаков жизни. – Говоришь, ему досталось тысяча триста империалов? Сколько ж тогда на нем висело долгов?

– Одна тысяча двести девяносто пять золотых, – неожиданно ясным и разумным голосом откликнулся спящий, не открывая, впрочем, глаз. – Пять оставшихся ушли хозяину сего гостеприимного заведения. Других денег у меня нет. Можете проваливать.

– Мы не спешим, – с этими словами киммериец, испытывая некоторую брезгливость, сгреб говорящее тело за шиворот и прислонил к стене. – Может, мы желаем побеседовать с человеком, едва не разбогатевшим на лошадиных бегах. Вдруг он подскажет нам какой-нибудь секрет? Скажем, к кому обратиться, дабы заранее узнать, на какое четвероногое ставить?

Раселим внезапно распахнул один глаз и подозрительно уставился на незнакомых собеседников. Поразмыслил и рассудил, что двумя глазами увидит больше.

– Скачками интересуетесь? – сварливо проговорил он. – Тогда как насчет того, чтобы для начала помочь мучимому жаждой человеку?

Ши прогулялся к стойке и вернулся с кувшином, из коего вынул затычку и многозначительно помахал перед помятой физиономией Раселима. У того задергался кончик носа – точь-в-точь как у почуявшей мясо собаки.

– Так что насчет Конного Поля? – повторил вопрос воришка, ловко уводя кувшин из пределов досягаемости трясущихся рук пьяницы. – У тебя, мой нетрезвый друг, который год медный талер в суме не ночевал. Откуда же взялись деньги на ставку? Причем, Конан, обрати внимание – много денег. Ежели он выиграл тысячу триста, значит, ставил не меньше двух сотен, ибо трудностей с мудреной наукой счисления я, хвала Небесам, пока не испытываю. Может, он ограбил мирного прохожего, снял кошелек и бросил бедного человека подыхать в темном переулке?

– Тогда мы запихаем его в мешок, поскольку своими ногами он ходить не способен, позаимствуем у почтенного хозяина тачку и доставим подозреваемого к Сыскной Управе, – сообразив, поддержал игру киммериец. – Где для начала препроводим в уютный Зверинец…

– Поручив бдительной опеке уважаемого Тарбада сотоварищи, – с готовностью закивал Ши. – В конце концов, почему занятые люди должны тратить время на какого-то пропойцу? Я бы предпочел сейчас находиться в «Коринфских садах», а ты? Говорят, нынче там выступает какая-то потрясающая танцовщица, аж из самого Турана… – воришка с преувеличенным восторгом почмокал губами.

До затуманенного разума Раселима постепенно дошло, что беседующие высоко над его головой молодые люди не являются посланцами от очередного разъяренного заимодавца, но представляют из себя нечто худшее – законную власть. Он заерзал и неуверенно пробормотал:

– Ребятки, вы не шутили бы так…

– Кто сказал, что мы шутим? – возмутился Ши и от полноты чувств едва не выплеснул кувшин с вином на пол. Раселим скорбно взвыл. – Смешки давно остались в прошлом. Давай, поднимайся. Не волочить же нам тебя, ровно мешок с хламом?

Подниматься Раселим не желал. Он вообще не стремился покидать пределов «Бронзовой лилии», в доказательство чего вцепился в ножку стола и уставился на человекоохранителей мутно-жалостливым взглядом, бормоча нечто неразборчивое.

Острый локоть приятеля въехал Конану под ребра, намекая, что неудачливый игрок достаточно запуган и вот-вот начнет выдавать свои тайны.

– Оно конечно, можно обойтись без Управы и Зверинца, – неторопливо, точно беседуя сам с собой, проговорил варвар. – У сыскных, знаешь ли, надзиратели – сущие лютые звери, спуску никому не дают. Помирать будешь, а кружки воды не допросишься. Для начала побьют как следует…

– Всенепременно побьют, – охотно подтвердил Ши и встряхнул кувшин, дабы содержимое забулькало погромче.

– А с утра пораньше потащат на допрос, и не будут, как мы, вежливыми да обходительными, – продолжил развивать мысль Конан, и тут Раселим не выдержал. Будь он чуток потрезвее, он, может, и сообразил, что его бессовестно обводят вокруг пальца, но в своем теперешнем состоянии… да еще с неотступными воспоминаниями о потере законного выигрыша…

– Ничего я не знаю! – с неподдельной мукой в голосе возопил он. – Покою вам не дает, когда кто-то пытается исправить свои дела? Никого я не грабил! Никогда в жизни! Это меня обворовывают все, кому не лень! Единственный раз протянули руку помощи, так никакой пользы я, пропащая душа, с этого не получил! Довольны?

– Какая такая рука помощи? – быстро спросил Ши. – Вернее, чья рука?

– Хорошего человека, – убежденно и внятно заявил Раселим. – Который хотел выиграть на бегах и другим поспособствовать…

– Почему он сам не сделал ставку? – удивился Конан, но воришка угрожающе зашипел на него, призывая к молчанию, и набросился на пропойцу:

– Сколько тебе дал хороший человек? На какую лошадь нужно было внести деньги? Посмотри сюда! Видишь кувшин? Он твой, только ворочай языком побыстрее! Как зовут хорошего человека?

– Четыреста талеров, – с усилием выговорил прижатый к стенке и совершенно запутавшийся Раселим. – Поровну на Белое Облако, Летящую Стрелу, Дьюдр и Упрямца. Три четверти выигрыша – ему, одну – мне. Я хотел сказать, что ни одной из этих кляч не дано тягаться с Фениксом, а потом подумал – какая разница? Коли он швыряет золото по ветру, глядишь, и мне перепадет малая кроха. Пришли Стрела и Упрямец, один к пяти, один к восьми. Этот тип ждал меня у ворот Конного Поля, забрал свою долю и пожелал всего наилучшего. Имени я у него не спрашивал, а он не говорил. Выглядит прилично, покажете мне его рожу – узнаю…

– На, – Ши брезгливо ткнул попрошайке вожделенный кувшин. – Пойдем отсюда.

– Как это понимать? – нетерпеливо потребовал объяснений киммериец, как только приятели удалились от «Бронзовой лилии» на сотню шагов. – Почему ты больше ни о чем его не спросил? Может, в самом деле стоило вывести его на улицу и пару раз хорошенько встряхнуть?

– Тогда бы он разорался на весь квартал или сделал вид, будто у него мозги напрочь отказали, – рассеянно отозвался воришка. – В Управе ему пересчитают зубы и не добьются ничего путного. Источник вычерпан до дна. Однако кое-что полезное этот ценитель дешевого шемского пойла разболтал. Похоже, мы имеем дело со старинным трюком, в просторечии именуемым «Корзина золотых яблок».

– Хм?

– Не «хм», а очень просто. Месьор Рабиль, владелец Конного Ристалища, умеет считать не хуже посредников и нас с тобой. Дабы не допустить чрезмерных убытков заведению, он, к величайшей досаде любителей быстрой наживы, разумно повелел ограничить величину

ставок. Отныне любой желающий может поставить на приглянувшуюся ему лошадь не более ста империалов. На заведомых победителей обычно ставят чуточку поменьше, на тех, кто имеет шанс внезапного выигрыша – чуточку побольше, а в целом это смахивает на уравновешивание чашек весов. Ты меня понимаешь? – озабоченно уточнил Ши, ибо лицо его приятеля приобрело слегка отсутствующее выражение.

– Не очень, – честно признался Конан, – но ты продолжай.

– Исходя из того, что наболтал сей убогий разумом тип, я делаю неоспоримый вывод, – с торжествующим видом провозгласил воришка, – где-то в городе прячется мастер разбрасывать яблочные дольки. У него имеются деньги… не очень много, около полутора тысяч талеров золотом или серебром. Он делит их на части и раздает нескольким не связанным между собой людям, поручая им сделать ставки от собственного имени. Они так и поступают.

– Из-за падения Феникса первыми приходят лошади, о которых никто не думал, что они выиграют! – внезапно осенило варвара. – Игроки получают выигрыш, отдают долю тому, кто поделился с ними деньгами, и довольные расходятся по домам, так?

– Малыш, ты делаешь заметные успехи, – одобрил Ши. – Я думал, придется раза три повторить, прежде чем до тебя наконец дойдет. Теперь у нас появились несколько вопросов без ответов. Сообразишь, каких? Или подсказать?

– Кто раздавал деньги и собирал урожай? – выпалил киммериец.

– Молодец, – кивнул воришка. – Еще?

– Случайно ли падение Феникса именно в этот день и каким образом ему помогли упасть?

– Тоже верно. Умнеешь на глазах. Жизнь среди образованных людей явно оказывает на тебя благотворное влияние. Глядишь, годков через пяток умудришься занять место Рекифеса!

Ши аж хрюкнул от восторга, представив своего дружка в кресле месьора Дознавателя. Конан, вопреки ожиданиям воришки, обмена колкостями не поддержал, а деловито осведомился:

– К кому пойдем теперь? Похоже, нам придется тряхнуть всех людей, о которых упоминал уль-Айяз.

– Ночь на дворе, – помотал головой Ши. – Лавки закрыты, а ломиться в дом к такому типу, как Жебел, бесполезно. Будь ты хоть трижды человекоохранитель из Сыскной Управы, с него станется собак напустить. Наведаемся утром. Кстати, запомни на будущее: человек, только что вытащенный из постели, плоховато соображает и не всегда успевает обдумать, что нужно сказать. Чем мы и воспользуемся. Я вот только одного не понимаю, – с ехидцей добавил Ши, – почему я, потомственный карманник, должен учить какого-то недавно спустившегося с гор варвара основам сыскного ремесла?

– Это тебе заслуженное наказание, чтобы впредь не позволял хватать себя за руку, – отпарировал киммериец. – И если ты надеешься сейчас удрать и просидеть остаток ночи в «Улыбке удачи», то надежда эта совершенно напрасная. Знаю я тебя: сбежишь и ищи ветра в поле. Переночуешь в казармах при Управе.

– Спасибо, хоть не в конюшне вместе с Фениксом, – буркнул Ши, недовольный тем, что его планы на грядущую ночь так быстро раскусили. Положительно, с этим варваром надо что-то делать! Он становится чрезмерно сообразительным.

* * *

Визит к ювелиру Жебелу, владельцу процветающей лавки «Пещера сокровищ», обернулся шумным скандалом, в ходе которого пострадали нечаянно разбитая хрустальная ваза и одна из сторожевых собак, на прощание огребшая от Конана хорошего пинка. Вдобавок слишком рьяному телохранителю почтенного купца свернули челюсть, а Ши, оправдывая свое прозвище, под общий шум умудрился стянуть оставленную без присмотра золотую побрякушку и статуэтку кхитайского фарфора. Никаких имен доблестному блюстителю и его добровольному помощнику узнать не удалось, вдобавок Жебел заявил, будто в жизни не посещал ни одного азартного заведения, и сулился непременно известить Его милость Рекифеса о разгильдяйстве и непомерной наглости его подчиненных.

Сие обещание переполнило без того неглубокую чашу терпения Конана. Киммериец, не удержавшись и не обращая внимания на яростную жестикуляцию приятеля, наговорил лишнего, и к числу действующих лиц добавились охранники лавки вкупе с домочадцами ювелира, предводительствуемые супругой Жебела – дамой сварливой и острой на язык.

– …Наше счастье, что ушли живыми, – заявил Ши, оказавшись за пределами владений достопочтенного Жебела. – Не-ет, этого борова надо отлавливать вне спасительных домашних стен. Желательно также разузнать, имеются ли у него предосудительные развлечения, вроде милой привычки содержать в подвале двух-трех похищенных юных девственниц, и уж тогда вести разговоры. Признаю, тут мы с тобой сглупили.

– Впредь будем умнее, – согласился варвар. – Скажем, что тебе известно про Косью, торговца сукном с Каменного рынка?

– Что он еле-еле держится на плаву, – развел руками карманник. – И я вполне понимаю его отчаянную попытку выручить хоть немного деньжат, участвуя в дележе яблочек. Возможно, он окажется сговорчивее.

Крохотное владение Косью приткнулось в одной из многочисленных галерей Каменного рынка, бело-оранжевого двухэтажного чудовища, до отказа переполненного людьми, складами, прилавками, повозками с товаром, ревущими верблюдами и острыми запахами готовящейся на открытом огне пищи. Друзьям пришлось раз десять спросить дорогу, прежде чем они выбрались к облупившемуся навесу, под которым горкой лежали непритязательного вида штуки тканей. Торговля, пусть с горем пополам, но все-таки велась: подле лавки стояли двое покупателей, оживленно препиравшихся с ее хозяином.

– Мы ищем месьора Косью, – без особых предисловий (ему казалось, что так внушительнее и действеннее) заявил Конан, дождавшись, когда покупатели удалились.

– Это я, – унылого вида тощий торговец покачал головой с таким видом, будто его в этой жизни уже ничего не удивляло.

– Сыскная Управа, – сухо добавил Ши. – Желаем задать пару вопросов касательно недавних бегов на Конном Поле. Тех самых, где месьор Косью имел счастье слегка обогатиться. Кстати, месьору известно, что его выигрыш может быть оспорен, как полученный в результате кое-каких грязноватых махинаций?

Косью безразлично глянул на парочку сыскарей и довольно вежливо спросил:

– И что именно вам угодно узнать?

– Самую малость, – обнадежил его Ши, почуявший сладкий запах близкой удачи, – имя

того, кто совершил щедрый жест, ссудив денег для ставки.

– Обождать малость можете? – устало осведомился Косью. – У меня там посетители. Расчеты завершу и приду. Или заходите внутрь, если хотите.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и вошел во внутреннее помещение лавки. Сухо зашелестели ленточки на циновке, занавешивающей вход.

– Почему ты его отпустил? – вполголоса недоуменно осведомился Ши у киммерийца.

– Что значит «отпустил»? – переспросил Конан. – Он же сказал, что сейчас вернется!

– Ты этому веришь? – воришка обошел прилавок, отодвинул циновку и заглянул внутрь. Присвистнул сквозь зубы и окликнул приятеля: – Иди, полюбуйся. Хорошо, что я не Рекифес и не твой Наставник, иначе получил бы ты сейчас изрядную головомойку. За то, что упустил ценного свидетеля. Или возможного подозреваемого, смотря как дело обернется.

Циновка скрывала комнату с потемневшими от старости сундуками вдоль стен, столом, заваленным отрезками тканей и клочками пергамента, и узким окном. Еще там имелась стоявшая нараспашку дверь, тихонько поскрипывавшая на ветерке. За дверью виднелась уходившая наверх узкая лестница и заполненный какими-то мешками склад.

– Он просто вышел прогуляться, – с непередаваемой интонацией произнес Ши Шелам и ядовито хмыкнул: – Не бегать же теперь за ним по всему рынку. Если желаешь учинить погоню, то имей в виду – я тебе не попутчик. Навестим следующего? Кто еще числился в твоем списке?

Башмачная артель «Теграй, Лунда и компаньоны» занимала внушительных размеров дом на улице Кисиндо в зажиточном торговом квартале. Артель, судя по внешнему облику здания и трем бойко торгующим лавкам, процветала. Требующегося совладельца долго искать не пришлось – приятели наткнулись на него в первой же лавке, куда заглянули в надежде порасспросить приказчиков.

– …Выигрыш на бегах? При чем тут Сыскная Управа и мой выигрыш на Конном Ристалище? – недоуменно вздернул брови месьор Лунда. – Ну да, похаживаю я туда время от времени. Давеча тоже собирался, и как раз разговорился с одним моим знакомым о лошадях и Огненном Фениксе. Он вдруг возьми и брякни, что с удовольствием бы прогулялся, да хлопоты, мол, не позволяют. Не сделаю ли я ему одолжение: приму малость денег на ставку? Выигрыш, если случится, поделим по справедливости. Спрашиваю, на какую лошадь ставить – по моему усмотрению или у него кто есть на примете? Он называет Летящую Стрелу. Я доказываю, что из этого коняги скакун не ахти какой и против Огненного Феникса, идущего с ним в одном заезде, нипочем не вытянет, а он стоит на своем. Ладно, его золото – ему и распоряжаться. Но вышло так, что он оказался кругом прав: Стрела выиграл, а Огонек упал.

Башмачник поразмыслил и чуточку обидчиво добавил:

– Вообще-то, месьоры блюстители, вы не к тому человеку пришли. Выигрыш я отдал приятелю. Целиком, до последнего талера. Я сам на Феникса ставил, и уж очень мне обидно за него стало. Такой жеребец, просто загляденье, и что ж, я на его неудаче наживаться буду? Вы не знаете, что с ним сталось? Ходят слухи, будто его в вашу же Сыскную Управу зачем-то забрали. Будет он теперь на Осеннем Призе выступать, не будет?

– Будет, – неожиданно брякнул Конан. – Почтеннейший, как зовут твоего непомерно занятого приятеля, просившего внести за него ставку?

– Да не такой уж он мне и приятель, знакомы просто, – невозмутимо пояснил Лунда. – Он таверну содержит по соседству, я к нему иногда выпить-закусить заглядываю. «Скрещенные ключи», владелец Фехтие Ордзой. Идете вверх по Кисиндо, на третьем

перекрестке от нашей артели сворачиваете налево и сразу заметите вывеску. Так что случилось-то, не скажете?

– Кое-кто из посредников на Конном Поле здорово смухлевал, обсчитав клиентов, – с внезапным чувством неловкости соврал Ши. – Месьор Рабиль пожаловался в Управу, и теперь мы ищем, куда этот мерзавец мог спрятаться с прикарманенной выручкой.

– Желаю удачи, – кивнул башмачник.

Приятели, не сговариваясь, дошагали до третьего поворота налево и остановились, глядя на большой лист жести с изображением пары перекрещенных ключей.

– Что теперь? – сварливо осведомился Ши, которому уже начало надоедать бродить по городу. – Расспросим уважаемого хозяина, пугая его до полусмерти твоей бляхой стража Управы? А он, глядя нам в лицо честнейшими глазами, сразу признается: да, попросил давнего посетителя о маленьком одолжении. Кто ж мог предсказать, что на скачках победит именно Летящая Стрела? Ну, поставил на него – знакомый присоветовал или кличка лошади понравилась.

– Нет, – внезапно заявил Конан, – в таверну мы не пойдем. Лучше навестим Шетаси и расскажем ему, о чем узнали. Он наверняка что-нибудь присоветует.

– В Приют болезных? – воришка скривился, будто укусил нечто весьма кислое. – Может, ты один сходишь?

– Пошли, – непререкаемо возразил киммериец. Спорить с этим порождением Полуночи не имело смысла.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Неотвратимое возмездие

– Правильно ли я понял тебя, Конан, и тебя, юноша, чье имя я столь прискорбным образом запамятовал? – ехидно переспросил Шетаси. – Все, что вы способны предъявить уважаемому Фехтие – обвинение, будто упомянутый месьор через подставных лиц совершил на Конном Поле ставку крупнее, нежели дозволенная утвержденными правилами, и получил, вследствие случайного падения несомненного победителя, прибыль, достаточную для обзаведения небольшой винной лавкой?

– Феникс упал не случайно, – попробовал возразить Конан.

– Помолчи покуда, – непреклонно оборвал уль-Айяз. – Сие смехотворное заявление подтверждает запойный пьянчуга, известный половине города, не называя при том имен, да еще башмачник, который завтра с чистой совестью откажется от собственных слов. А если даже признает, что наговорил подобного – вы всерьез собираетесь обвинить кого-то в завышении ставок на бегах в целях наживы? В Шадизаре-то? И явиться с этим к Рекифесу? Вот смеху будет…

Шетаси раскашлялся, утомленный долгой речью.

– Воды подай, – прохрипел он, держась за поломанные ребра.

– Так что же делать? – угрюмо спросил варвар, пока наставник жадно глотал теплую водицу из кружки. – Выходит, мы только время зря потратили? И здоровьем ты тоже напрасно рисковал, так?

Уль-Айяз отрицательно помотал головой.

– Ну, слушай меня, – выговорил он, когда приступ кашля прошел. – Зря ничего не делается. Во-первых, наука тебе на будущее: не встревай, куда не следует. Да и мне поделом. Во-вторых, дуракам, как известно, везет. И Акцеля Подковку прихватил, считай, на горяченьком, и себя показал. В Управе твое имя уже на слуху, а это, поверь, немало значит. Сумеешь себя правильно поставить – далеко пойдешь. Теперь касательно жеребца этого злополучного: верни ты его ит'Карангу, хватит, потешились. Его светлости представишь докладную. И такой же отчет, только на словах и подробно, сделаешь Аддаху Рабилю. Рабиль скупиться не станет, уж поверь мне, вознаградит за труды.

– А как же Тархалл? – не отставал киммериец. – Шетаси, Огненный Феникс упал не просто так. Что-то здесь нечисто!

– По закону мы этого мошенника прижать никак не можем… – терпеливо начал Шетаси. Ши, до того смирно отсиживавшийся в уголке, перебил, не утерпев:

– Ага, по закону, значит, не можем. Досточтимый уль-Айяз, я отчетливо слышу сомнение в твоем голосе.

– Уж больно много ты слышишь, – зловеще обрезал старший письмоводитель, нехорошо посмотрев на странного спутника молодого варвара. Таковому спутнику, по скромному разумению Шетаси уль-Айяза, самое место было в Алронге, на каком-нибудь из нижних ярусов. Воришка стушевался и умолк. Уль-Айяз продолжал:

– Проучить бы его, конечно, мерзавца, чтоб впредь неповадно было, и чтоб детям своим, ежели они у него имеются, заказал бы на скачках жулить… – тут лицо старшего письмоводителя приобрело несколько рассеянное выражение, и он пробормотал, будто

размышляя вслух, но так, чтобы присутствующие отчетливо расслышали: – Вот и Осарк Ушастый злющий был, ровно тысяча демонов… Знать бы, говорил, кто заезд подпортил, я б его, мол, в навоз по частям зарыл…

– Прекрасно знаю Осарка, – ввернул Ши. Похоже, карманник просто не мог хранить молчание сколь-нибудь долгое время. – Он слов на ветер не бросает. Значит, по частям, я верно понял?

– Ничего я не говорил, – рявкнул Шетаси, озлившись, – а ты ничего не слышал, ясно? Конан! Убери с глаз моих этого недоумка! Брось валять дурака и верни коня, пока ит'Каранг не приехал!

– Э-э… Прощения просим… Который тут будет Конан из Сыскной Когорты? – прокашлявшись, осведомился хриплый бас от дверей.

– Я, – неохотно ответил киммериец. Ши, напротив, с величайшей охотой и ехидством подтвердил, указуя пальцем:

– Он. У него опять крупные неприятности, да?

Коренастый, длиннорукий детина, коего Конан пару раз встречал в караулке и во дворе Управы, распространяя по крохотной комнатке крепчайший аромат дубленой кожи, пива и чеснока, просунулся в дверь.

– Так что, похоже, правда, – просипел он, с некоторым подобием сочувствия пялясь на молодого варвара, – неприятности, эта… Его светлость тебя на конюшню требовают, немедля. Что творится, страсть! Хозяин вернулся из Карпашских гор, а жеребца-то нет.

Конан покачнулся. Шетаси застонал.

– …и конь, – только и смог выговорить Ши.

* * *

Никаких особенных страстей на конюшенном дворе Сыскной Управы, впрочем, не наблюдалось – разве что имело место изрядное скопление праздно глазеющих стражников. Опять же, и глазеть-то им, по мнению Конана, бегом преодолевшего немаленькое расстояние от Приюта до конюшен, было решительно не на что.

Предполагаемое поле битвы выглядело донельзя обыденно: посередь мощеного двора сутулый старикашка в дорогой, но мешком на нем сидящей коричневой скабе нудно втолковывал что-то его светлости Верховному Дознавателю, помавая у последнего перед носом крючкообразно согнутым пальцем. Рядом, вроде бы совершенно не интересуясь происходящим, возвышался мрачный туранский красавец и мял в железных пальцах тяжелую боевую плеть-камчу, грозное оружие кочевников Великой Степи. Ясное дело, удрученно сообразил киммериец, пожаловали ит'Каранг с телохранителем.

Взгляд у его немедийской светлости уже приобрел некоторую остекленелость, а фоном беседе служили распахнутые настежь ворота конюшни, являвшие миру длинный ряд стойл, ни в одном из коих не замечалось сухопарого злобного жеребца песочно-рыжей масти.

Не представляя, как вести себя в такой ситуации и терзаясь самыми дурными предчувствиями, киммериец направился прямиком к беседующим, надеясь, что выглядит достаточно уверенно. Приблизившись шагов на десять, он услышал обрывок фразы,

произнесенной скрипучим старческим тенорком с сильным шемитским акцентом:

– …таковые действия, согласно «Уложению о власть предержащих», могут расцениваться как вопиющее злоупотребление, нанесшее непоправимый вред вследствие… – тут старик прервался, и все трое воззрились на Конана: шемит раздраженно, туранец хмуро, а Рекифес, как показалось варвару, с явным облегчением.

– Конан! – рявкнул Верховный Дознаватель. – Где ты шляешься, разрази тебя гром?! Как раз когда досточтимый Барч ит'Каранг…

– Ай, постойте, – бесцеремонно перебил шемит, сморщив смуглую физиономию, и без того похожую на сушеную сливу. Рекифес нахмурился, но послушно замолк. – Таки это и есть юноша, который арестовал лошадь? Юноша, это был ты или я сильно ошибаюсь?

– Я, – ответствовал Конан, недоумевая, отчего бы опытнейший из шадизарских конезаводчиков оскорбительно именует Феникса лошадью. Старый шемит изучающе таращился на киммерийца снизу вверх. Туранец, напротив, пренебрежительно косился сверху вниз, благо росту в нем имелось добрых четыре локтя с небольшим. – А в чем дело?

– В чем дело?! – вскричал старик, возводя очи горе и одновременно оглядываясь на здоровяка-телохранителя, словно призывая того в свидетели. – Он еще спрашивает, в чем дело! По какому праву, позволь узнать?

– Как вещественен… – заикнулся Конан, однако был прерван раздраженным взмахом руки старого шемита и его громким «пфе».

– Ай, я вас умоляю! Что можно доказать с помощью лошади? Твою казарменную тупость, юноша? Какое доказательство? Чего доказательство? Лошадь упала, вот и все! Ты не знал, что такое иногда случается? А что ты тогда вообще знаешь? И чем ты думал, интересно мне услышать?!

Киммериец понял, что в его объяснениях не нуждаются. Почтеннейший ит'Каранг явно хорошо осведомлен об обстоятельствах дела.

– Погиб человек… – рискнул вмешаться Рекифес.

– Несчастный случай, – дернул костлявыми плечами старик. – Это очень, очень прискорбно, но где здесь преступление, я вас спрашиваю? Что молчите? У наездника была семья, но таки они получат деньги, много денег. Что вы сделали с Фениксом, а? Я вас спрашиваю, где он?

– Где конь? – эхом повторил Рекифес, прожигая Конана яростным взглядом.

Конан посмотрел на Верховного Дознавателя. Потом на ворота конюшни, надеясь, что случится чудо и Огненный Феникс возникнет прямо из воздуха.

Ничего не изменилось. Заботливо вычищенное стойло оставалось, увы, пустым. У ветхого столба, на том же месте, где варвар бросил их утром, лежали вилы.

«Увели, – мрачно подумал Конан. – Все-таки свела какая-то сволочь… Но как? Когда?»

– Ну? – допытывался несносный шемит. – Украли? Околел от вашего гнилого сена?

– Не знаю, – обреченно признался киммериец, готовясь к худшему. Туранец-телохранитель, до сей поры молча накручивавший камчу на здоровенный кулак, внимательно глянул на варвара.

– Если с конем что случилось, – вдруг сказал он без всякого акцента, – то лучше б ты вообще не рождался. В куски порву.

«Митра Лучезарный и Кром-Заступник, помогите, а?!» – взмолился Конан. Вроде бы копыта где-то стучат, подумал он, или показалось?

Копыта впрямь стучали: мимо распахнутых ворот деловито просеменил запряженный в

тележку зеленщика ослик…

Толпа стражников (в гуще коей затесался – подальше от бдительного ока Рекифеса – Ши Шелам) негромко гудела, обсуждая разворачивающуюся на их глазах нешуточную драму. До боли знакомый язвительный голосок воришки предположил, будто жеребца спутали с обитавшей по соседству водовозной кобылой и сейчас драгоценное животное, вывалив язык и пыхтя, усердно влечет по шадизарским улицам огромную бочку с водой…

– Вон отсюда, – бросил через плечо Рекифес. Раздававшаяся над ухом болтовня подчиненных надоела ему хуже горькой редьки. Вдобавок месьор дознаватель не на шутку опасался сплетен, которые непременно поползут, стоит кому-то из стражников выйти за ворота Управы и перешагнуть порог ближайшей таверны. Демоны бы побрали этого мальчишку-варвара, умудрившегося все запутать и вызвать неудовольствие сильных мира сего! Сегодня же придется взашей гнать его из Когорты, хотя чрезвычайно жаль расставаться со столь многообещающим молодым человеком.

– Почтеннейший ит'Каранг, – собравшись с духом, заговорил Конан, обращаясь к желчному шемиту и стараясь придать голосу как можно больше почтительности, – не волнуйтесь так. Конь обязательно найдется…

Старик зашелся в лающем клекоте, долженствующем изображать смех. Рекифес брезгливо отступил на пару шагов, сделав вид, будто он не имеет к происходящему не малейшего касательства. Туранец отчего-то еле слышно фыркнул, и Конан понял – он опять ляпнул некую глупость. Да что за невезучий день такой выдался!

– Юноша, я, к сожалению, не имел чести родиться в семействе ит'Каранг, – ядовито проскрипел шемит. – Я всего лишь недостойный слуга этого почтенного дома, и с детских лет прозываюсь Мульмаром бар-Зейяром. Достойный Барч ит'Каранг – он, – для пущей убедительности Мульмар вежливо показал на сумрачного «телохранителя».

«Я пропал, – спокойно и даже несколько рассеянно подумал киммериец. – Ит'Каранг сейчас нарежет из моей шкуры ремешков для новой плетки, а то, что уцелеет, Рекифес с величайшем удовольствием прикажет отправить в Алронг годков так на десять. Или на двадцать. Шетаси был прав: зачем я только встрял, куда не просили?»

Должно быть, выражение лица начинающего человекоохранителя сделалось чрезвычайно скорбным и преисполненным сознанием неисправимости сотворенного. Бар-Зейяр сочувственно зацокал языком и затряс головой, явно намереваясь разразиться новой речью, ит'Каранг равнодушно созерцал стражников Управы, державшихся теперь на почтительном отдалении, Рекифес напряженно обдумывал способ отвести собирающуюся над двором грозу.

Именно в этот момент, не раньше и не позже, словно заранее все рассчитав и выбрав наиболее подходящий миг, где-то в начале улицы возник ровный, ритмичный перестук, приблизился, став почти оглушающим, и, разметав сборище у ворот, во двор влетело новое действующее лицо.

* * *

Вернее, целых два лица. Золотистый конь, в коем даже неискушенный знаток лошадей

за лигу признал бы чистокровного саглави, а также уверенно восседавшая на его спине девица, весело прокричавшая:

– Добрый день, месьор Рекифес! Эй, Конан, он уже почти не хромает! Знаешь, мы доехали почти до Старой Башни, и Феникс все время норовил свернуть к Конному Полю!..

Скакун заржал и сделал нерешительную попытку встать на дыбы, ловко пресеченную наездницей.

– Кх-кхо это? – просипел достопочтенный бар-Зейяр с таким видом, будто намеревался вот-вот хлопнуться в обморок. Невозмутимый туранец уставился на свою утраченную и внезапно объявившуюся четвероногую собственность так, будто впервые в жизни увидел лошадь и сообразил, для чего она предназначена. Рекифес с нескрываемым облегчением перевел дух и исподтишка погрозил младшему подчиненному кулаком – мол, до чего людей довел!

– Деянира, – маловразумительно растолковал Конан, удивляясь, как ему сразу не пришло в голову простейшее соображение: девушка вместе с Фениксом отправились прогуляться. Всего-навсего. – Деянира Эйтола, моя знакомая. Она присматривает за конем, пока он находится в Управе.

– П-присматривает? Девица? – шемита, похоже, эти простые слова сразили наповал. – Молодой человек, твоя знакомая – из какой-нибудь старинной туранской семьи? Или обучена звериному языку? А может, она амазонка с Гимелийских холмов?

– Да нет, Диери здешняя, из Шадизара, – окончательно растерялся киммериец. Девушка тем временем заподозрила, что происходит нечто неладное, спрыгнула на землю и подошла ближе, ведя следом пофыркивающего жеребца.

Сообразительность никогда не подводила Диери, и потому ей не понадобилось долгих расспросов. Ее улыбка стремительно поблекла, сменившись натянутой гримасой вежливости, и она покрепче вцепилась в ремешок уздечки Феникса. Рыжий конь смерил надменным взглядом почтенного Мульмара, и как бы невзначай отмахнул ему хвостом по физиономии. Тот еле успел увернуться. На хвосте скакуна по-прежнему болталась привешенная Конаном свинцовая бляха с гербом Когорты и удар мог получиться весьма чувствительным.

– Я же говорил, что ваш драгоценный конь никуда не делся! – с фальшивой жизнерадостностью провозгласил Рекифес, с нетерпением ожидая, когда Барч и его дряхлый прихвостень уберутся со двора, желательно вкупе со своей зверюгой. – Вот он, целый и невредимый, можете забрать его домой… Конан, заткнись, – прошипел дознаватель, заметив, что подчиненный намеревается возразить.

Бар-Зейяр с видом безграничного удивления прихотям судьбы осторожно обошел Феникса по кругу, стараясь держаться подальше от лягающихся ног и кусающейся морды, после чего обернулся к покровителю и скорбно вопросил:

– Это таки нужное животное? Или нам пытаются всучить иную лошадь?

– В твоем возрасте, уважаемый, пора бы научиться отличать жеребца от кобылы, – холодно отрезала Диери. – Это Огненный Феникс и никто иной. Если его не станут чрезмерно гонять на тренировках, он вполне сможет заполучить Осенний Приз, – с этими словами она развернулась и скрылась за воротами конюшни, предоставив мужчинам самим решать свои трудности.

Брошенный на произвол судьбы конь раздраженно пристукнул копытом по булыжникам и ринулся вслед за девушкой. Дорогу ему преградил Барч ит'Каранг, молниеносно сцапавший

беглеца за болтающуюся уздечку. Феникс встретил подобное нахальство уже знакомым обитателям Когорты яростным визгом, однако хватка у туранца оказалась железной. После некоторой шумной возни (Мульмар бар-Зейяр во избежание случайных толчков предусмотрительно укрылся на крыльце Управы) жеребцу пришлось смириться и вытерпеть тщательный осмотр с головы до ног.

– Он в порядке, – чуть удивленно признал ит'Каранг. – Легкое растяжение на передней правой, пара царапин и раздувшееся брюхо от чрезмерного обжорства, однако конь в отличном состоянии. Месьор Рекифес и… э-э… – туранец мимоходом глянул на Конана, – пожалуй, я в долгу перед вами. Сейчас мне нужно отвести Феникса в более подобающее ему место. Завтра утром я непременно загляну в Управу, дабы обсудить, не могу ли я оказать какую-нибудь скромную помощь вашей доблестной Когорте и людям, сохранившим моего коня. Бар-Зейяр! – окликнул он старика, торчавшего на высоком крыльце, словно филин на суку. – Спускайся. Дело улажено.

– …Ты меня в могилу сведешь раньше времени подобными выходками, – вполголоса ворчал Рекифес, глядя вслед ит'Карангу, уводившему скакуна, и семенившему за ними почтенному Мульмару, размахивавшему руками и продолжавшему рьяно разглагольствовать. – Своей девице скажи спасибо, вовремя она появилась. Я уже собирался гнать тебя из Когорты к демоновой матушке. Если Барч действительно задумал расщедриться, непременно выбью из него вознаграждение для вашей компании. Кстати, куда подевался Шелам? Вроде я только что видел его ухмыляющуюся рожу… Сбежал небось? Передай ему – так и быть, на сей раз он вывернулся. Попадется вновь – пусть пеняет на себя. И чтобы я больше не слышал никаких разговоров о лошадях, понятно? И так весь город до слез насмешили. День можешь отдыхать, – милостиво разрешил немедиец. – Потом подумаем, что с тобой делать, пока уль-Айяз не встанет на ноги. Может, попробуешь его заменить?..

– По-моему, нам всем крайне необходимо выпить, – Ши возник прямо-таки из воздуха, стоило Верховному Дознавателю исчезнуть в дверях Управы. – Теперь ты у нас признанный герой, спаситель хромых коней? Когда я увидел пустую конюшню, то решил – пробил наш смертный час. У ит'Каранга знаешь какой характер? Похлеще, чем у Феникса! Да ты чего молчишь? Радоваться надо! Сейчас захватим Диери и пойдем… Куда бы нам пойти, как считаешь?

– Где Диери? – ответил вопросом на вопрос Конан.

– Вроде бы там, – Ши небрежно ткнул большим пальцем в сторону конюшни. – Я не видел, чтобы она уходила со двора.

Девушка нашлась почти сразу. Деянира Эйтола сидела на тюке сена рядом с дверцей опустевшего стойла Огненного Феникса и самозабвенно рыдала – в три ручья, с подвываниями и всхлипываниями, перемежаемыми частой икотой. Увидев столь душераздирающее зрелище, Ши немедля скорчил трагическую физиономию, попятился и улизнул, ибо утешение хнычущих девиц никогда не входило в число его любимых занятий. Раз Диери – подружка варвара, пусть он с ней и возится. Тоже выдумала глупость: реветь из-за уведенной лошади!

* * *

К Конному Ристалищу Конан добрался только поздним вечером, в сумерках, когда закрывались лавки и гирляндами загорались разноцветные фонарики над входами в дома удовольствий. Расстроившаяся Диери никак не желала успокаиваться. Уговоры не помогали. Пришлось отвести ее к приятельнице, немедля заахавшей и засыпавшей незваных гостей целой лавиной расспросов, и ждать, пока соизволит явиться вызванный лекарь. После чашки макового отвара Диери наконец заснула, и киммериец, сославшись на гору неотложных дел, сбежал прежде, чем подружка Деяниры вознамерилась испытать на нем свой талант обольщения.

Варвар решил последовать совету почтенного Наставника. Пускай дело объявлено закрытым, месьор Рабиль наверняка захочет послушать, какие любопытные вещи удалось разузнать человекоохранителям. Именно Рабиль, потому что Барч ит'Каранг вряд ли станет разбираться, выискивая правых и виноватых, а просто распорядится прикончить человека, имевшего неосторожность причинить вред его четвероногому имуществу. И Рабиль узнает эту новость именно от Конана – поразмыслив, киммериец понял, что секрет «Корзины с яблоками» известен только Шетаси уль-Айязу, Ши да ему самому. Ши наверняка сообразит придержать язык за зубами, старый письмоводитель также не склонен к излишней болтовне, значит…

Главный вход Ристалища – огромные ворота, украшенные бронзовыми изваяниями скачущих коней – стояли закрытыми, и Конану пришлось искать другой способ проникнуть во владения Аддаха. Он без труда перемахнул через низкую стену в дальнем проулке, а затем благополучно заблудился среди многочисленных конюшен, разыскивая жилище содержателя Поля. К счастью, он натолкнулся на местных сторожей и после улаживания некоторых недоразумений, вызванных появлением незнакомого человека, наконец добрался до своей цели – маленькой пристройки к зданию конюшен, где порой ночевал Рабиль.

Рассказ вышел кратким и емким: Конан уже научился опускать лишние подробности. Выслушав, месьор Аддах какое-то время сидел молча, крутя в пальцах крохотную серебряную подкову. Варвар подумал, что эта вещица, должно быть, талисман Рабиля, а ее поблескивание помогает хозяину Поля сосредоточиться.

– Фехтие, содержатель таверны «Скрещенные ключи» на улице Кисиндо? – внезапно переспросил месьор Аддах. – Где-то я слышал это имя… Говоришь, Рекифеса вполне устраивает мысль о том, что падение Тархалла – несчастный случай? Понимаю, господину Дознавателю лишние хлопоты совершенно ни к чему. Ит'Каранг, выходит, пока ничего не знает? Тоже хорошо, иначе Барч по горячности нрава такого наворотит… С ним я сам потом потолкую. А ты убежден в виновности этого самого Фехтие, хотя доказательств тому нет и быть не может? С другой стороны, «Корзина с яблоками»… И что ты предлагаешь?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что киммериец не сразу нашелся с ответом. Он постарался распутать загадку и найти виновного, а теперь ему то настойчиво советуют угомониться и прекратить встревать в чужие трудности, то спрашивают совета касательно дальнейших действий.

– Согласно закону… – не слишком уверенно начал варвар, припомнив наставления уль-Айяза.

– Мы говорим не о законе, – сухо перебил содержатель Ристалища. – Вернее, не о том законе, который представляет Рекифес и ему подобные. Есть иные порядки, кроме тех, что записаны в различных уложениях… Именно к ним я и собираюсь прибегнуть. Можешь

обождать, пока я отлучусь на миг?

Получив согласный кивок, месьор Аддах поднялся, вышел в коридор и с кем-то заговорил. Судя по тону, прозвучало распоряжение немедля кого-то разыскать и привести. Затем Рабиль вернулся, отомкнул скромно жавшийся в углу сундук, извлек оттуда пару кожаных мешочков, в коих обычно хранят монеты, и небрежно опустил их на стол.

– Собственно, на этом наши пути могут и разойтись, – заявил он, подвигая мешочки ближе к заинтересованно смотревшему гостю. – Это будет считаться моей благодарностью за проявленную Стражами Когорты бдительность. Как ты с ней поступишь – решать тебе. Однако что-то мне подсказывает, что ты не отказался бы разобраться в этой истории до конца… Ты случайно не был знаком с Тархаллом?

– Нет, – честно ответил Конан. – И в бегах я тоже не очень разбираюсь. Просто мне кажется… Знаю, в Шадизаре так не поступают… В общем, если этот Фехтие действительно виноват, то он должен быть наказан. И, наверное, не слишком важно, по закону или нет.

– Возможно, возможно, – Аддах резким движением крутанул подковку, зазвякавшую по столу. – В общем, так. Нынешней ночью двое моих людей нанесут визит некоему уважаемому месьору Ордзою и расспросят его о подробностях недавнего происшествия на Ристалище. К сожалению, эта парочка имеет привычку увлекаться и может ненароком обратить господина трактирщика в хладный труп, ничего толком не вызнав. Поэтому я предлагаю тебе прогуляться с ними. Присмотреть за порядком, так сказать. Мстить я не собираюсь, но вот проучить… Только я бы хотел сразу выяснить одно обстоятельство… Ты постоянно находишься на своей службе в Сыскной Когорте?

Ши частенько поддразнивал своего приятеля-варвара, утверждая, что более тугодумных людей ему еще встречать не доводилось, но на сей раз киммериец сразу сообразил, к чему клонит хозяин Поля. Должно быть, начало сказываться долгое общение с Ши Шеламом и подобными ему типами, умудрявшимися соображать на три шага вперед.

– Сегодня, как нарочно, у меня выдался свободный день, – со всем возможным достоинством ответил доблестный человекоохранитель. Забрал мешочки (довольно тяжеленькие и так приятно позвякивающие), пообещал вскорости навестить владельца Ристалища и удалился, гадая – не ввязывается ли он в очередную неприятность? Можно ведь просто взять вознаграждение и уйти.

Любопытство, как всегда, оказалось намного сильнее осмотрительности.

* * *

Посланцев Рабиля звали Тебби и Вильтас. В темноте они почти не отличались друг от друга, и чем-то неуловимо смахивали на давно ходящих в одной упряжке коней-тяжеловозов – упорных, неприхотливых и невозмутимых. Конан решил, что им не впервые приходится исполнять подобные поручения, и наверняка они относятся к заданиям хозяина как к грязной, но необходимой работе, которая должна быть выполнена по возможности скорее.

Посему и в таверне они не стали утруждать себя излишними церемониями.

Посетители «Скрещенных ключей» (которых, несмотря на поздний час, насчитывалось не меньше двух десятков) со вполне объяснимым недоумением воззрились на жутковатую

парочку, едва не выломавшую дверь из косяка и шумно ввалившуюся в обеденный зал таверны. Сунувшийся навстречу подозрительным гостям вышибала наткнулся на чей-то кулак, по крепости сравнимый с подкованным битюжьим копытом, отлетел в угол и здраво решил более ни во что не встревать.

Такой же совет – для своей же пользы не мешаться под ногами – получил по дороге к таверне и Конан. Костоломы с Конного Ристалища безмерно уважали своего хозяина, однако полагали, что сами отлично знают, как справляться с трудностями и наказывать злоумышленников. Молодому человекоохранителю довольно вежливо намекнули, что он ничего не потеряет, мирно постояв за дверью. Ежели есть заковыристые вопросы, на которые необходимо получить ответ, то пусть огласит их прямо сейчас, а уж они постараются выбить из упомянутого Фехтие подробные и внятные ответы.

Вопросы у киммерийца имелись, причем в изрядном количестве. Однако, посмотрев на своих спутников, варвар почему-то не рискнул воспользоваться их щедрым предложением. Наверняка все перепутают. Он с помощью почтенного уль-Айяза сам потом разберется, что и как.

Хозяин таверны пребывал на подобающем ему месте – за высокой стойкой, сколоченных из дубовых плах. Конан не успел его толком разглядеть, потому что, завидев на пороге «Ключей» устрашающую парочку, месьор Ордзой преспокойно отодвинул в сторону пустую кружку и неспешно удалился в полуоткрытую дверь, ведущую куда-то в недра таверны.

– Чует кошка, чье мясо съела, – удовлетворенно бормотнул Тебби (или Вильтас, ибо киммериец пока не наловчился безошибочно отличать их друг от друга) и ринулся в погоню, свалив не изволивший быстро отскочить в сторону стол вкупе с расположившейся за ним дружеской компанией. Кто-то из гостей возмутился, получив исчерпывающий ответ:

– Это, между прочим, не ограбление, не вымогательство и не получение старых долгов. Сейчас, почтеннейшие, вы узреете… или узрите?.. заслуженное наказание уличенного мошенника. А ежели кто сомневается, – угрожающе добавил подчиненный Рабиля, – то мы можем покликать одного очень хорошего парня из Сыскной Когорты. Он быстро растолкует сомневающимся, как в нашем славном Шадизаре нынче полагается блюсти закон. Ясно?

При упоминании Сыскной Когорты перешептывания быстро затихли, а торчавший на крыльце «хороший парень» недовольно скривился. Большинство посетителей решили остаться. Всегда интересно взглянуть, как ближний твой станет расплачиваться за допущенные промахи. Особенно если тебе это ничем не грозит.

Из-за полуоткрытой двери донесся грохот падающих медных кастрюль, перемежаемый скорбными воплями и шипением пролившегося на огонь масла. Затем появился Вильтас (Тебби, как заметил Конан, был пониже ростом и отличался склонностью к разглагольствованию, тогда как его напарник предпочитал помалкивать), волоча за шиворот изловленного хозяина таверны. Фехтие небрежно прислонили к стене, и киммериец удивленно пожал плечами: в облике месьора Ордзоя не замечалось никаких коварно-злодейских черт. Человек средних лет, явный уроженец Турана, слегка потрепанный жизнью и недавней беготней. Взгляд, правда, переполнен эдаким плохо скрываемым злобным раздражением, и только.

Молчать Фехтие тоже не собирался, немедля высказав друзьям-приятелям с Конного Поля, что думает о них самих, их манерах, происхождении и возможной судьбе, закончив страшной угрозой пожаловаться старшине квартала и высказав надежду вскоре увидеть незваных гостей пребывающими на тихом кладбище.

– Тебе большой привет от Тархалла, – внезапно проронил Вильтас, заставив говорливого тавернщика сбиться на полуслове. – И от месьора Рабиля. Яблочки-то как, в горло лезут, не застревают?

– К-какие яблочки? – поперхнулся Ордзой.

– Конские. Навроде этих, – Тебби многозначительно потряс вместительным холщовым мешком, который тащил от самого Ристалища. – Сам признаешься или как?

«Он, он, точно он! – убеждал себя Конан, созерцая в приоткрытую дверь быструю смену выражений на лице владельца „Скрещенных ключей“. – Вот мерзавец! Узнать бы еще, каким образом он сумел подстроить падение? А даже если мы ошиблись – какая разница? Другим неповадно будет! Этот Фехтие точно замешан, иначе с какой стати он по сторонам косится, будто выискивает способ провалиться сквозь пол и удрать?»

– Послушайте, уважаемые, – голос Фехтие мгновенно сменился со скандально-визгливого на весьма убедительный деловой, – по-моему, произошло какое-то недоразумение. При чем здесь господин Рабиль и какие у него могут иметься причины невзлюбить бедного тавернщика, едва сводящего концы с концами? Давайте сядем и обсудим это дело, как подобает достойным людям – без ненужного шума и вульгарного мордобоя.

– Угу, обсудим, – покладисто согласился Тебби, одновременно преграждая Ордзою дорогу к бегству. – Всенепременно обсудим. Только сперва, мил человек, придется тебе накрепко запомнить, что никому, ни сейчас, ни впредь, не дозволяется пакостить на Конном Поле…

– Да который раз вам сказано – я понятия не имею, о чем вы талдычите! – неожиданно сорвался на крик Фехтие и, вопреки всем доводам здравого смысла, попытался отпихнуть удерживавших его громил. С равным успехом он мог бы сдвигать с места Карпашский хребет. Вдобавок симпатии посетителей таверны явно переменились, и кто-то уже начал вполголоса расспрашивать соседей: неужто почтеннейший месьор Ордзой в самом деле имел глупость перейти дорогу почти всемогущему Аддаху Рабилю? Говорите, недавнее падение Огненного Феникса подстроено? То-то мне сразу показалось неладным, когда заведомый победитель спотыкается на ровном месте…

– А что до понятия, то с ним мы очень даже легко управимся, – продолжил Тебби, будто его и не прерывали. – На всю оставшуюся жизнь запомнится. Виль, придержи его, чтоб не брыкался… Да стой спокойно, демонова отрыжка!

Загадочный холщовый мешок взлетел в воздух, перевернулся, распахиваясь, и тяжеловесно опустился на голову владельцу «Ключей». Тебби и Вильтас в четыре руки заботливо поддернули край мешка, дабы тот развернулся в полную длину, укрыв месьора Фехтие почти до колен. Из мешка донеслись сдавленные звуки, будто кого-то обильно тошнило, и с хлюпаньем вывалились несколько тягучих кусков, безошибочно и с первого взгляда признанных за обычнейший лошадиный навоз.

Маявшийся за дверью Конан невольно сплюнул, а затем пакостно хмыкнул. Кто-то из друзей однажды объяснил любознательному подростку-варвару смысл умного слова «репутация», и теперь он понимал, что таковая «репутация» у месьора Фехтие Ордзоя испорчена навсегда. Можно смело заколачивать двери таверны и вывешивать на нее табличку с надписью «Продается». Замечательная месть. Такую, наверное, одобрили бы даже дома, на Полуночи. Гораздо лучше, нежели простое убийство.

– Представление окончено, – подражая уличным фиглярам, раскланялся Тебби, и украдкой пнул раскачивающийся мешок, дабы тот шлепнулся на четвереньки. Раздался

первый неуверенный смешок, затем второй, третий… – Конное Поле и его обитатели по-прежнему рады гостям, исключая навозных жуков. Почтенные горожане, не забывайте, что скоро грядет Осенний Приз, на который мы ждем всех любителей бегов. Счастливо оставаться.

Конану вдруг показалось, что неподалеку от него в темноте двора стоит человек. Он быстро обернулся, но никого не заметил. Появились дружки с Конного Поля, напутствуемые дружественно настроенным хором и предложениями поставить выпивку, и заявили, что можно с чистой совестью разбегаться по домам – поручение исполнено наилучшим образом.

– Думаете, он не решится… э-э… – не нашел подходящего слова киммериец, однако его сразу поняли. Вильтас презрительно свистнул, Тебби отмахнулся, словно от назойливого насекомого:

– Кишка тонка. Теперь ему всю оставшуюся жизнь ходить с прозвищем Вонючка. Спорим, он до истечения этой луны соберет барахло и подастся куда-нибудь в Коринфию, искать удачи?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Распавшееся звено

Стук в дверь раздался, как всегда, неожиданно. Поначалу Конан даже не сообразил, что кто-то желает посетить их с Ши и Диери комнатушку на втором этаже постоялого двора «Хромая лошадь», приняв настойчивое постукивание за обрывок кошмарного сна, в котором Огненный Феникс разговаривал скрипучим голосом Мульмара Бар-Зейяра и упрямо требовал немедля доставить ему корзину с отборными яблоками, иначе он отказывается выступать на Осеннем Призе…

«Может, Диери вернулась? – с надеждой подумал киммериец. – Тогда зачем ей стучать? И Диери, и Ши отлично знают: дверь запирается на кривой гвоздь и распахивается от малейшего толчка. Удивительно, как нас до сих пор не ограбили. Понимают, что толку с нас – как молока от старого козла? Э-э, нет! Это наверняка ломится домовладелец! Явился с утра пораньше перечислить наши долги и потребовать, чтобы мы немедля расплатились или убирались прочь. Лучше убраться. Надоела эта зловонная дыра. Мы же теперь богаты… кажется. Или мне опять приснилось?»

Однако полученные от Аддаха Рабиля мешочки с золотом оказались явью, никуда не исчезнув из наскоро состряпанного тайника за двумя выпавшими из стены камнями. С улицы долетала обычная разноголосица, подтверждавшая, что день в самом разгаре. Вежливые постукивания по дверной створке звучали все громче и раздраженней. Должно быть, стоявший в коридоре человек не привык долго ждать.

– Сейчас открою! – крикнул молодой варвар, отодвигая хлипкий засов и запоздало припомнив, что вообще-то сперва надо спрашивать, как зовут незваного гостя и по каким надобностям его принесло.

– Небогато живут доблестные Стражи Когорты, – заметил Барч ит'Каранг, невозмутимо переступая порог. Конан на это справедливое замечание ничего не ответил, ибо временно потерял дар речи и ошалело тряс головой, убеждаясь, что глаза его не обманывают. – Полгорода обошел, прежде чем разыскал ваше логово.

Не дожидаясь приглашения, ит'Каранг уселся на единственный табурет, жалобно скрипнувший под непривычной тяжестью. Изучающе покосился по сторонам – впрочем, не выказывая особого удивления или снисходительного сочувствия – и обратился к киммерийцу, так и торчавшему подле двери наподобие живой статуи:

– Тебя зовут Конан, верно? Из-за причитаний дряхлого осла Мульмара и рявканья Рекифеса я не сумел сразу разобраться толком, что к чему. Должно быть, у тебя сложилось обо мне не самое лучшее мнение.

– Ну… Вообще-то да, – согласился варвар, к коему наконец вернулось умение связно выражать свои мысли.

– Барч такой, Барч сякой, у него куча денег и никакого уважения к закону, верно? – привычно уточнил ит'Каранг, рассеянно похлопывая себя по голенищу уже знакомой Конану тяжелой витой плетью. – Должно быть, весь Шадизар радостно ожидает, когда полетят головы. Они непременно полетят, дайте только разобраться с кое-какими трудностями…

– С какими? – рискнул утончить Конан. На миг ему стало неловко за непритязательный вид их обиталища, а потом он махнул рукой на сие печальное обстоятельство. Раз такой

человек, как месьор Барч ит'Каранг, тратит свое драгоценное время, дабы отыскать какого-то младшего человекоохранителя Сыскной Когорты, и является к нему лично, без огромного хвоста свиты и телохранителей, значит, он пришел не «Драконью кровь» попивать. Но тогда зачем?

– Трудность первая – ты и твои дружки, похоже, знаете нечто о провалившейся скачке, чем поделились с почтенным Рабилем и почему-то не захотели поделиться со мной, – безмятежно заявил Барч и для наглядности щелкнул хвостом камчи по доскам пола, как зарубку поставил. – Трудность вторая. Сегодня с утра я нанес визит Рабилю, тот напуган до полусмерти и не желает ни с кем разговаривать. Только некоему дотошному варвару велел передать, чтобы тот даже место такое, Конное Поле, забыл, как страшный сон. Молчи, не перебивай. Я бы сказал, неудивительно, если учесть, как провел нынешнюю ночь сам Рабиль. В этом свете и меня перестали интересовать подробности злосчастной скачки, а тебя хочу предупредить: ты, сам того не ожидая, своими разысканиями крупно помешал кому-то очень, очень серьезному, так что впредь будь повнимательнее в безлюдных переулках и после захода солнца… Трудность третья, самая неразрешимая. Ты откуда родом, ежели не секрет? Нордхейм? Ах, Киммерия… Первый раз слышу… Так вот, мне неизвестно, как в столь дальних краях относятся к предложению временно одолжить свою женщину.

– Чего? – переспросил окончательно запутавшийся Конан. – Какую женщину? Кому «одолжить»?

– Мне. Ту молоденькую девицу, которая присматривала за Огненным Фениксом, – терпеливо разъяснил туранец. – Вчера ты сказал, будто она – твоя подруга. Дело в том, что Феникс…

– Отказывается есть и пить, лягает конюхов, визжит, брыкается и никому не подчиняется? – с откровенным злорадством перечислил варвар. – Этот может. Покалечил кого-нибудь, да?

– Еще нет, но вскорости собирается, – Барч как-то устало поник. – В общем, очень тебя прошу – одолжи девушку. Хотя бы до розыгрыша Осеннего Приза. Я заплачу. Сколько вы хотите?

– А вдруг она не согласится? – с надеждой предположил киммериец, без труда представляя, как Диери визжит от радости, выкрикивая: «Конечно, конечно, я просто счастлива вернуться к дорогуше Фениксу!». Далась ей эта злобная рыжая скотина… – И что именно должна будет делать Диери?

– Уж конечно, не стойло чистить, – возмущенно фыркнул коневладелец. – Раза три в день выгулять Феникса, покормить, посидеть рядом… Ну, пусть на выездку отправится, коли в седле удержится, – последнее было добавлено с явным неверием в способность женщин без посторонней помощи даже забраться в стоящий на земле паланкин. – Так мы договорились?

– Я должен спросить мнение самой Диери, а ее дома нету, – в доказательство Конан обвел рукой скудную обстановку комнаты, где затруднилась бы спрятаться самая пронырливая и тощая кошка. – Вот вернется…

– Зачем тебе понадобилось узнавать ее мнение? – искренне удивился туранец, но, вспомнив мудрую поговорку о чужих нравах, не стал доказывать, будто прекрасный пол начисто лишен собственного ума. – Ладно, услуга за услугу. Наш бравый охранитель законов Рекифес счел за лучшее водрузить над этим делом огромную могильную плиту. Ну что ж, пожалуй, он поступил мудро. Но мы с тобой понимаем, как смешно думать, будто Феникса

подвели собственные ноги. Феникса, который еще жеребенком носился так, что за ним не могли угнаться лучшие мои кони!

– Месьор Аддах Рабиль, хозяин Конного Ристалища, так не считает, – осторожно заикнулся киммериец, пока не решив, стоит делиться с непредсказуемым ит'Карангом своими секретами или погодить немного. – Осарк, старшина гильдии посредников, промышляющих на Поле, так не считает. Мой Наставник из Когорты и мои друзья, понимающие толк в бегах, тоже согласны с ними. Только какая теперь разница?

– Осарк? – задумчиво переспросил Барч. – По прозвищу Ушастый?

Он помолчал, словно обдумывая какое-то очень тяжелое и сложное решение, подозрительно глянул на хлипкую дверь, на узкое окно, занавешенное ветхой тряпкой, сквозь которую пробивались солнечные лучи, и, заговорщицки понизив голос, быстро проговорил:

– Есть одна вещь, из-за которой я склонен верить вашей разношерстной братии, а не грозному Рекифесу. Вы ведь осматривали Феникса? Сразу после провалившейся скачки или чуть позже?

– Диери пыталась найти какие-нибудь следы повреждений, – подтвердил Конан. – Она думала, может, у коня проткнуты сухожилия или засунут шип под подкову, отчего он споткнулся. Только она ничего не нашла.

Ит'Каранг сочувственно поцокал языком:

– Пожалуй, я ошибся. Твоя подруга умнее, чем кажется на первый взгляд. Она верно сообразила. Просто искала не там. Оно и понятно: неопытному взгляду трудно заметить такую мелочь, особенно если лошадь перемазана в пыли с головы до ушей. Сейчас от этой мелочи почти не ничего не осталось, но я все-таки заметил. У Феникса чесотка. Легкая, вроде как ему седлом спину натерло…

– Никакая это не чесотка, – чуточку удрученно донеслось из-за приоткрывшейся двери. Собеседники невольно дернулись, оглядываясь. – Я бестолочь, ровным счетом ничего не понимающая в лошадях. Феникса перед началом забега обтерли самой обычной водой, приправленной соком змеиного корня. Доводилось слышать? Растет в степях Полуденного Турана такой малоприметный кустик с желтыми цветочками. Причем сделали это на глазах у чинуш Судейской Коллегии, конюхов, их помощников, и, возможно, самого месьора Рабиля вкупе с Тархаллом. Правда, здорово? С началом скачки у бедного животного наверняка возникло ощущение, будто в его шкуру вцепилось с сотню оводов. Он терпел, сколько мог, а потом не выдержал. Он же всего-навсего конь. И мне кажется, что люди, которые додумались до подобной авантюры, не хотели гибели Тархалла. Они рассчитывали на сумятицу среди лошадей или что Феникс начнет брыкаться посреди скачки. Получилось же то, что все мы видели. Я должна была сообразить раньше.

– И это ровным счетом бы ничего не изменило, – буркнул Конан.

– Как сказать, – Диери вошла в комнату, небрежно и равнодушно поклонившись уставившемуся на нее туранцу. – Может, тебе и Шетаси удалось бы отыскать виновников. Кстати, вы еще не слышали последнюю сплетню? У Конного Поля что-то случилось. Не знаю, что именно. Похоже, ночью кого-то прирезали. Между прочим, могу я узнать, какая надобность привела к нам почтеннейшего господина ит'Каранга? Наше скромное жилище – не самое подходящее место для такой особы.

Ответа не последовало. Должно быть, уже давно никто не обращался к могущественному Барчу ит'Карангу в подобном тоне – словно речь шла о паршивой уличной собаке, забежавшей в приличный дом.

– Он желает кое-что взять у нас в долг, – с ехидцей объяснил киммериец. Девушка вопросительно подняла левую бровь. – Тебя. – Теперь обе брови Деяниры взлетели к ровно подстриженной челке и застыли там, безмолвно вопрошая. – Для своего обожаемого Феникса. Тот, видишь ли, совершенно пропадает без женского общества. Пойдешь?

Истинная дочь Шадизара, Диери Эйтола недолго размышляла и колебалась.

– Пятьдесят золотых ауреев задатка, по три империала каждый день, стол вкупе с проживанием – за счет дома ит'Каранг, – холодно заявила она. – Я буду ухаживать только за Фениксом. Малейшая попытка посягательства на мою честь, и я немедля отправляюсь с жалобой в городскую Управу.

– Женщина, не слишком ли много ты… – грозно начал Барч, приподнимаясь с табурета и сжимая рукоять плети так, будто в руке у него находился тяжелый туранский меч.

– Не нравится мое предложение – ищите кого другого, – отмахнулась Диери и вопросительно глянула на своего приятеля. – Верно?

Конан предполагал, что Диери стоило заломить за свои услуги вдвое больше. Месьор ит'Каранг не бедствует и вполне может позволить себе раскошелиться на жалование и в сотню ауреев. Барчу податься некуда, ему позарез необходим человек, способный управиться с буйным рыжим жеребцом. Ладно, Деянире виднее.

Похоже, визитеру пришли в голову те же мысли. Спохватившись, он рассеянно ткнул устрашающую плеть за пояс, невнятно пробурчал какую-то короткую фразу по-турански и решительно кивнул:

– Так и быть. Может, госпожа («Ага, Диери уже стала госпожой», – не преминул заметить про себя варвар) не откажется прямо сейчас навестить своего подопечного?

– Может, и не откажусь, – фыркнула Деянира, и скрылась за драной занавеской, откуда донесся стук открываемой крышки сундука и шорох быстро перебираемых платьев.

– Хорошая девушка, – полушепотом высказался Барч. – Только слишком… э-э… бойка на язык.

Самого киммерийца вполне устраивал как нрав, так и манеры его подружки, однако сейчас его мысли занимало другое: что могло произойти возле Конного Поля за краткий отрезок времени от третьего полуночного колокола до рассвета? Почему месьор Рабиль, недавно горевший желанием всенепременно разыскать и примерно наказать злоумышленников, теперь не желает даже слышать о продолжении дела? Должно же иметься какое-то объяснение столь несообразным поступкам!

– Я готова, – Диери явилась, помахивая дорожным сундучком, потрепанным и набитым до отказа. – Конан, проводишь меня?

* * *

Владение Барча ит'Каранга, расположенное в зажиточном квартале Ламлам, напоминало маленький дворец в истинно туранском духе: двухэтажный дом с плоской крышей, с облицованными пронзительно-синими и голубыми изразцами открытыми галереями, пузатыми разноцветными башенками, маленькими садами во внутренних дворах и массивными воротами, пребывающими под неусыпным бдением десятка стражей. Местная

охрана производила впечатление отлично знающей свое дело, а высота наружной стены, щедро утыканной по верху железными шипами, по мнению Конана, мгновенно отпугивала любого желающего наведаться темной ночью в имение семьи ит'Каранг.

– Да не беспокойся ты, – в десятый раз повторяла Деянира. – Я не пропаду. Постарайся снова не встрять в какую-нибудь скверную историю, ладно? Завтра придешь меня навестить?

– Думаешь, Барч разрешит?

– Пусть только попробует запретить, я такой скандал закачу! – пригрозила Диери, и обшитые медными полосами створки поглотили ее и Барча, захлопнувшись с глухим стуком.

Сегодняшний день киммерийцу вообще-то даровали в его личное и безраздельное пользование, но спустя какое-то время он без особого удивления обнаружил, что ноги сами несут его к улице Ратай, туда, где расположены казармы Сыскной Когорты. Все равно заняться до наступления вечера нечем, а там найдется с кем переброситься словечком и от кого узнать последние новости. Любопытно, что такое случилось у Конного Поля?

В караулке стоял привычный негромкий гул, сквозь который иногда прорывались краткие, немного странноватые, полные сдержанного азарта реплики. Доносились они из угла, где компания сыскарей и караульных резалась в «Осаду крепости».

– Бешеная овца.

– Нападение двергов.

– Аметист… Э-э, ошибочка. Сапфир!

– Крылатый конь.

– Дыхание дракона и Великий Бастион. Выигрыш за мной.

Последнюю фразу произнес весьма знакомый голос, опять повергнув Конана в краткое состояние полнейшего удивления. Владельцу этого голоса не полагалось сидеть в Зверинце, обыгрывая раззяв-стражников. Это выглядело также нелепо, как утренний визит Барча ит'Каранга на захудалый постоялый двор «Хромая лошадь». Однако глаза подтверждали воспринятое ушами, да и сам обладатель пронзительных интонаций, бросив взгляд по сторонам и заметив киммерийца, поднялся с места, поспешно распихивая по карманам и пряча за пазуху блестящую россыпь выигранных монет.

– Тебя жду, – безмятежно объяснил свое присутствие Ши Шелам. – Подумал, что ты непременно здесь объявишься. Особенно когда услышишь, что случилось ночью. Ты, кстати, чем занимался после того, как удалился Барч? Пошли-пошли, – карманник настойчиво потянул приятеля-варвара за собой. – Нам настоятельно требуется потолковать. Кажется, в городе начинают происходить странные вещи, а ты ведь обожаешь копаться во всяческих секретах?

– Я ходил к месьору Рабилю, – выговорил Конан, дождавшись краткого промежутка в трескотне Ши. – Рассказал ему про Фехтие Ордзоя и про наши догадки. Рабиль захотел отмстить, что и проделали двое его жутковатых подручных нынешней ночью. Что стряслось-то?

– В сущности, ничего особенного, – желчно хмыкнул воришка. – Видел небось квадригу бронзовых коней при входе на Ристалище? Так вот, сегодня утром туда добавилось нечто новенькое. Кто-то старательно привязал к колеснице двух типов – туловища отдельно, головы отдельно. Внизу, под воротами, валялись четверо из городской стражи, лопоча, будто ночью на них напали, связали, натянули мешки на головы и оставили в таком виде дожидаться утра… Здорово, правда? Не желаешь что-нибудь добавить? Какую-нибудь еще неведомую мне подробность?

– Не понимаю, с чего ты взял… – ошеломленно начал киммериец, и не договорил.

Тяжелая двухстворчатая дверь Управы распахнулась, пропуская сперва вечно задерганного помощника Рекифеса, затем самого Верховного Дознавателя и месьора Аддаха Рабиля, владельца Конного Поля. Последний выглядел обескураженным и растерянным, что совершенно не вязалось с его решительной натурой. Рекифес (сам недоуменно хмурившийся) проводил уважаемого гостя до ворот, где того ожидала двуконная повозка, вернулся, окинул начальственным оком двор и свирепым жестом подозвал к себе двух приятелей, мирно посиживавших под стеной караулки.

– Ты вчера около Ристалища не шлялся? – резко осведомился он у варвара. Получив вместо внятного ответа полный искреннего недоумения взгляд подчиненного, Дознаватель сухо пояснил: – Прикончили любимчиков Аддаха, двух головорезов, бегавших по его поручениям. Когда, почему – никто ничего не знает и не понимает. На Конном Поле царит тихая паника. Вдобавок Аддах настоятельно просит прекратить любые разыскания, связанные с недавним падением Огненного Феникса, и эта просьба обращена лично к младшему человекоохранителю по имени Конан Канах.

– Но я… – попытался собраться с мыслями киммериец. Ши благоразумно исчез с глаз Верховного Дознавателя, спрятавшись за выступом стены.

– Ваша светлость, месьор Рекифес! – с улицы во двор завернул верховой, размахивавший красным пергаментный пакетом. – Срочное! Из Дарема! Только что привезли!

Рекифес вполголоса выругался (чего, по наблюдениям Конана, почти никогда не делал), выхватил пакет и едва ли не рысцой устремился обратно к зданию. Помощник Дознавателя задержался, дабы поделиться соображением:

– Никогда не видел, чтобы Железный Рабиль так ерзал и мямлил. Похоже, и на него сыскалась управа. Эй, парень, послушай доброго совета – следующие два-три дня не мешайся у Рекифеса под ногами. Он на тебя здорово взъелся, – и, отмахнувшись от вопросов, устремился вслед за своим покровителем.

– Не повезло, – язвительно посочувствовал Ши. – Поздравляю, вот так она и выглядит – немилость тех, кому посчастливилось оказаться выше нас.

– Не говори глупостей, – огрызнулся варвар, в душе которого медленно, но верно росло недоумение и глуховатое раздражение. – Слушай, я собираюсь проверить одну догадку. Хочешь, пойдем вместе, только будь добр – придержи свой язык. Мне нужно подумать.

– Чрезвычайно трудное занятие, – согласился воришка, привычно увертываясь от заслуженной оплеухи. – Молчу-молчу. Ты – служитель Закона, я – всего лишь какой-то уличный проходимец, поэтому давай, действуй и распоряжайся. Так куда мы идем?

* * *

Первый визит приятели нанесли на улицу Книжников, остановившись перед богатой ювелирной лавкой «Пещера сокровищ». Несмотря на разгар дня, окна и дверь лавки пребывали закрытыми тяжелыми ставнями. Владелец соседнего заведения охотно пояснил, что сегодня ни сам ювелир Жебел, ни его приказчики не показывались, чему многие торговцы чрезвычайно рады – выдерживать конкуренцию с богатой «Пещерой» не каждому

по силам.

– В дом заглянем? – предложил Ши, честно старавшийся хранить молчание и говорить только по делу. – Тут же недалеко.

Особняк Жебела встретил их запертыми дверями и недоумевающим сторожем преклонных лет.

– Уехали они, – честно ответил он на расспросы молодого человекоохранителя. – Ни с того, ни с сего. В Карпашские горы, там фамильное имение хозяина. Утром собрались наскоро, лошадей запрягли и отправились.

…Хозяин таверны «Бронзовая лилия» немедля предложил объявившимися на пороге гостям выпить за упокой души своего постоянного клиента и почти что близкого знакомца.

– До самого конца бедолаге Раселиму не везло, – рассудительно заключил тавернщик, разливая кисловатую «Офирскую лозу» по не слишком чистым кружкам. – Брел он, значит, вчера ночью по темной улице и споткнулся. Да так неудачно, что голову себе проломил. В трех местах. Должно быть, кто-то не сумел поверить, что у Раселима с памятного выигрыша на бегах в карманах ничего не завалялось. И никакая Сыскная Когорта теперь следов не разыщет. Был человек, не стало человека – разве кто-нибудь заметит?

После этих слов Конан вдруг забеспокоился, оставил кружку и под столом больно пнул Ши, только настроившегося поболтать на высокоумные темы, в лодыжку.

– Нам пора, – хмуро заявил молодой варвар. Выйдя же на улицу, словно забыл о недавней поспешности, остановился и неразборчиво забормотал:

– Куда теперь?.. Мы же не знаем всех имен. К кому они могли пойти?

– Малыш, ты, случаем, не спятил? – заботливо осведомился Ши. – Какие имена? Что ты несешь? Или тебе настолько досадно, что собранное обвинение теперь в точности уподобилось распаявшейся цепи? Допустим, Раселим, если бы протрезвел, мог бы подтвердить, от кого он получал деньги, ткнув трясущимся пальцем в уважаемого Фехтие. Сам подумай, кто бы ему поверил? Конан, не валяй дурака. Тебе же сказали – разыскания окончены…

– На Каменный рынок! – внезапно решил киммериец, и сорвался с места. Воришка потрусил следом, умудряясь на ходу причитать, взывая ко всем богам Материка о ниспослании хотя бы крохотной капли мудрости в бестолковую голову одного сумасбродного мальчишки.

Лавка по торговле суконными тканями, приткнувшаяся в одном из самых дальних и запутанных уголков Рынка, с первого взгляда казалась работающей – ставни сняты, шторы на окнах подняты, дверь приоткрыта. Однако на звяканье болтающегося над створкой медного колокольчика никто не откликнулся, и полутемное крохотное помещеньице для расчетов с покупателями тоже пустовало.

– Должно быть, хозяин опять куда-нибудь вышел, – невинным тоном предположил Ши, намекая на недавний промах начинающего человекоохранителя, по неопытности упустившего свидетеля. – Подождем?

Намек Конан понял и сердито засопел. Воришка нахально уселся на прилавке, болтая ногами и насвистывая, киммериец же, поколебавшись, решительно сунулся во внутреннюю дверь, занавешенную выцветшей циновкой. Там, как уже знали приятели, располагался склад, заодно служивший владельцу лавки и жилищем.

Спустя миг Конан выглянул обратно, быстро осведомившись:

– Возле лавки никто не болтается? Тогда запри наружную дверь и ступай сюда,

полюбуйся.

Заинтригованный Ши набросил проржавевшую щеколду и, привстав на цыпочки, заглянул через плечо варвара.

– Ой-е…

Зрелище, представшее его взгляду в маленькой комнатке, никак не относилось к числу привлекательных. Почти неразличимый под горой обрезков тканей и бумаг стол в углу, на краю которого приткнулась миска с остатками пищи, спертый кисловатый запах и в довершение – болтающийся под потолочной балкой труп владельца лавки, унылого и неразговорчивого месьора Косью. Вид чужой смерти не слишком пугал Ши, но всегда напоминал ему, что в один прескверный день подобная досадная неприятность может случиться и с ним самим.

– Чего это он? – наконец осведомился воришка, стараясь по возможности выглядеть совершенно равнодушным. – Долги заели?

– Думаешь, он сам головой в петлю сунулся? – от волнения Конан сначала заговорил на родном языке, потом опомнился и перешел на местное наречие, понятное Ши.

– Конечно, – недоуменно откликнулся карманник. – Как же еще?

– Ши, ты прикидываешься или действительно ничего не замечаешь? – теперь в голосе варвара появилось откровенное раздражение. – Он болтается под самым потолком, причем веревка свисает до полу. Думаешь, он соорудил петлю, перекинул веревку через балку и старательно перебирал ее руками, пока не оказался наверху? И откуда он спрыгнул, а? Не со стола же. Что-то он мало смахивает на акробата.

– Значит, Косью повесили, – быстро сделал вполне закономерный вывод Ши. – И я не двинусь с этого места, пока ты не объяснишь, почему мы носимся по городу, высунув языки, и натыкаемся либо на покойников, либо на запертые двери! Кстати, ты не находишь, что стоило бы предупредить Лунду-башмачника?

– Боюсь, поздно, – Конан осторожно отступил назад и выпустил из рук циновку, скрывшую за собой печальную картину. – Оставить все, как есть, или сбегать за рыночной стражей?

– Оставить, – не колеблясь, заявил воришка. – Иначе мы же и окажемся виноватыми. Так будешь говорить?

– Это Фехтие, – медленно, точно советуясь сам с собой, начал Конан. – Конечно, Фехтие, кто еще? Прошлой ночью он узнал, что тайна его подставных ставок выплыла наружу, причем при весьма неприятных для него обстоятельствах. Свидетели проболтались, месьора Ордзоя досыта накормили «яблочками». Неудивительно, что он взбесился. Теперь никто не проговорится. Но…

– Но еще есть мы, – Ши беспокойно заерзал, с надеждой косясь на входную дверь. – Вернее, ты. Слушай, я передумал. Я по-прежнему хочу услышать твою историю, но желательно находясь подальше отсюда.

– Жебел срочно уехал, месьор Аддах напуган гибелью своих мальчиков на побегушках, Косью мертв, Раселим мертв, – продолжал рассуждать варвар, не обращая внимания на отчаянные гримасы напарника. – Если допустить, что подручных Рабиля зверски убили с подачи Ордзоя, то вот уже четыре человека отправились на постой к Нергалу… Из-за чего? Завышенных ставок на бегах? Из-за того, что месьора Фехтие искупали в навозе? Ты не находишь, Ши…

– Конан! – не выдержав, взвизгнул карманник. – Убираемся отсюда, и пожри его Сет,

твое упрямство! Ты хоть представляешь, какими должны быть ребята, чтобы разделать твоих дружков с Конного Поля, как волов на бойне? Вдруг они вернутся, висельник-то свежий?! С меня довольно, я сматываюсь!

Конан попытался было схватить Ши за плечо. Тот с удивительной ловкостью вывернулся и исчез в узком темном проходе, не том, что вел к парадной двери лавки, а том, что выходил на задворки рынка и через который имел обыкновение удирать злосчастный Косью, когда был еще жив. Преследовать воришку в лабиринте гнилых сарайчиков и ветхих стен не имело смысла – проще поймать крысу в собственной норе. Киммериец пожал плечами и сам направился к выходу. Ши мне еще попадется, здраво рассудил он, а дохлый лавочник – не самая лучшая компания.

Рынок, как всегда, был полон народу, и на долговязого, скромно одетого варвара, выходящего из дверей захудалой суконной лавки, никто не обратил внимания. Почти никто. Лишь в москательной лавке напротив один из покупателей, длинный, худой и сутулый человек с темным невыразительным лицом вежливо распрощался с торговцем, вышел, никуда особенно не спеша, и незаметно двинулся следом.

Владелец москательной лавки неодобрительно покачал головой. Темнолицый ему не понравился. Мало того, что ничего не купил, хотя полколокола отвлекал пустыми разговорами, да к тому же, скажем прямо, ну совершенно не разбирался в красителях.

…Чужой недобрый взгляд Конан почувствовал, не доходя примерно полквартала до пересечения Золотой и Сахиль, там, где шла бойкая торговля оружием и конской упряжью. Он прислонился к деревянному столбу, подпирающему хлипкий навес и сделал вид, будто рассматривает разложенные на зеленом сукне кинжалы. Те, между прочим, вправду были хороши: обоюдной заточки, из легкой и гибкой зингарской стали – явно не по карману начинающему человекоохранителю. Торговец это понимал и на Конана смотрел исподлобья, дожидаясь, пока праздный гуляка освободит место у прилавка более состоятельным покупателям.

Однако настроение торговца варвара ничуть не волновало. Машинально вертя в пальцах клинок, Конан украдкой озирался по сторонам в попытках обнаружить слежку. Бесполезно – в пестрой, шумной, постоянно двигающейся толпе мог бесследно раствориться не то что один опытный топтун, а целая шайка наемных убийц без опасения быть обнаруженными жертвой.

«Хорошее место рынок, – мрачно подумал Конан. – Ткнут в давке отравленной иглой, и поминай как звали. Выбираться отсюда, да поскорее».

В том, что слежка ему не почудилась, он почти не сомневался: за свою не слишком пока долгую, но исполненную всяческих треволнений жизнь он научился доверять собственной интуиции. Варвар не побоялся бы встретить противника в честном поединке, лицом к лицу, но умирать от ядовитой стрелки из-за угла или ножа в спину решительно не хотелось.

Его невеселые размышления прервал рев потерявшего терпение торговца:

– Ты берешь этот грешный кинжал или нет?! Если нет, проваливай, да побыстрее!

Киммериец нехотя покинул удобную позицию у прилавка, и его немедленно втянула толпа, состоящая из ярко разодетых женщин, скорее всего служанок из богатого дома, судя по нагруженным снедью корзинам у них на головах, пары торговцев с переносными лотками, водоноса с двумя кувшинами разбавленного вина и зеленщика со своей тележкой. Несмотря на то, что ни один из вышеперечисленных персонажей не годился на роль подосланного убийцы, ощущение близкой опасности усилилось. Конан внезапно почувствовал, какой

отличной мишенью для меткого стрелка или метателя ножей он является, возвышаясь над окружающими на целую голову. К тому же он не хотел оглядываться слишком часто, чтобы не выдать свою осведомленность перед преследователями, тем самым подтолкнув их к более решительным действиям.

Тем временем толпа мало-помалу продвигалась вперед, и киммериец с облегчением обнаружил, что перекресток совсем недалеко. Сколько Конан помнил, обычно на углу Сахиль и Золотой дежурила городская стража. Золотая улица с ее ювелирными лавками, богатыми покупателями и массой праздношатающихся зевак всегда притягивала любителей легкой наживы, и не так давно по указанию Рекифеса и с горячего одобрения купцов здесь учредили постоянный пост. Если месьор Фехтие Ордзой и послал кого-нибудь по мою душу, убеждал себя варвар, локтями пробивая дорогу к перекрестку, не будут же они резать меня прямо на глазах у патруля…

– Эй, осторожнее!

– Смотри, куда лезешь! Места, что ли, мало, дубина нордхеймская!

– Слушай, ты!..

До спасительных, покрытых легким налетом ржавчины шлемов городской стражи оставалось совсем чуть-чуть. Конан уже видел ближайшего стража – тот стоял, небрежно опершись о древко казенной алебарды, и любезничал с лоточницей. Варвар отодвинул с дороги кряжистого, резко пахнущего кожами шорника, пропустил мимо ушей словечко, за которое в другое время непременно дал бы в морду, и тут прямо в солнечное сплетение ему с разбегу врезался кто-то небольшой и верткий, а когда киммериец, не думая, сгреб торопыгу за шкирку, знакомо пробурчавший:

– Доброго здоровьичка, месьор Конан.

– Пошел, не до тебя, – рявкнул Конан, собираясь отшвырнуть Бирмита Крысу подальше, как вдруг над плечом все еще ворчащего шорника возникло узкое, темное, смутно знакомое лицо и серебристой рыбкой сверкнул нож.

Толпа взбурлила коротким водоворотом, кто-то вскрикнул, Конан, закончив движение, почувствовал, что руки у него наконец свободны и без замаха врезал в чью-то подвернувшуюся челюсть. Зеленщик, проталкивавший свою двухколесную тележку мимо варвара, оступился, и пряно пахнущая гора зелени вывалилась Конану под ноги. Киммериец пригнулся, над самым ухом у него коротко взвыл воздух.

– Уби-или-и! – повис над перекрестком Золотой и Сахиль тонкий вопль, и колыхающееся людское море, только что казавшееся непроходимым, с удивительной быстротой раздалось в стороны. Вокруг варвара замелькали золоченые нагрудники и шлемы городской стражи. Оттесняя толпу, стражники умело и быстро работали древками алебард.

– Живой? – спросил подскочивший десятник.

– Живой, – хрипло ответил Конан и только тут сообразил, что спрашивали не про него – Бирмит, тоненько подвывая, сидел на земле и обеими руками держался за грудь. Под левой ключицей у карманника торчала потертая рукоять метательного ножа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Чужое послание

– Нет, нет и еще раз нет! На сей раз ты точно свихнулся!! Даже слушать ничего не хочу!! Можешь забыть о том, что я живу на свете!! С меня довольно!!!

Последнее здорово смахивало на искренний крик души. Никогда прежде Конану не доводилось видеть своего закадычного дружка Ши Шелама в таком состоянии – пребывающим на грани между откровенной истерикой и панической суетливостью. Разумные доводы на Ши не действовали, однако киммериец приказал себе успокоиться, набраться терпения и повторить попытку.

– Ши, но посуди сам – тебе ничего не грозит…

– Не грозит? – воришка, торопливо уминавший свой невеликий скарб в видавший виды сундук, одарил Конана взглядом, способным испепелить любое живое существо или обратить таковое в камень. – Вокруг налево и направо валятся покойники, тебя самого сегодня чуть не зарезали, и ты еще имеешь наглость заявлять, будто мне ничего не грозит?! Малыш, твой киммерийский дедушка, наверное, слишком часто лупил тебя в детстве по голове суковатой дубиной, отчего ты потерял остатки ума!

– Оставь моего дедушку в покое, – огрызнулся варвар. – По крайней мере, я хоть знаю, как его звали, чего нельзя сказать о тебе! Будешь помогать или нет?!

– Нет, – Ши захлопнул крышку сундука, придавил ее коленом и с яростью принялся затягивать кожаные ремни. – Передай мой поклон Диери. Отныне мы незнакомы.

Скандал, разыгравшийся на втором этаже постоялого двора «Хромая лошадь», стал достойным завершением долгого и суматошного дня. Конану просто не верилось, что от восхода до заката могло произойти столько событий. У него посейчас в голове кружились, сменяя друг друга, имена, голоса и лица – Тебби, Фехтие, самоуверенный Барч ит'Каранг, напуганный и злящийся на самого себя месьор Рабиль… И еще уличный карманник Бирмит по прозвищу Крыса.

Бирмит тихо и незаметно удалился из этого мира, покуда стоявшие вокруг стражники громогласно переругивались, решая, что предпринять, куда бежать и кого хватать. Чью-то умную голову осенило простое соображение – не признать ли виновным находившегося в последний миг рядом с Крысой парня-варвара? Конан немедля разъярился, вытащил латунную бляху Стража Когорты и от души наорал на десятника караульных, мысленно признавая, что ведет себя как последний олух. Что еще оставалось делать? Следивший за киммерийцем человек бесследно исчез, однако Конан подозревал, что его злоключения на этом не закончились, а только начинаются.

Первым делом киммериец предупредил уль-Айяза, памятуя о том, что истинная подоплека дела известна только самому Конану, Ши Шеламу и почтенному Шетаси. Не считая, разумеется, злоумышленников.

Наставник, к коему варвар пробрался задворками и с соблюдением всей возможной осторожности, внимательно выслушал, ругнулся сквозь зубы и заверил Конана, что немедленно примет меры. «Говорил я тебе, не лезь к дракону в пасть… Ладно, сделано – не воротишь. Демон тебя забери, ребра болят, только срастаться начали… В общем, за меня не беспокойся. Есть у старого Шетаси пара норок – ни один злодей не отыщет, затаюсь пока. И

тебе, сынок, советую сделать то же самое».

Киммериец мудрому совету внял. На поиски столь несвоевременно – или, напротив, весьма своевременно, это как посмотреть – исчезнувшего Ши он разослал с десяток уличных мальчишек, справедливо полагая, что вездесущие оборванцы за малую мзду разыщут кого угодно. Сам варвар в ожидании результатов просиживал штаны в гостеприимной «Оливковой ветви».

Заведение считалось тихим и вполне приличным, подозрительная публика сюда не захаживала, но на всякий случай Конан выбрал местечко в углу, откуда прекрасно просматривался вход и рукой подать было до задней двери. Возвращаться в Управу киммериец опасался. Сам не знал почему, но опасался. Наконец, когда владелец «Ветви» уже начал недоуменно поглядывать на мрачного долговязого варвара, а третий кувшин аргосского красного показал дно, один из мальчишек принес сообщение.

Ши видели в «Хромой лошади», пожалуй, последнем месте, куда, учитывая обстоятельства, ему стоило бы идти.

Воришка явно потерял здравомыслие. Он противоречил сам себе, прикидывая, у кого из многочисленных друзей можно понадежнее укрыться, и твердя, будто немедля покинет Шадизар и отправится на другой конец света. В Аграпур или в Хоарезм. Когда же Конану удалось втолковать приятелю свой замысел, карманник окончательно пришел в ужас. Он хотел только одного: найти подходящее укрытие, где можно благополучно пересидеть все беды и неприятности.

…Рассохшийся от старости кожаный ремень сундука не выдержал яростных рывков Ши и лопнул. Вместе с ним лопнуло и терпение Конана.

– Будь по твоему, – удивившим его самого прямо-таки ледяным голосом произнес киммериец. – Беги куда хочешь. Запомни только кое-что на будущее. Мне, как видно, придется покинуть Шадизар. Жаль, славный городишко, я успел его полюбить. А ты мне мог помочь, но струсил. Несправедливо будет, если я пострадаю в одиночку, как думаешь? Пущу-ка я напоследок слух, что некий карманник знает слишком много о грязных делишках некоего кабатчика. Уж не знаю, долго ли потом протянет этот карманник, но впрочем, какое мне дело? Мы ведь незнакомы!

Не ожидавший столь коварного выпада Ши растерянно заморгал, теребя в руках оборвавшийся ремень.

– Ты серьезно? – боязливо осведомился он.

Ответа не последовало. Конан повернулся к воришке и всему остальному миру спиной, сделав вид, будто его чрезвычайно интересует вид за окном – бурая глиняная стена и расхаживающая по ней самодовольная ворона.

Осознав, что варварские решения не меняются, Ши заколебался. Шагнул к спасительной двери, вернулся обратно и затоптался посреди комнаты.

– Слушай, давай поговорим как разумные люди… – заикнулся он.

– Ты еще здесь?

– Мне совершенно не хочется умирать во цвете лет, – воришка слегка приободрился, ибо в глубине души опасался быть немедля вышвырнутым в коридор и, вполне возможно, оказаться спущенным пинками с лестницы. С этих варваров станется. – Дружба – дружбой, но надо же о себе позаботиться…

– Теперь вспомни престарелую матушку и голодающих братьев с сестричками, – желчно посоветовал киммериец, так, впрочем, и не обернувшийся.

– Таковыми не обременен, – с легкостью признался карманник и присел на край своего сундучка. – Малыш, кончай злиться. Твои планы, конечно, попахивают безумием, но таков наш паршивый городишко. Сделай одолжение, растолкуй еще раз, в какую авантюру собираешься меня втянуть, а я поразмыслю, соглашаться или нет.

– Я всего-навсего попросил тебя присмотреть за этим гнуснопрославленным Фехтие, – буркнул варвар. – Ты же ни с какого края не замешан в истории с Фениксом. Кому придет в голову связать тебя и Сыскную Когорту?

– Иными словами, засесть в «Скрещенных ключах» и не упускать хозяина из виду. Сколько мне там торчать? И самое главное – зачем? – въедливо утончил воришка.

– Не знаю, – честно ответил Конан. – Может, один-единственный день. Может, луну. Я хочу узнать, что за головорезы ходят в подчинении у Фехтие и где он их прячет. Допустим, мы с Шетаси явимся к Рекифесу и прямо скажем ему, что в таверне дело нечисто. Но доказательств у нас нет, а я, похоже, умудрился сделаться для месьора Дознавателя хуже стручка красного перца в заднице. В ответ на подобное заявление он, скорее всего, вышибет меня за дверь.

– Может, есть иной способ натравить сыскарей на Фехтие? – задумчиво протянул Ши. – Скажем, некий осведомитель донесет, будто в «Скрещенных ключах» исподтишка торгуют желтым лотосом или содержат тайный притон. Рекифес всенепременно учинит обыск…

– И что? – пожал плечами Конан. – Думаешь, у убийц того торговца на лбу написано, кто они такие? Да они, может, вообще обретаются в другом месте, и никакой обыск ничего не даст. Это ведь не обычная шайка, из тех, что болтаются по Сахилю и рынкам, облегчая карманы богатых раззяв, и не туповатые костоломы, таскающиеся по пятам за квартальными старшинами! Тут нечто другое. Но с Фехтие они как-то должны общаться!

– А ты рассчитываешь их запросто выследить, изловить и предать справедливому суду Закона, – невесело хмыкнул Ши Шелам. – Ну-ну. Сам-то куда денешься на время, пока я буду протирать штаны во владениях месьора Фехтие?

– Исчезну, – невозмутимо сообщил варвар.

– Куда?

– Не скажу. Вдруг тебя поймают? Чего не знаешь, того не выдашь.

Ши состроил гримасу, означавшую, что ему очень не хочется быть пойманным и тем более, не приведи милостивые боги – допрашиваемым.

– Не могу отделаться от мысли, – продолжал киммериец, – что Фехтие, хоть убей, не тянет на главного злодея. Как выразился покойный Тебби, кишка тонка. Ордзой – то ли посредник, то ли какая-то мелочь, непонятно как дорвавшаяся до серьезной власти… А, ладно, поживем – увидим. Да, кстати! В таверне без денег делать нечего. Вот, держи. Это тебе, между прочим, привет и благодарность от Аддаха Рабиля. Постарайся не проиграть в первый же вечер.

– Встречаться будем около полудня, в таверне «Красный бык», что подле Зеленного рынка, – предложил воришка, проворно пряча кожаный, приятно позвякивающий мешочек за пазуху. – Там всегда полно народу, и никто не обращает внимания на соседей. Но учти, – он предостерегающе замахал руками, – я не намерен изображать героя!

– Конечно, конечно, – на удивление быстро согласился Конан. – Ты только сидишь и высматриваешь, не покажется ли кого подозрительного. Ничего более.

* * *

Живость характера частенько толкала Ши Шелама на рискованные поступки. Вот и теперь он счел, что такую унылую вещь, как слежка, требуется слегка оживить. Он не собирается целыми днями занимать угол «Скрещенных ключей», разглядывая выщербленное дно кружки и накачиваясь дурным вином. Не-ет, он научит это варварское отродье, считающееся его приятелем, как нужно заниматься человекоохранительным ремеслом, получая при том удовольствие!

Недостатка в помощниках Ши не испытывал – среди его знакомцев хватало молодых бездельников, умеющих не задавать лишних вопросов. Карманник здраво рассудил, что в таверне месьора Фехтие после недавних печальных событий будут рады любым посетителям. Даже таким, что являются под вечер, сидят всю ночь напролет, голосят, бьют посуду, приводят с собой уйму визгливых подружек и ведут себя более чем непринужденно.

Два первых дня обитания в таверне прошли впустую. Владелец заведения якобы страдал разыгравшимися головными болями и в общем зале не показывался.

Проявив небывалую предусмотрительность, Ши посадил в пустующем сарае на задворках «Ключей» мальчишку-беспризорника, дабы тот за медный суффи в день неотлучно наблюдал за черным ходом. Деньги пропали зря: злокозненный месьор Ордзой так и не попытался сбежать, и прийти к нему никто не пришел, зато смылся малолетний наблюдатель, которого в сарае закусали блохи. Заправлял делами помощник Фехтие, угрюмый пожилой туранец, не склонный к пустопорожней болтовне – это Ши выяснил, попытавшись завязать беседу и получая в ответ малоразборчивое ворчание.

План Конана все больше казался невыполнимым. Сам киммериец, как обещал, не появлялся ни в Управе, ни в «Хромой лошади», только лишь, согласно уговору, встречался с Ши к полудню в шумном «Красном быке» и выслушивал скудные новости. Нет, Фехтие никуда не ходит; нет, личности бандитского вида к нему не захаживают; нет, наша компания пока вне подозрений, точнее, уже вне подозрений, если учесть, сколько звонкой монеты мы оставили в этом треклятом заведении… и вино там дрянь… кстати о монетах, они заканчиваются…

– Конан, сколько еще нам торчать в этой дыре?!

Киммериец неизменно пожимал плечами и отвечал на подобные вопросы:

– Подожди еще немного.

Под вечер третьего дня, вконец одурев от безделья и кислого вина, каковым компанию потчевал угрюмый туранец, Ши начал всерьез подумывать о том, чтобы попросту забраться тихой ночной порой в опочивальню злосчастного месьора Фехтие и там, не мудрствуя лукаво, старым испытанным способом поискать по тайничкам нужные доказательства, не брезгуя заодно всем, что к делу не относится, но плохо лежит.

Неизвестно, чем бы закончилась для воришки сия авантюра, ибо сбыться планам Ши было не суждено.

Примерно после шестого послеполуденного колокола отличавшийся природной наблюдательностью Гайраль-карманник незаметно пнул приятеля в щиколотку, указав взглядом на неприметного, верткого, излишне суетливого типчика. Типчик перебросился парой слов с туранцем за стойкой, нырнул в дверь, отделяющую общую залу от внутренних

помещений таверны и спустя двадцать ударов сердца появился вновь. Придерживая чуть отвисшую подмышкой тунику, гость заторопился к выходу.

– Видел? – многозначительно шепнул Ши.

– Что?

– Так спешит, что даже глотку не промочил с дороги. Это неспроста.

Рибеке, любезничавший между делом с веселой девицей из «Мельницы», скептически хмыкнул. Однако же спустя всего пару ударов колокола подозрительный гость нанес повторный краткий визит, вынудив Ши озадаченно поскрести в затылке.

Невероятные россказни Малыша сделали Ши Шелама чрезмерно настороженным и склонным повсюду видеть спрятавшихся врагов. Поэтому, когда незнакомец, озираясь, покинул «Скрещенные ключи», следом за ним отправился Рибеке. Одним из многочисленных достоинств Рибеке по прозвищу Хорек было редкостное умение становиться практически невидимым.

Требовалось всенепременно разузнать, кто это шастает в гости к месьору Ордзою и отчего ведет себя столь таинственно?

Спустя довольно продолжительное время, когда на дворе уже начало темнеть, посетители «Ключей» принялись расползаться по своим домам и снятым неподалеку дешевым комнатам, и в зале осталось лишь несколько завсегдатаев. Гайраль встал и, покачиваясь, направился на задний двор освежиться. Вернувшись, карманник плюхнулся на скамью рядом с Ши и вполголоса доложил:

– Хорек пришел. Говорит, наш попрыгунчик его не заметил, и я ему охотно верю. Хорек довел его куда-то аж за Ламлам, где тот юркнул в большой богатый дом. Пробыл там с четверть колокола и выскочил как ошпаренный. Похоже, вскорости опять явится сюда. Рибеке его обогнал закоулками. Ши, покусай меня ишак, если это не гонец. Ты его появления дожидался?

– Знать бы, чего я вообще дожидался, – пробурчал Ши себе под нос. – Эй, хозяин! Я сыт и пьян, благодарение богам и содержателям кабаков. Держи за труды! И наплюй в бесстыжие глаза торговцу, у которого ты закупаешь вино. Пойдем, друг.

…Пугливо всматриваясь в сгущающиеся сумерки, иль-Миррас торопливым шагом преодолел квартал, разделяющий Мясницкую и Сахиль, и вздохнул с облегчением: отсюда до «Скрещенных ключей» уже рукой подать. Хозяин, прочитав последнее письмо от Джелани, почему-то ужасно разозлился, наорал на слугу, зашедшего невовремя, и даже несколько раз ударил кулаком по столу, опрокинув пиалу с дорогим розовым вином на драгоценный ковер из далекой Камбуйи. Иль-Миррас давно не видел господина в таком гневе. Потом, правда, тот немного успокоился, пока писал ответ и запечатывал его зеленым воском, но все равно иль-Миррас видел, как расстроен хозяин, и понял, что случилось нечто очень скверное. Он еще спросил, можно ли, доставив ответ, заночевать в таверне, – очень уж не хотелось тащиться на ночь глядя по темным пустынным переулкам, – но господин так рявкнул на него, что иль-Миррас стрелой вылетел за ворота и до сих пор чувствовал, как дрожат пальцы.

Под одиноким фонарем, едва мерцающим у входа в «Ключи», толклась пьяная троица. Иль-Миррас поравнялся с запоздалыми гуляками, брезгливо поворотив нос от крепкого перегара, и хотел было привычно нырнуть в приоткрытую дверь таверны, но тут один из пьянчуг, неловко переступив, споткнулся и рухнул прямо на гонца, облапив того за шею и дыша кислятиной. Его лицо на миг оказалось совсем рядом с лицом иль-Мирраса, и гонец, судорожно выдираясь, успел его рассмотреть. Почти мальчишка, кудлатый, горбоносый и

черноглазый. Пьяное объятие длилось не более двух ударов сердца, потом юнец качнулся назад, и друзья ловко подхватили его под руки. Гуляка громко рыгнул, мутными глазами пялясь на иль-Мирраса. Ощутив мгновенную тошноту, гонец поспешно скрылся за тяжелой дверью таверны.

Туранец за стойкой кивнул. Иль-Миррас, обойдя стойку, откинул полог и по узкому темному коридору двинулся к комнате Джелани, все еще с омерзением ощущая на шее прикосновение чужих липких пальцев.

– Принес? – спросили из темноты.

Иль-Миррас сунул руку за пазуху. Его горестный вопль огласил таверну.

Письмо исчезло вместе с кошельком.

* * *

Содержимое тощего кошеля, столь виртуозно изъятого Ши у злосчастного иль-Мирраса, вогнало бы любого карманника в сугубое уныние. Пригоршня серебряных монет невысокого достоинства, складной ножик для бритья с рукоятью из косульего рога, талисман-оберег в виде засушенной птичьей лапки да еще небольшой пакет из промасленного пергамента, запечатанный жирной кляксой зеленого воска. Серебро Ши, скривив пренебрежительную гримасу, ссыпал в пояс, побрякушки швырнул через первый попавшийся забор. На углу Гончарной и Медников приятели, не сговариваясь, разошлись в разные стороны. Остатки золота, полученного от Конана, перекочевали в кошельки Гайраля и Рибеке. Ши уносил запечатанный зеленым воском пакет.

Попетляв по узким, темным, на первый взгляд тупиковым переулкам и убедившись, что никто не увязался следом, Ши отправился в «Улыбку удачи». Ему не терпелось взглянуть на содержимое украденного пакета, и, оказавшись в безопасности комнатушки на задворках «Улыбки», воришка нетерпеливо разорвал толстый пергамент, вытащив свернутый во много раз лист.

Ши Шелам не без оснований полагал себя человеком образованным. Он бойко объяснялся на местном заморийском диалекте, на шемском и туранском наречиях, и даже мог поддержать простейшую беседу на немедийском. Вдобавок Ши путем изрядных затрат с горем пополам выучился читать и писать, здраво рассудив, что подобные умения никогда не повредят.

Однако угодившее к нему в руки послание заставило воришку озадаченно прикусить ноготь и сдвинуть брови. Он не понимал в написанном ровным счетом ни единого слова.

Буквы выглядели знакомо – такая вязь, смахивающая на переплетение ветвей, диковинных загогулин и россыпь птичьих следов, используется для письма в Туране и Шеме. Но почему литеры упрямо не складываются в привычные слова?

На всякий случай Ши повертел загадочный лист так и эдак, решив, что текст надо читать не слева направо, а скажем, сверху вниз или справа налево. Поднес пергамент ближе к огоньку свечи – вдруг под бессмысленными каракулями прячется настоящая запись, выполненная молоком или раствором толченой меди?

Лист ничуть не изменился, зато воришку осенило, и он довольно хихикнул. Наверняка

это тайнопись! А ему отлично известен некто, разбирающийся во всяческих хитроумных шифрах!

«Только этот „некто“ вряд ли согласится впустить такого гостя, как я, посредине ночи, – уныло припомнил Ши, уже собиравшийся вскочить и бежать к дому нужного знакомца. – Ладно, потерпим до утра. Заодно прихвачу с собой Малыша. Пусть полюбуется на добычу. Если только она чего-нибудь стоит».

* * *

На встречу в «Красном быке» киммериец опоздал. Причем опоздал изрядно, почти на колокол, заставив Ши ерзать, будто на раскаленной сковороде. О причинах своей задержки Конан умолчал, а Ши не стал расспрашивать. Жив, вот и отлично. Гляди, какую вещь мне удалось раздобыть! Что означают эти каракули? Пес их знает! Но чутье мне подсказывает – это штука очень и очень важная. Поэтому мы дружно маршируем на Пергаментную аллею и…

– К Тавилау? – варвара аж перекосило. – Может, ты один сходишь?

– Я таскался с тобой в Приют Страждущих и в вашу жуткую Управу! – возмутился Ши. – Потакал твоим выдумкам, не пытался узнать, где ты прячешься, всячески способствовал наведению справедливости, травился кислятиной в «Ключах», а ты не хочешь оказать мне малую любезность?!

– Юнра меня терпеть не может, – вяло попытался отговориться Конан.

– Чепуха, – отмахнулся воришка. – Ты доблестный Страж Когорты, а не какой-то туповатый провинциал! Хотя, – добавил он потише, – на мой взгляд, служба сделала тебя еще более бестолковым.

Нахальный выпад пропал втуне – киммериец пропустил его мимо ушей. Похоже, его мысли занимало нечто более важное, чем болтовня с приятелем.

Замешкался Конан из-за Огненного Феникса, Диери и Барча ит'Каранга. Собственно, последние дни варвар обитал в имении конезаводчика, рассудив, что там его будет достать трудновато. А коли загадочные убийцы найдут способ проникнуть в бдительно охраняемые владения семьи ит'Каранг и расправятся с неугодным им молодым порядкоблюстителем, то так ему и надо. Не сумел надежно спрятаться – сам виноват.

Хозяин дома не возмутился, обнаружив, что Диери умудрилась не остаться в одиночестве. У Барча появились новые трудности. Близилось время розыгрыша Осеннего Кубка, владелец Конного Поля и распорядители скачек настойчиво требовали назвать имя наездника, а Феникс до сих пор оставался без такового. Подчиненные Барча в один голос заявляли: лучше остаться без высокого жалования, чем лишиться жизни под копытами злобного саглави.

Нынешним утром переживавшая больше всех Деянира с отчаяния предложила варвару рискнуть и попробовать забраться в седло. Полагавший себя недурным всадником Конан согласился – должно быть, на него нашло краткое помрачение ума.

Рыжий жеребец безукоризненно прогарцевал два круга по обширному двору, отведенному для выездки лошадей, дождался, пока внимание наездника чуточку рассеется, и

показал свой коварный норов во всей красе.

– Не стоит так больше делать, – наставительно изрек Барч ит'Каранг, когда улеглась пыль, стихли крики, и выяснилось, что киммериец отделался десятком ушибов вкупе с изрядно пошатнувшимся самомнением. – Коня напугаете.

– Он сам кого хочешь напугает, – проворчал Конан и украдкой показал Фениксу кулак. Жеребец презрительно фыркнул. В точности как ехидный старец Мульмар бар-Зейяр, созерцавший печальное развитие событий с безопасного укрытия на балконе.

К Мульмару киммериец по-прежнему особых симпатий не питал. Старикан, считавшийся едва ли не правой рукой ит'Каранга, с величайшей охотой совал нос в дела, его не касающиеся, а потом с удовольствием распускал слухи по всему поместью. Скажем, на днях бар-Зейяр в присутствии варвара нарочито громко стал распространяться о том, что очаровательная гостья Барча, похоже, умеет лихо скакать верхом не только на породистых жеребцах, но также и в постелях их владельцев…

Только врожденное почтение к старости помешало Конану немедля выдрать у шемита скудные остатки бороденки и подвесить клеветника вверх ногами на шпиле одной из башенок дома. Или, может, бар-Зейяра спасло вмешательство слуг, не без труда оттащивших разъяренного варвара от его жертвы, начинавшей удушливо синеть.

Придя в себя, Мульмар визгливо пообещал пожаловаться господину, за что едва не был вздут во второй раз, и позорно бежал, укрывшись за неприступными дверями хозяйских покоев. Конан же отправился разыскивать приятельницу, дабы точно выяснить, есть ли в словах злоязычного крючкотвора хоть малейшая доля правды.

– Он врет! – запальчиво возмутилась Диери, выслушав. – Да, не спорю, я содержанка, но у меня все-таки есть понятие о честности! Где этот старый мерзавец? Пусть повторит свою гнусную ложь мне в глаза, если осмелится!..

Звучали ее слова очень убедительно, и бар-Зейяр вечером того же дня приходил долго и многословно извиняться: мол, он неудачно пошутил, о чем весьма сожалеет. Однако с тех пор киммерийца не оставляли неясные сомнения в искренности подружки. Барч в самом деле дни напролет околачивается поблизости от конюшен (хотя это вполне можно оправдать подготовкой к грядущему Призу…), а Диери всегда отличалась расчетливостью. Как знать, кто покажется ей привлекательнее – конезаводчик, способный мимоходом скупить половину Шадизара, или человекоохранитель, у коего в карманах частенько насвистывает ветер?

Ну не следить же за ней!

* * *

Нет худа без добра. Вознаграждением за утренние злоключения стал добытый Ши загадочный пергамент. Друзья рассмотрели его со всех сторон, едва ли не обнюхав и попробовав на зуб. Письмо стойко держалось, отказываясь выдавать свои тайны.

– Юнра наверняка сообразит, как его прочесть, – убежденно заявил воришка, поднимаясь по ступенькам высокого крыльца особняка семейства Тавилау. Вокруг царила привычная деловитая суета – маленькая империя Старого Аземы, главы гильдии заморийских торговцев редкостями и книгами, жила обычной жизнью. Сам Азема, по

слухам, недавно отошел на покой, перебравшись в загородное имение и окружив себя обществом любезных его сердцу старинных фолиантов. Теперь в огромном шумном доме правили многочисленные наследники во главе с Юнрой и ее братцем Адриешем.

– Пропадите все пропадом! Я занята! – резкий окрик, прозвучавший в ответ на осторожное постукивание в двери комнаты Тавилау-младшей, свидетельствовал, что хозяйка пребывает в скверном настроении. Ши это не смутило, он приоткрыл дверь и юркнул в образовавшуюся щель, отчаянными жестами призывая киммерийца обождать снаружи.

Створка захлопнулась, из-за нее полились льстиво-умильные причитания воришки, перемежаемые короткими репликами Юнры. Шнырявшие мимо служащие дома Тавилау с любопытством косились на околачивающегося в коридоре незнакомца, а варвар гадал, как вести себя с девицей наподобие Младшей Тавилау, которая обо всем имеет собственное мнение и совсем не похожа на покладистую и спокойную Диери…

Высунулся Ши, обрадованно закивал и втащил приятеля внутрь.

Обиталище Юнры напоминала переполненную лавку древностей: тяжеловесные шкафы вдоль стен, забитые множеством редких штуковин и толстыми книгами в украшенных самоцветами и золотым тиснением переплетах. В середине комнаты обосновался стол резного черного дерева, ощутимо прогибавшийся под ворохом бумаг, каких-то реестров, свитков, сшитых пергаментных листов и бронзового прибора для письма. За столом, умудряясь не затеряться среди уймы дорогих вещей, восседала барышня Тавилау – тощенькая, остроносая, тускло-каштановые волосы стянуты на затылке в жидковатый узел, по-кошачьи прищуренные зеленоватые глаза настороженно изучают вошедшего.

– И что понадобилось от меня силам закона и порядка? – чуть раздраженно поинтересовалась молодая хозяйка дома Тавилау. – Ши, сколько раз тебе повторять – не приходи сюда! Мне надоело рассчитывать сплетников! В конце концов, я…

– Ты моя умница, ты моя прелесть, – немедленно заворковал Ши, вертевшийся позади кресла своей грозной приятельницы. Как ни странно, лесть подействовала. Юнра смущенно хмыкнула: «Отвяжись, подлиза», и уже спокойнее повторила:

– Так что у вас стряслось и чем могу помочь?

– Стряслось письмо, которое мы не можем прочитать, – загадочный лист порхнул на свободный от прочих деловых бумаг участок стола и немедля оказался в руках у Младшей Тавилау. – Возможно, в нем скрыта великая тайна! Юнра, ты никогда не мечтала спасти мир?

– Он врет? – деловито уточнила Юнра, глянув на Конана.

– Вообще-то нет…

– Редчайший случай, – девица поднесла пергамент к самым глазам, затем отодвинула подальше и озадаченно поцокала языком. – Ши, сделай нечто полезное – достань мне во-он ту книгу в зеленой обложке. И еще ту тоненькую, в мраморной. Спасибо. Теперь, будь добр, исчезни вкупе со своим другом. Погуляйте где-нибудь поблизости, ну хотя бы до четвертого колокола…

– Сколько-сколько?! Побыстрее никак нельзя?

– Быстро только кошки родятся. Посидите во дворе, под навесом, или у фонтана. Я распоряжусь, чтобы вам принесли поесть. Да, кстати! Обуздай хоть на время свои низменные наклонности и постарайся ничего не стянуть.

– …А говорил – не пойду, мол, она меня терпеть не может, – Ши перегнулся через прохладный окоем роскошного фонтана и выплеснул остатки «Слезы дракона» в воду, где помахивали радужными хвостами раскормленные золотые рыбки. – Вот, выпейте за нашу

удачу! Нас принимают, как почетных гостей, даже такую неотесанную полуночную дубину, как ты. Она, можно сказать, бросилась мне на шею, едва завидев. Встретила, как брата. Двоюродного, но любимого…

– И скорбного рассудком, – мрачно закончил Конан. – Вообще-то вечереет. Может, твоя возлюбленная сестричка попросту про нас забыла?

– Прошу прощения, благородные месьоры, – сказал подошедший прислужник в одеждах дома Тавилау. – Пожалуйте наверх. Высокорожденная госпожа Юнра велела вас пригласить.

Высокорожденная госпожа встретила друзей рассеянным взглядом поверх изрядной кучи исписанных листов и устало потерла виски.

– Все понятно. То есть не совсем понятно.

Встрепенувшиеся было Конан и Ши разочарованно вздохнули.

– Мне понятно, согласно каким правилам составляли это письмо, – пояснила Тавилау-младшая. – Так называемый «младший шифр», основанный на замещении букв алфавита, написано по-турански. Однако есть незадача – для прочтения необходимо знать ключевое слово. Вам оно, насколько я понимаю, неизвестно. Без этого слова я ничем не могу вам помочь. По крайней мере, прямо сейчас. Может, дня через два-три… Я посмотрю, подумаю… – она забарабанила пальцами по столу, явно недовольная собой. – Ну-ка, напрягите воображение! Слово должно быть простым, коротким и запоминающимся.

– Конь или лошадь, – предложил воришка. Юнра помудрила над текстом и разочарованно мотнула головой:

– Не годится.

– Подкова. Яблоко. Ставка, – должно быть, Ши приходили на ум слова, так или иначе связанные с тайнами скачек. – Ристалище… Что, тоже не подходит? Мы так будем гадать до конца света! Конан, ты почему молчишь? Куда подевалась твоя хваленая варварская сообразительность?

– Ключ, – нехотя буркнул киммериец. У него появилось смутное убеждение, будто Ши ищет разгадку не там, где нужно. Да, события последних дней разворачивались вокруг Ристалища, но где обитает их виновник? В таверне под названием «Скрещенные ключи»!

– Ключевое слово – «ключ», – съязвил Ши. – Великолепно. Ты превзошел самого себя. О, кладезь премудрости!..

– Помолчи чуток, – бросила Юнра, вновь склонившаяся над упрямым письмом. Ши послушно заткнулся.

Заточенное гусиное перо медленно двигалось по желтоватому пергаменту, и киммерийцу померещилось, будто Младшая Тавилау занята неким волшебством. Она сосредоточенно передвигала разноцветные костяшки извлеченных из ящика стола счетов, писала и тут же яростно зачеркивала написанное, удивленно хмыкала и наконец растерянно проговорила:

– Воистину, на всякого мудреца… И правда, «ключ», но… Мальчики, вы мне голову не морочите?

– Что получилось? – нетерпеливо сунулся к ней Ши. Девица решительно отодвинула его в сторону и вполголоса прочла, обращаясь скорее к самой себе и внимательно слушавшему Конану:

– «Грифону. Фехтие больше не доверяй, он дурак и предатель. Расследование Когорты к вам отношения не имеет. О людях, убитых вами якобы по моему приказу, я слышу первый

раз. Можете поразвлечься с Ордзоем, только не до смерти. Прежде я намерен побеседовать с ним лично. Длинного варвара из Управы оставьте в покое. Гости в имении „Лиретана“ соберутся завтра к полудню. Увеселения начнутся после захода солнца. Задание остается прежним. Цель, напоминаю, Чума, прочие – на ваше усмотрение. Не забудь описать меня своим воинам, я там тоже буду. Удачи».

– С положенной загадочностью автор именует себя «Призраком», – завершила младшая Тавилау, аккуратно складывая листок. Глаза у девицы сделались как плошки. – Вы хоть представляете, о чем тут речь?

– «Лиретана» принадлежит его милости Банатибу, одному из младших Городских Советников, – задумчиво изрек Ши. – Банатиб, как известно всем и каждому, верховодит компанией, горящей желанием приткнуть нашу любимую Замору под чешуйчатое крылышко немедийского дракона. И мне известен только один человек, носящий гордое прозвище Чумы, это…

– Верховный Дознаватель Рекифес, – рассеянно кивнула Юнра, выглядевшая крайне озадаченной. – По-моему, я отчетливо различаю дурной запах высоких интриг.

Девушка зажмурилась, пытаясь что-то вспомнить, и в раздражении отбросила перо.

– Конечно! Вы разве не слышали последних сплетен? К нам давно грозились нагрянуть важные шишки из Немедии и Коринфии – узреть, как мы процветаем под благодетельным покровительством Трона Дракона. Вот они и прибыли. Месьору Банатибу и Рекифесу теперь предстоит их всячески развлекать, ублажать и таскать по местным достопримечательностям вроде «Коринфских садов», Конного Ристалища и вертепов Улицы Соблазнов. Будет выброшено на ветер немало денег, сказано много громких слов и пролита не одна бочка дорогих чернил…

– Большое спасибо, госпожа Тавилау, что помогли нам, – к удивлению девушки и Ши, киммериец поспешно вскочил на ноги и ловко выхватил у зазевавшейся Юнры лист с расшифрованным посланием. – Ши, идем.

Крылось в голосе человекоохранителя нечто такое, отчего воришка безропотно зашагал к дверям. На пороге Конан остановился и как можно внушительнее произнес:

– Надеюсь, госпожа понимает, что мы к ней не заходили, она ничего не знает и никаких писем в глаза не видела?

– А-а… Да! – Тавилау-младшая взяла себя в руки и надменно кивнула. – Само собой.

Варвар мог побиться об любой заклад, что Юнра больше всего на свете хочет узнать, что крылось за подсунутым ей загадочным пергаментом, и что никому, даже обожаемому братцу, не промолвит ни словечка о странных посетителях. Кажется, Ши Шелам не ошибся в выборе подружки. На наследницу семейства Тавилау вполне можно положиться… когда дело касается сохранения тайн!

* * *

– Неужели ты не догадался? – Конан говорил на ходу, а шагал так быстро, что воришке время от времени приходилось бежать трусцой, дабы не отстать. – Феникс и происшествия

на Конном Поле – ерунда, нелепая случайность. Как и все эти странные убийства, и гонявшийся за мной умелец с метательными ножами.

– Ничего себе случайность, – пропыхтел Ши. – Я уже счет покойникам потерял. Валяй дальше.

– Кому-то позарез требовалось, чтобы Фехтие оставили в покое. Похоже, он не раз жульничал на скачках, вот только последний раз, с Фениксом, у него все пошло наперекосяк. Привлек к себе внимание Управы, и кто-то, стоящий за ним, всерьез обеспокоился. На самом деле начата охота на Рекифеса. И на сановников, что явились из Немедии. В послании упоминается вечеринка, которая состоится нынешним вечером. На ней обязательно произойдет что-нибудь скверное. Мы не знаем, кого именно следует опасаться, поэтому сборище придется отменить. Под любым предлогом.

– Думаешь, Рекифес согласится? – усомнился воришка.

– У нас есть письмо и перевод Юнры, – стоял на своем киммериец. – Теперь есть доказательства. Он должен поверить!

Ши пожал плечами, зная, что варвара не переубедить. Его тревожило иное – осталась ли пропажа записки незамеченной? Чудес, как известно, не бывает. Посланец Фехтие наверняка давно обнаружил, что врученный ему пакет бесследно растворился в жарком шадизарском воздухе. Вопрос в том, какие меры он предпримет, дабы поскорее разыскать исчезнувшее письмо? Ши имел сомнительное счастье убедиться, насколько быстро и надежно подручные месьора Ордзоя затыкают чрезмерно болтливые рты, и не желал присоединяться к обитателям тихого городского кладбища. Как бы втолковать это Малышу, помешавшемуся на верной службе Закону?

Особняк Тавилау и здание Управы разделяли два квартала с полусотней улиц, улочек и переулков. Приятели мчались по кратчайшему пути, через разнообразные задворки и проходные дворы, то и дело сталкиваясь с местными обитателями, а однажды перевернув огромную кадку с бельем и вызвав крайнее неудовольствие почтенной матроны, чей пронзительный голос еще долго раздавался над крышами домов и звенел в ушах.

– Его милость сегодня вообще в Управе не показывался, – искренне удивился расспросам караульный у ворот. – Ежели позарез необходимо, ступайте к его помощнику…

Не дослушав, Конан накинулся на Ши:

– Увеселения начнутся после захода солнца! Понимаешь? Где находится эта распроклятая «Лиретана»? Бежим туда, может, еще успеем!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
Ночное увеселение

– Что было в послании? Отвечай!

– Не знаю, клянусь, я не знаю!

– Откуда ему знать, Имгебел, – в круг света, отбрасываемый слабенькой масляной лампой, вступил высокий, сутулый человек со странным, землистым цветом сумрачного узкого лица, одетый в простую коричневую тунику. – Он просто гонец и слишком напуган, чтобы лгать. Вдобавок Призрак всегда использует тайнопись. Перестань дрожать, никто тебя не тронет. Лучше припомни еще раз, как выглядели те трое.

– Всех я не запомнил, – принялся оправдываться иль-Миррас. – Было темно, и потом, все случилось так… неожиданно. Я рассмотрел только одного… который стоял ближе всех.

– Хорошо, опиши, что запомнил, – терпеливо потребовал темнолицый, коего, как знал иль-Миррас, звали Джелани. – Но вспоминай хорошенько. Если ты что-нибудь упустишь, мне придется отрезать тебе левое ухо.

Иль-Миррас затрясся, будто острое лезвие уже коснулось его кожи.

– Ростом на ладонь выше меня, – промямлил он. – Чернявый. Очень молодой. Волосы длинные и вьются. Нос с сильной горбинкой. Похож на шемита… По-моему, он с приятелями сидел вон за тем столиком, когда я приходил в прошлые разы.

Темнолицый чуть слышно хмыкнул.

– Что скажешь, Имгебел? – спросил он у второго, пожилого, коренастого и угрюмого, как горный тролль, туранца в кожаном жилете, из-под которого виднелись чудовищные мускулы. – Ты целыми днями торчишь за стойкой. Видел тут молодого, красивого, чернявого?

– Они который день здесь околачиваются, – буркнул туранец. – Трое или, может, четверо, с подружками. Вино хлестали да песни горланили. Чернявый наверху два раза комнату снимал, девок своих водил.

– И мне такой встречался, – задумчиво протянул темнолицый. – Он заглядывал вместе со своим нордхеймским дружком в лавку несчастного Косью на Каменном рынке. Аккурат после того, как бедняга повесился. Чернявого я не тронул, потому как Фехтие о нем не упоминал, а варвару повезло. Выходит, это одна компания. Интересно… Где Фехтие?

– Нажрался пьяный и дрыхнет, – ответил Имгебел, презрительно сплюнув на земляной пол. – Что делать, Джелани? Завтра…

– Помолчи, – резко прервал его темнолицый и обернулся к переминающемуся с ноги на ногу иль-Миррасу. – Уходи отсюда, ты… муж женовидный. Считай, нынче твой второй день рождения. Расскажешь хозяину все, что случилось, и передашь, чтоб не волновался. Джелани все исправит. И еще: нам нужно знать, где искать того долговязого парня из Сыскной Когорты.

– Господин меня убьет, – простонал иль-Миррас.

– Неплохо бы, – кровожадно усмехнулся темнолицый. – Пошел вон отсюда! Надеюсь, голову у тебя по дороге не украдут. А ты, Имгебел, поднимай воинов.

* * *

– Конан, да послушай меня! «Лиретана» в предместьях, мы даже бегом поспеем разве что к полуночи, – пытался образумить приятеля Ши. – Смеркается, через колокол вовсе стемнеет! Понимаю, ты очень хочешь их предупредить, но пойми: если кто-то собрался прикончить Немедийскую Чуму, то он уже давно добрался до поместья!

– В записке сказано – после захода солнца, – пробормотал варвар, бросая взгляд на небо. Красноватый диск осеннего солнца только-только коснулся нижним краем линии горизонта. – Пешими мы, само собой, опоздаем. А вот верхом…

– Верхом! Ты спятил! Где мы возьмем коней?! Позаимствуем старых кляч из Управы? Да постой же! Вот наказание на мою голову!..

Разговор опять происходил на ходу, точнее, на бегу обратно по направлению к зажиточному кварталу Ламлам. Прохожих в этот час на улицах между тремя признанными средоточиями городской жизни – Управой, Каменным Рынком и тюрьмой Алронг – насчитывалось порядочно, хотя большая часть лавок уже закрылась, а в работающих владельцы и приказчики начинали убирать товар с прилавков. Днем двое бегущих и вопящих юнцов, даже столь необычного вида, как Конан, не привлекли бы особого внимания, разве что сбили кого-то с ног да опрокинули впопыхах тележку-другую. Однако жаркий день, время хлопот и спешки, близился к завершению, и люди начинали удивленно оглядываться.

Глинобитные стены Управы с недоумевающими караульными при воротах остались позади. Конан, не слушая увещеваний приятеля, свернул с широкого Пыточного проезда на Малую Овечью. Поворот, еще поворот – и они оказались на задворках Мясного рынка. Ши вдруг хлопнул себя в лоб и встал, как вкопанный.

– Так вот куда ты меня тащишь! – вскричал он. – Я-то голову ломаю, где он скрывается! Но поверь моему опыту, выпрашивать коня у Барча ит'Каранга – не самая лучшая идея.

Киммериец тоже замедлил бег, хотя по иной причине. Впереди, посередине узкого переулка, сложив на груди руки, стоял человек.

– Думаешь, Барч распахнет для тебя конюшню и предложит…

– Ши, заткнись, – прошипел варвар.

Справа и слева от спокойно стоящего незнакомца появились еще двое. Наметанный взгляд киммерийца мгновенно оценил кошачью плавность их движений и отметил руки, скрытые в рукавах просторных темных одеяний.

– Спрятаться в поместье ит'Каранга – разумный ход, – равнодушно согласился тип, загородивший приятелям дорогу. Его смуглое узкое лицо показалось Конану чем-то знакомым. – Однако даже в богатых домах у некоторых такие длинные языки и такие пустые кошельки… Бежать не надо, мальчик. Отдай, что тебе не принадлежит. Отдай сам. Останешься жив.

– Кто ты такой? – хрипло спросил Конан. – Я не понимаю, о чем ты говоришь. Дай пройти.

– Возьмите их, – сдержанно приказал темнолицый и шагнул вперед, вынимая из рукава стилет.

Варвар не стал дожидаться, пока те двое приблизятся на расстояние вытянутой руки. На тесной улочке, зажатой глухими стенами глинобитных дувалов, вряд ли смогла бы разойтись пара зеленщиков со своими тележками, но квартал населяла беднота, и стены поднимались лишь на один этаж, чуть выше роста самого Конана. Впереди сверкнули ножи, сзади послышалась шумная возня и вскрик Ши. Конан метнулся к ближайшей стене и, подхватив в

охапку какой-то ветхий хлам, сваленный под домом, с размаху швырнул пыльную груду в лицо нападающим. Вызвав краткое замешательство в рядах противника, он высоко подпрыгнул, подтянулся на руках и перевалился на плоскую крышу дувала. Почти сразу следом появилась свирепая физиономия с коротким кинжалом, зажатым в зубах. Киммериец извернулся и ловко пнул преследователя в переносье. Издав приглушенный вопль, тот мешком свалился в переулок.

Едва киммериец прыгнул, Ши ощутил, как его с чудовищной силой обхватывают сзади поперек груди и давят с явным намерением переломать ребра. Он завопил и что было сил резко откинул голову назад, угодив во что-то хрустнувшее и страдальчески замычавшее. В глазах заплясали яркие круги. Трое, что перекрывали проход, схватились с Конаном, но со стороны рынка послышался топот по меньшей мере двух пар тяжелых сапог. Судорожно хватая ртом насыщенный красной дорожной пылью воздух, воришка освободился от ослабевшей хватки, вскочил и кинулся в сторону Пыточного проезда, вопя во все горло:

– Помогите! Убивают!

Услышав сей отчаянный призыв, запоздалые прохожие немедля исчезли с дороги, а из бокового проулка выскочили двое, обнажили широкие кривые ножи и понеслись прямо на Ши. Они бежали молча, деловито и очень, очень быстро.

Справа открылась узенькая крытая галерея, вдоль которой с обеих сторон тянулись запертые двери лабазов и складов. Ши юркнул туда. Преследователи с разбегу проскочили мимо, и воришка получил несколько мгновений форы. Если ты с малолетства привык выживать в Шадизаре, а за спиной у тебя двое вооруженных головорезов, отчаянно подумал Ши, ныряя в первую попавшуюся дверь, то пара мгновений передышки – настоящий подарок судьбы. И вообще нужно было кричать не «убивают», а «пожар». Кого в наши тяжкие времена удивишь убийством?

– Куда он делся? Удрал, змееныш!

– Смотри, здесь дверь открыта! Давай сюда!

Беглец угодил на склад – мрачный, пыльный, душный и почти пустой, если не считать мусорных куч. Карманник притаился в темноте, боясь вздохнуть. Он слышал, как преследователи ругаются у входа. Потом стало тихо. Воришка понял, что бандиты зашли внутрь. Несмотря на тяжелую обувь, двигались они почти бесшумно.

Ши лихорадочно оглядел голые стены в поисках выхода, окна, потайного лаза – хоть чего-нибудь. Ничего, кроме горы хлама на земляном полу, пыли и паутины. Склад показался воришке огромным, но, даже медленно продвигаясь наощупь, те двое скоро его найдут. Получается, он сам себя загнал в ловушку. Нужно что-то делать. Немедленно.

Очень осторожно, чтобы не привлечь внимания случайным движением или звуком, Ши сунул руку за голенище сапога и вытащил нож, чувствуя, как дрожат пальцы.

Между тем из распахнутой двери в помещение проникал тусклый свет, глаза Ши, привыкнув к полумраку, различили темную фигуру неподалеку от входа. А где же второй?

– Что там, Хафид? – спросил тот, что стоял у двери.

– Нет ничего! – рявкнули над самым ухом Ши. Без того натянутые и готовые звонко лопнуть нервы карманника не выдержали.

Выставив перед собой лезвие, Ши с нечленораздельным воплем бросился вперед. Нож ушел во что-то податливое и выскользнул из пальцев, а маленький воришка, словно камень из пращи, вылетел вон. Никогда до того и, пожалуй, никогда после он так не бегал.

Его не преследовали.

…В отличие от приятеля, Конану не повезло.

В суматохе он упустил из виду особенности местной архитектуры, а именно тот факт, что глинобитные одноэтажные жилища бедняков имеют, как правило, достаточно толстые стены, но вот крыши, сделанные из переплетенных и обмазанных глиной пучков соломы, на его изрядный нордхеймский вес никак не рассчитаны. Поэтому при первой же попытке утвердиться на крыше дувала, дабы оказать врагу должный отпор – стилет из запястных ножен сам прыгнул в руку – хлипкое сооружение провалилось, и варвар полетел спиной вперед.

Падение, хоть и с небольшой высоты, однако на твердый, как гранит, глиняный пол его ошеломило, и что хуже всего, кинжал отлетел в сторону. Не успел он подняться, как на спину рухнула неподъемная тяжесть, и кто-то, весящий не менее пятнадцати стоунов, с поразительной сноровкой принялся выкручивать киммерийцу руки.

Потом последовал град ударов, быстрых, умелых и чрезвычайно болезненных, и жесткие веревки на запястьях. На лицо опустилась грубая вонючая мешковина, и возникло ощущение, что его быстро куда-то несут, взвалив на спину, подобно тюку.

Конан вяло удивился силе противника – тащили долго, часто сворачивая то влево, то вправо, поднимаясь и спускаясь по жалобно поскрипывающим лестницам. От мерзкого запаха выворачивало желудок и, кажется, время от времени уплывало сознание. Киммериец запоздало посочувствовал Фехтие Ордзою: вот, оказывается, каково быть засунутым в мешок с навозом. Может, это месть?.. До чего нелепо получилось… И Рекифеса не предупредили, и сами попались… Наверняка Ши тоже схватили. Куда ему драться с такими костоломами. Трясется где-нибудь по соседству и проклинает день, когда связался с неким Конаном из Киммерии. Правильно делает. Зачем, спрашивается, он ввязался в эту кутерьму? Предупреждали ведь умные люди! Сколько раз предупреждали!..

Волочивший пленника человек поднялся по очередным ступенькам. Судя по некоторым признакам, муторное путешествие близилось к концу – они вошли в дом. По недосмотру (или наоборот?) переносившего добычу охотника киммериец с размаху врезался головой в притолоку или ободверину, отчего несколько последующих мгновений бесследно испарились из его памяти.

Очнулся варвар от на удивление громкого хлопка двери. Застучали по доскам каблуки, кто-то быстро заговорил на туранском – то ли докладывая, то ли оправдываясь. Изловленного человекоохранителя без особых церемоний свалили на пол, но избавлять от напяленного на голову мешка и веревок не торопились. Чьи-то руки деловито обшарили карманы и кошель, проверили, не спрятано ли чего в поясе и за голенищами сапог. Внезапно разыскатель обрадованно присвистнул.

«Письмо, – уныло сообразил Конан. Творение загадочного Призрака хранилось у него – на случай, если понадобится ткнуть Рекифесу в нос неопровержимым доказательством правоты подчиненного. – Выходит, им позарез требовалась эта бумажка? Что ж, послание у них есть, и я им больше не нужен».

Словно в подкрепление здравых и потому чрезвычайно удручающих мыслей раздался ставший до тошноты знакомым голос темнолицего:

– Нашлось?! Печать сломана? Ай, мальчик, как нехорошо совать нос в чужую переписку… – шелест разворачиваемого пергамента и небрежный, рассеянный пинок сапога под ложечку. Краткое напряженное молчание – загадочный предводитель (надо полагать, он и есть обладатель прозвища «Грифон») читал наконец-то попавшую к нему в руки записку.

Ему не требовалось мучиться с разгадками тайнописи, ибо внизу, под текстом, красовались ровные, как выведенные по ниточке, строки перевода Юнры Тавилау.

– Ничего не понимаю, – обескураженно и еле слышно пробормотали высоко вверху, и уже громче, повелительным тоном распорядились: – Имгебел, Хафид! Разыщите Фехтие и заприте где-нибудь, чтобы не сбежал. Да мне наплевать, в каком он там состоянии! – должно быть, подчиненные имели неосторожность возразить. – Мальчишку суньте в подвал.

– А может, прирезать его? – предложил новый голос, низкий и слегка запинающийся. Окажись на месте киммерийца Ши Шелам, воришка немедля признал бы помощника Фехтие Ордзоя, мрачного нелюдимого туранца, чем-то смахивающего на дряхлеющего, но все еще грозного бойцового пса.

– Потом решим, – отрезал вожак. – Быстро, время поджимает.

Стража Когорты, украдкой возрадовавшегося внезапной отсрочке и возможности еще немного пожить на свете, с размаху сгребли за шиворот, протащили вниз по короткой лестнице и впихнули в низкую дверцу. Прежде чем захлопнуть створку, пленнику оказали небольшую милость – сдернули проклятый мешок.

Рассмотреть, где он находится, варвар не успел, потому что лихо скатился по ступенькам и крайне неудачно приземлился физиономией вниз. Дверца закрылась, лязгнул вдвигаемый в пазы засов.

Вокруг было темно, хоть глаз выколи, и холодновато. Пахло слежавшейся землей, кисловатым перебродившим вином и мышами.

– Ши? – на всякий случай позвал киммериец, отплевавшись от набившейся в рот дряни и с трудом усевшись – развязывать его никто не собирался. – Ши, ты здесь?

Ответа не последовало. Возможно, Ши Шелам остался валяться в том безымянном проулке неподалеку от Пыточного проезда. Конану очень хотелось верить, что этого не случилось.

* * *

Стремительный бег Ши Шелама остановила невесть откуда взявшаяся стена. Ши врезался в нее и, не соображая, попытался бежать дальше, непрерывно бормоча «Ой, ой, ой, что же делать-то…».

После третьего столкновения стало понятно, что прошибить стену лбом не удастся, да и нет необходимости. Ее вполне можно обойти.

Воришка немного постоял, прислонившись к этой самой стене из грубо обтесанных глыб желтоватого песчаника, нагревшихся за день и теперь медленно остывающих. Голова у него кружилась, зубы выщелкивали мелкую частую дробь, а немногие имевшиеся мысли безнадежно растерялись во время бегства и сейчас постепенно догоняли своего хозяина.

«Малыша, похоже, изловили, повязали и утащили. Письмо осталось у него. Надо спрятаться. Ничего не знаю и знать не хочу. Завтра же удеру из города».

Он наконец отдышался, потряс взъерошенной головой, приходя в себя и озираясь. Выскочив из заброшенного склада, Ши несся, куда глаза глядят, и теперь не представлял, в какие края его занесло. Так, еще различимые в сумерках острые загогулины слева украшают

Ратушную башню. Значит, он примчался в центр города. Рукой подать до казарм Сыскной Когорты. Истерически хихикнув, воришка представил, как является в Управу и просит дать ему убежище в самой надежно запертой и постоянно охраняемой камере. Видите ли, за мной гоняются какие-то странные люди с длинными ножами и привычкой сначала бить, а потом объяснять, за что. Бедолагу Малыша уже до смерти уходили…

«Хватит причитать! – прикрикнул раздраженный внутренний голос. – Довольно паники. Порождение хладных Киммерийских гор никому не позволит так запросто себя ухлопать. Полночь еще далеко, игра не закончена».

Продолжая спорить сам с собой, Ши встряхнулся и затрусил в сторону Сыскной Управы – сначала медленно, спотыкаясь и прихрамывая, а затем все быстрее. Что именно он намерен предпринять, воришка пока не знал.

Караульные у ворот приветствовали его появление радостным улюлюканьем. Должно быть, заметили, как они с Конаном раза три пронеслись туда-обратно мимо владений Когорты.

– Где приятеля потерял? Эй, да это Шелам-карманник! Ши, ты почему разгуливаешь на свободе? По тебе давно Мышеловка плачет!

– Очень смешно, – буркнул Ши, понимая: здесь на помощь рассчитывать нечего. Боги и в особенности Бел-хранитель, подскажите способ – как побыстрее добраться до стоящей в Карпашском предместье «Лиретаны»? За хлопотами и беготней он совершенно упустил из виду, что солнце-то село!

– Чего регочете, жеребцы? – рявкнул со двора начальственный бас. Стражники лениво изобразили требующиеся подтянутость и чинопочитание. Горевший над аркой ворот желтоватый фонарь осветил грузную, коротконогую фигуру, завидев которую, Ши невольно попятился. Только его сейчас не хватало – месьор Тарбад, любитель принимать взятки и доходчиво вразумлять изловленных мелких злоумышленников!

– Д-доброго вечера, – пробормотал воришка. Ничего умней в голову не пришло. – А я тут… э-э…

Тарбад, должно быть, не позабыл недавней встречи и того, что Ши имел неосторожность довольно зло высмеять пристрастие доблестного стража к взиманию незаконных поборов. Во всяком случае, десятник пропустил мимо ушей вежливое пожелание, задумчиво обозрел изрядно потрепанного карманника с головы до ног, и грустно, даже сочувственно осведомился:

– Опять удираешь? Кому на сей раз голову проломил и чем разжился? Да ты не спеши, ночь дли-инная… Ну-ка, взять его!

Последнего распоряжения Ши опасался и ждал, а потому метнулся в сторону, увертываясь от протянутых к нему рук. Отпихнул наиболее усердного стража, удачно проскочил между двумя караульными, нацеливавшимися схватить подозрительного воришку и препроводить, куда следует, шмыгнул мимо Тарбада, заодно – не упускать же удачный случай! – отвесив стражу хорошего толчка и прихватив какую-то побрякушку, болтавшуюся на форменном одеянии. Стычка под воротами заняла от силы пять-шесть ударов сердца, после чего Ши припустил вниз по улице, с отвращением прислушиваясь к раздающемуся позади буханью кованых сапог и надрывно-заливистым свисткам.

Стражники разозлились не на шутку. Воришка рассчитывал отцепиться на следующем же перекрестке, но погоня упрямо не отставала, и, кажется, к ней присоединялись новые участники.

«Это становится навязчивым, – тоскливо размышлял Ши, тщетно убеждая заплетающиеся ноги продержаться еще немного. Взгляд опять лихорадочно выискивал темный переулок, низкий забор, распахнутую калитку… – Я, в конце концов, не скаковая лошадь! Сколько можно? Сперва головорезы, теперь блюстители, и все на одного меня! Несправедливо!»

Улица Ратай закончилась, сменившись более широким и пустынным проездом Сахиль. Ши глянул влево-вправо – закрытые на ночь лавки, редкие прохожие, замешкавшийся патруль, который наверняка с радостью примет участие в охоте. На другой стороне улицы, шагах в десяти – одинокий всадник, по виду благородного сословия, придержавший лошадь, и троица сопровождающих.

Поскольку на его совести уже числилось убийство и попытка бегства от представителей Закона, Ши махнул рукой на свое будущее, полагая его окончательно загубленным. Раз так, еще одно преступление ничего не изменит. Когда изловят, накинут к бессрочным рудникам годик-другой. Какая разница?

Он проскочил мимо оторопевших от подобного нахальства слуг, ухватился за край высокой луки седла и из последних сил рывком затащил себя на круп лошади. Животное слегка присело под двойной тяжестью и недовольно захрапело. Его хозяин открыл рот, собираясь то ли негодовать, то ли взывать о помощи.

– Слезай, не то прирежу, – пригрозил Ши, стараясь по возможности подражать интонациям пугающего незнакомца из переулка близ Пыточной улицы. – Быстро. И не шуми, хуже будет.

«Чем, интересно, я его буду резать, если стилет остался… там? Пальцем, что ли? Или зубами грызть?»

Впрочем, угрозы оказалась вполне достаточно, и подкреплять ее холодным железом не понадобилось. Законный владелец лошади сдавленно икнул и мешком свалился на мостовую, даже для виду не попытавшись оказать сопротивления. Воришка перебрался в жесткое и ужасно неудобное седло, растерянно соображая, какие поводья нужно дергать, а какие лучше оставить в покое. Ноги болтались в воздухе, пытаясь нащупать чрезмерно длинно отпущенные стремена. Патруль, числом пять или шесть человек, наконец смекнул, что происходит открытый грабеж, разбой и покушение на чужую собственность, и грозно двинулся в сторону Ши. Со стороны перекрестка вывалилась размахивающая факелами шумная толпа, возглавляемая разъяренным десятником Тарбадом.

Позаимствованная карманником лошадь оглянулась, дернула ушами и решила тоже принять участие в ночных увеселениях. Без всякого понукания она двинулась с места и пошла себе вниз по Сахилю – вначале шагом, затем частой рысью. Подковы четко звякали по булыжнику и смачно шлепали по лужам, Ши то падал лошади на шею, то съезжал вбок, его трясло и подбрасывало, а с Ратушной площади долетали мерные, глухие удары колокола. Три, четыре… шесть… девять. Десять.

Погоня отстала. Сладив с краденой кобылой, оказавшейся вполне послушной тварью, Ши развернул животное головой в сторону Карпашских ворот и только сейчас вспомнил об украденной у десятника Тарбада вещице, поспешно брошенной за пазуху.

Безделушка, как ни странно, не выпала и не потерялась. Ши извлек ее и, не удержавшись, захохотал. Становилось понятно, отчего дряхлый служака натравил на обидчика едва ли не всю Управу.

На ладони тускло поблескивал мелкой чешуей латунный дракончик – бляха Стража

Когорты.

* * *

Крылатая немедийская ящерица оказала Ши неоценимую услугу. Сначала возле городских ворот, где он застращал грозным символом не желавших отпирать ворота дозорных и пригрозил разжаловать их командира в младшие надзиратели при доме скорбных разумом. Затем воришка пустил значок в дело подле бдительно охраняемого взъезда в поместье «Лиретана», наврав страже с три короба про начинающийся бунт в Шадизаре и необходимость срочно повидать Его милость Рекифеса. Караульные совершенно запутались в ворохе обрушенных на них намеков, требований и воплей, ажурная чугунная створка отдвинулась и подозрительного гонца нехотя впустили на земли имения, дав на всякий случай провожатого.

Саму «Лиретану» Ши толком не рассмотрел – так, мелькнуло за деревьями парка длинное двухэтажное здание с огромной полукруглой террасой, все в искрах разноцветных огоньков и багровых вспышках факелов. С террасы доносилась легкомысленная музыка и беседующие голоса. У воришки аж в животе заурчало при мысли о блюдах, которые будут поданы на этом вечере, и каких ему никогда в жизни не доведется попробовать.

Двое всадников обогнули поместье, выехав к приткнувшемуся позади флигелю. В глубине души Ши надеялся на отсрочку. Пусть выяснится, что Верховный Дознаватель на празднике… или занят… или его настрого запрещено беспокоить. Даже у великих людей бывают слабости!

Судьба повела себя намного коварнее. Стоило прибывшим остановиться, как распахнулась дверь и на крыльце флигеля показался Рекифес собственной персоной – при параде, в надлежащей церемониальной форме со множеством золотых узоров и изображениями геральдических драконов в коронах. Он, видимо, собирался дополнить своей живописной персоной начинающее празднество, а тут – такая досадная неприятность!

– Спешный гонец к Вашей милости, – доложил провожатый Ши, подозрительно косясь на неубедительную фигуру «посланника». – Говорит, в Шадизаре что-то стряслось…

– Что там еще могло стрястись? – сквозь зубы процедил Рекифес, и, обернувшись к вышедшим вслед за ним из дома людям, извинился, сказав, что будет чуть позже. – Кто приехал? Какой гонец?

– Я, – Ши сполз с лошади и едва ли не на цыпочках приблизился. – Только не ругайтесь, Ваша милость. Я все объясню!

– Шелам?! – казалось, месьора Дознавателя вот-вот хватит удар. – Какого демона ты здесь… Откуда ты взял значок Когорты?

– Украл, – честно признался Ши. – Так получилось. В общем, мы их выследили, только они Малыша изловили. В смысле Конана.

– Еще раз и по порядку, – Рекифес с обреченным вздохом присел на мраморные ступеньки, пробормотав: – Называется, единственный раз за сколько лет выбрался отдохнуть… Как я ненавижу этот треклятый городишко! Ладно, слушаю. Кого вы выследили? Что случилось с этим неугомонным нордхеймцем? Кто его поймал? Постарайся быть

кратким и не слишком уклоняться от истины.

– Малыш не нордхеймец, а киммериец, – внес ясность воришка. – Оказывается, все началось с коня. С того самого, Огненного Феникса.

Краткого рассказа не получилось. Ши то и дело сбивался на посторонние рассуждения, однако грозное ворчание Дознавателя немедля возвращало его к упущенной нити повествования. Наконец карманник добрался до описания схватки с неизвестными, завершившейся исчезновением варвара, его собственным бегством, дракой со стражниками и похищением лошади.

– Письмо, – нетерпеливо протянул руку Рекифес.

– Нету его, – Ши виновато понурился. – Осталось у Конана. Но госпожа Тавилау может подтвердить, что держала послание в руках и разгадывала тайнопись! Спросите у нее! Там черным по белому написано: нынешним вечером напасть на поместье «Лиретана», перебить гостей, а самое главное – изничтожить Немедийскую Чуму… Ой! Я не хотел, Ваша милость, честное слово! С языка сорвалось!

– Немедийская Чума, значит? – с непонятной воришке интонацией переспросил Верховный Дознаватель. – Написано Призраком, предназначено Грифону? Объясни ты мне одно: твой-то интерес здесь каков? Допустим, меня прикончат. Ваша разудалая братия дружно вздохнет с облечением!

– Это конечно, – осторожно согласился Ши. – Но к Вашей милости мы уже более-менее притерпелись. Как знать, кого пришлют взамен? Может, сущего мздоимца и живоглота…

Рекифес на мгновение зажмурился, и карманник отчетливо понял – Дознаватель не поверил ни единому его слову. Это конец.

– Зайди в дом и никуда не высовывайся, – сухо распорядился немедиец. – Сопрешь что-нибудь – лично придушу. Не позорь меня перед хозяином. И не вздумай удрать. Разыщу, куда бы ни спрятался, уразумел?

Он поднялся с крыльца – медленно, как встают старые люди, и коротко свистнул. Из темноты долетел ответный свист, чуть погодя появились двое с бляхами Когорты, выслушали отданные вполголоса приказания и торопливо убежали. Рекифес постоял еще немного, покачиваясь с носков на пятки, и наверняка колеблясь перед принятием решения. Или не колебался, а просто сожалел о безнадежно испорченной вечеринке и размышлял, как будет выглядеть в глазах заезжих сановников.

Ши, послушно вошедший во флигель, немедля прилип к ближайшему окну и увидел, как Верховный Дознаватель не спеша удаляется в сторону нарядной террасы.

* * *

Вскоре карманнику надоело пялиться сквозь мутное стекло, гадая, что происходит в особняке и прилегающем саду. Он выбрался на крыльцо, готовый при малейшем признаке опасности улизнуть обратно в дом, и стал наблюдать.

Доносившаяся с террасы заунывная туранская мелодия стихла. По главной аллее одна за другой прогрохотали четыре или пять карет. Значит, гостям преподнесли какую-нибудь правдоподобную байку и попросили удалиться. Не повезло достопочтенному Банатибу –

сколько денег вбухал в устроение вечеринки, и все пошло прахом по вине совершенно неизвестного ему мелкого мошенника.

На втором этаже дома в окнах вспыхнули огни, и почти сразу померкли, скрытые закрываемыми ставнями. Разноцветные фонарики на террасе продолжали гореть, но их свет уже не казался празднично-жизнерадостным. Темный парк внезапно оживился, по нему деловито пробегали какие-то тени, рядом с которыми трусили, азартно повизгивая, ведомые на сворках сторожевые псы. Рекифес готовился отражать нападение, и делал это, как все, чем занимался – обстоятельно, учитывая возможности противника и затыкая любые возможные щели и лазейки.

Виновник суматохи продолжал смирно торчать на крыльце, выдерживая нешуточную битву с искушением, подмывавшим улучить момент и наведаться на опустевшую террасу. Вряд ли слуги успели убрать со столов. Можно будет чем-нибудь поживиться и заодно глянуть, не завалялось ли поблизости дорогих вещиц…

«Рекифес прознает – убьет, – в который раз напомнил себе Ши. – Велено ждать, вот и сиди!»

Время шло. В саду порой возникала какая-то кутерьма, злобно лаяли собаки, метались огненные хвосты факелов, но постепенно шум затихал, оборачиваясь еще одной ложной тревогой. Поначалу Ши опасливо вскакивал при каждом громком звуке и кидался в дом, однако это занятие ему быстро приелось. Он гадал, как обстоят дела у Конана и где тот может находиться, пытался сообразить, как подручные загадочного Грифона смогли так быстро выследить человекоохранителя и его приятеля, и что ему делать в случае, если убийцы в самом деле пожалуют в имение. Может, разыскать погреб и спрятаться там до утра?

Из шелестящей темноты выскользнула очередная безликая тень, замерла под деревьями, не приближаясь к дому. Должно быть, несла караул, поджидая незваных гостей. Дождалась – со стороны особняка явился некто, с первого взгляда принятый воришкой за Верховного Дознавателя. Приглядевшись, Ши понял, что ошибается: обитатель дома чуть превосходил Рекифеса ростом, да и по осанке производил впечатление человека вовсе не старого. Незнакомец обменялся с тенью парой слов и раздраженно взмахнул рукой, показывая на дом и парк.

Воришка по привычке навострил уши.

– …невозможно. Чуме донесли о нападении. Тот поверил. Заезжие гости в доме, под строжайшей охраной. До них не добраться.

Тень еле слышно произнесла какую-то фразу. Ее собеседник замотал головой, возражая:

– К чему подобное самоубийство? Время терпит. Выждем и попробуем еще раз. Ищи слабое звено, друг мой. У кого-то слишком длинный язык. Может, у свихнувшегося Ордзоя. Может, у парня-варвара из Когорты. Может, у одного из твоих людей, хотя я не могу в это поверить…

– Хорошо, – внятно произнесла тень, и воришке показалось, будто на него с размаху плеснули ледяной водой. Он уже слышал этот голос. Совсем недавно. В сумерках, опускавшихся на тесный переулок, тянувшийся неподалеку от Мясного рынка. – Я разберусь.

Говорившие разошлись. Ши, поколебавшись, сполз с крыльца, намереваясь догнать гостя несостоявшейся вечеринки и глянуть на его физиономию. Вот будет подарочек для Рекифеса – пока все шарили по кустам и тряслись от страха, какой-то мелкий жулик выяснил личность Призрака!

Однако полезному начинанию помешали. Явился хмурый стражник и, не слушая

возражений, прогнал карманника в дом, буркнув, что ему поручено за ним присматривать.

…Он и присматривал – до наступления утра, бледно забрезжившего в оконных переплетах, отмеченного грохотом распахиваемой двери и появлением Его светлости Верховного Дознавателя, синеватого от тщательно сдерживаемой ярости, и сопровождаемого неизменными Стражами Когорты.

– Доволен? – прошипел Рекифес, вздергивая сидевшего возле давно погасшего камина Ши. Ненароком заглянув в блекло-серые, прищуренные глаза Дознавателя, воришка ужаснулся, без труда различив в них отменную, высокопробную ненависть ко всей Заморе вообще и к нему, Ши Шеламу, в особенности. – Чья была идея? Кто тебе заплатил? Говори, говори, говори! – каждое требование сопровождалось рывком, от которого многострадальная голова Ши с неприятным стуком ударялась о стену.

– Это правда! – в полном отчаянье завопил воришка. – Их предупредили! Один из гостей – предатель, Призрак! Я его видел! Они вернутся! Ну не верите мне – не надо! Обыщите таверну Ордзоя, допросите хозяина! Найдите Конана, в конце концов! Он все знает и расскажет!..

Верховный Дознаватель с явным отвращением оттолкнул свою жертву, угодившую прямиком в лапы стражников.

– В Алронг, – сухо распорядился он, пропуская мимо ушей тщетные попытки Ши оправдаться. – Представите лично старшему надзирателю, скажете, что от меня. С первой же оказией пусть отправляет мерзавца на Соленые Озера, а до того – сунет в подвалы, чтобы его там поучили уму-разуму. Никаких записей, никакого суда, ничего. Перетряхнуть город, отыскать его зверообразного дружка и доставить ко мне.

Осознав уготованную ему судьбу, Ши мгновенно перестал вырываться и голосить. Он только вытаращился на месьора Дознавателя, беззвучно открывая и закрывая рот, словно разучился говорить. Так его и увели, причем, по меткому замечанию одного из караульных, воришка изрядно смахивал на человека, внезапно помешавшегося рассудком.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
Вознагражденное любопытство

Подвальное одиночество Конана длилось недолго. Где-то в доме раздался вопль – тоскливый, смахивающий на завывание угодившего в капкан зверя – смолк, прозвучал снова и больше не повторялся. Сыто лязгнул замок, дверцы погреба приоткрылись, впустив немного тусклого света, выхватившего из темноты очертания выстроившихся вдоль стен пузатых бочек. Желтоватый квадрат вспыхнул и погас, а по лестнице, неуклюже переваливаясь, скатился новый пленник, умудрившийся рухнуть прямо на собрата по несчастью. Судя по тяжести и неразборчивому хрипению, это был не Ши. Значит, воришка по-прежнему незаслуженно пользуется особым покровительством бога-Обманщика, и вновь сумел выйти сухим из воды. Кого же тогда бросили в подвал?

Новоприбывший откатился в сторону и затих. Наверняка, как и варвар, прислушивался к тому, что делается наверху. Сквозь толстые доски и камень долетел глуховатый перестук шагов, хлопанье дверей – и тишина.

– Ушли, – прокашляли из мрака. – Блюститель, ты живой? Подай голос, как там тебя… Все ж не в одиночестве пропадать. Они вернутся, не думай. Сделают свои дела и всенепременно пожалуют обратно, за нами. Такие уж они, – темнота скрежещуще хихикнула, – упорные в намерениях. Эй, парень, да где ты там?

Конан не отозвался, и неизвестный обескураженно пробормотал:

– Прирезали. Вот удовольствие – коротать время в обществе покойника…

– Доброй ночи, месьор Фехтие, – как можно язвительнее проговорил киммериец, признав сварливые интонации владельца «Скрещенных ключей». – Неужто с друзьями не поладили?

– С ними сладишь… – хмуро отозвались откуда-то слева, перемежая слова приступами лающего кашля. – Надо полагать, ты и есть настырный длинный варвар из Сыскной Управы? Что ж, полюбуйся, к чему привела твоя борьба за справедливость! Другой на твоем месте сразу бы догадался тихо свернуть дело, а ты пер и пер, ровно бык на красную тряпку. И сидишь теперь под замком, дожидаясь, пока Джелани с головорезами припожалует.

– Джелани – это высокий, темнолицый, говорит с туранским акцентом? У него прозвище – Грифон? – быстро спросил Конан. Мысль о близкой смерти отодвинулась в сторону, затененная мелькнувшей возможностью расставить события последних дней по надлежащим местам. Он даже не испытывал былой неприязни к Фехтие – лишь бы тавернщик говорил.

– С какой стати мне с тобой откровенничать? – недоуменно поинтересовался месьор Ордзой, и, помолчав, задумчиво добавил: – Зуб выбили, мерзавцы. За что, спрашивается?..

Под унылые и наполненные жалостью к себе разглагольствования Фехтие киммериец припоминал советы друзей, могущие пригодиться в данных затруднительных обстоятельствах. Для начала позарез необходимо избавиться от веревок. Это достаточно просто сделать, нужно только найти жесткую ребристую поверхность и набраться терпения. Угол лестничной ступеньки отлично подойдет. Старательно трем, надеясь, что волокна долго не продержатся, и поддерживаем беседу.

– Можно и не откровенничать, – согласился Конан. – Будем сидеть и молчать. Пока

Грифон не придет. Тогда, думаю, одному из нас придется говорить много и долго. Причем не мне. Меня-то, скорее всего, отпустят. Поколотят, конечно, но я как-нибудь переживу.

– С какой стати тебя отпустят? – насторожился Фехтие.

– В письме так приказано. Зато с тобой желает побеседовать их хозяин. Тот, что сейчас гуляет на вечеринке в поместье «Лиретана».

Конан ожидал, что на тавернщика его сведения произведут прямо-таки сокрушительное впечатление, и тот, струхнув, немедля начнет раскрывать свои тайны. Вместо этого Фехтие рассмеялся – с усилием, сквозь хрип, но искренне.

– Удивил, тоже мне. Призрак им вовсе не хозяин. Так, посредник вроде меня, звено в цепочке. Он, конечно, птица высокого полета, но сейчас, небось, сидит и локти грызет с досады – почему не он первым додумался обвести Джелани вокруг пальца в свою пользу? Испугался, должно быть. Значит, они все-таки получили свое письмо? Недавно тут шуму было – какой-то сметливый проходимец стянул драгоценную бумажку прямо из пояса гонца. Они заметались, помчались перетряхивать город… Ты, случаем, в это послание не заглядывал? Должно быть, там про меня изрядно гадостей понаписано?

– Само собой, – подтвердил киммериец и небрежно поинтересовался: – А Призрак – он кто?

– Меньше знаешь – дольше проживешь, – отрезал Фехтие, но как-то без прежней уверенности.

– Хорошо, – не стал возражать Конан, опасаясь выпустить из рук тонкую ниточку разговора. – Но если Призрак не распоряжается Грифоном… то есть Джелани… кто тогда его хозяева? Или он сам по себе? Почему он преследует здешнего Верховного Дознавателя? Из мести?

– Лично Джелани, полагаю, глубоко наплевать на любых дознавателей и правителей. Он выполняет то, за что ему платят. Ради того, во что он верит.

– Значит, он – убийца по найму, – без колебаний припечатал варвар. – Так? А ты предоставляешь ему и его людям укрытие, да еще пользуешься их услугами для своих темных делишек. Чего молчишь? Правда глаза колет?

– О самоуверенность молодости, которая считает, будто ей все известно, – с нарочитой скорбью вздохнула темнота. – Ты совершенно не представляешь, кого пытаешься укусить. Зубки сломаются, поверь мне.

– Новые вырастут, – огрызнулся киммериец. Сплетенные из хорошей офирской пеньки путы упорно не желали поддаваться.

– Веревку перетираешь? – сочувственно хмыкнул Фехтие. – Полезное занятие. Только учти, двери подвала открываются вовнутрь и ухватиться за них с нашей стороны невозможно. Снаружи они упираются в каменный порог. Будешь головой пробивать?

– Твоей, – наставительный тон Ордзоя неимоверно раздражал. – Вместо того, чтоб каркать, подумал бы, как отсюда выбраться! Тебе что, очень хочется умереть?

– Мне все равно, – прозвучали эти слова так, что Конан мигом позабыл о веревке и уставился во мрак, пытаясь разглядеть собеседника. – Даже если нам очень повезет и мы сумеем бежать, нас все равно отыщут. Неважно, в этом городе или каком другом… Знаешь, что такое грифон? – вдруг спросил Фехтие.

– Небывалый зверь с туловищем льва, орлиной головой и птичьими крыльями, – чуть растерянно ответил варвар. – Он еще нарисован в гербе Турана… Хочешь сказать, что Джелани пригласил сюда кто-то из туранцев, обиженных на Рекифеса?

– Грифон – символ Эрлика, бога войны, – монотонно продолжил месьор Ордзой. – Давно, лет двести назад, во времена очередной смуты вокруг аграпурского трона, император Турана создал маленькую гвардию из особо приближенных телохранителей, чуток помешавшихся на религии Эрлика. Они называли себя «Возмездием Небес». Правитель, вызвавший к жизни сие безобразие – порази меня сухотка, если я помню, как его звали… пускай будет Ирвази – и сам не отличался ясностью рассудка. Однако, поскольку три его предшественника скончались при весьма странных обстоятельствах, он вбил себе в голову, будто все вокруг, начиная с главного евнуха и заканчивая городским золотарем, прямо-таки жаждут его смерти. И понеслось! До суда, как правило, не доходило – просто те, кто неосторожным словом, поступком или взглядом имели несчастье попасть под подозрение, в самом скором времени отбывали на Серые Равнины. Один на собственный кинжал упал, на апельсиновой корке поскользнувшись, второй на охоте подстрелен, третьего бешеный верблюд затоптал… Телохранители дело свое знали туго, а приказы им отдавал лично Ирвази через главу Братства. Был там такой Хатар уль'Савади, старшина гвардии и заодно тайный жрец Эрлика Кровавого. Того воплощения, которое злобное, восьмирукое и с мечами. Сперва все шло чисто-гладко, Ирвази нарадоваться не мог…

Фехтие зашелся сухим кашлем вперемешку со сдавленными ругательствами.

– Глотку бы промочить. Эй, нордхеймец, ты еще здесь? Не знаешь, какого демона я тебе все это толкую, а?

– Страшно, вот и толкуешь, – процедил киммериец сквозь зубы, ожесточенно шаркая жесткой веревкой об острый край ступеньки. – Облегчить душу захотелось, наверное. Да ты говори, говори. Времени у нас много.

– Пожалуй, – задумчиво согласился тавернщик. – Пока они до «Лиретаны» доберутся, сколько там провозятся, да обратный путь… Сам не боишься, что ли?

– Дедушка меня бояться не научил, такая жалость, – буркнул варвар (ослабевает проклятая веревка или нет?!). – Сперва, значит, чисто и гладко. Что потом стряслось?

* * *

– Стряслось… – фыркнул Ордзой. – Правитель меру потерял. Умные люди, до которых «Возмездие Небес» дотянуться еще не успело, смекнули, откуда ветер дует, и быстренько остановили безумца, пока он полстраны не вырезал ради вящей безопасности. Любимая наложница, отрава в кубке – в общем, Ирвази благополучно отдал концы. К власти пришел его брат, прапрадед нынешнего государя Илдиза Туранского, да не заходит солнце над его владениями. При новом правителе гвардейцы Ирвази оказались не у дел. Настолько не у дел, что в одну прекрасную ночь верные новой власти войска обложили казармы хатаритов и произошла бойня. Брат Ирвази припомнил поклонникам Восьмирукого все их кровавые делишки и еще кое-что.

– Еще кое-что – это как? – уточнил Конан.

– Я говорил, что Хатар уль'Савади прислуживал Эрлику Кровавому у алтаря? Говорил, точно. Бел ведает, правда или нет, но ходили слухи, будто хатариты не брезгуют и человеческими жертвоприношениями. За это, а также за всевластие и жестокость

гвардейцев-фанатиков в Аграпуре не любили и боялись. Неудивительно, что, когда всех собак спустили с привязи, из Приближенной Сотни спаслось десятка три, не больше. Они с боем прорвались из города и ушли в горы. Их преследовали, но упустили. Беглецы подались на полуденный закат, подальше от населенных мест. Все, что они могли там отыскать, это пару нищих деревень, горы Мутазби и бесплодные пески до самой границы со Стигией.

Прошло с десяток лет, про хатаритов забыли. Что стало с самим уль'Савади, никто не знал. Его труп не нашли, да и не искали – казармы сгорели дотла. Лишь гораздо позже обнаружилось, что Хатару Одержимому удалось избежать смерти. Ты слушаешь, дитя Полуночи?

– Слушаю, о вдохновенный чангир, – раздраженно рявкнул Конан, у которого на запястьях вздулись от трения кровавые пузыри, а скрипучий голос Фехтие уже в печенках сидел. Впрочем, справедливости ради нужно признать, что повесть тавернщика его в высшей степени заинтересовала. Поэтому, продолжая испытывать на прочность почти уже истершиеся путы, варвар поторопил рассказчика:

– Дальше-то что?

– Дальше все просто. Хатариты не сгинули в пустыне Урд и не ушли в Стигию. Они также не могли закопать оружие и разойтись по домам мирными земледельцами. Возвращаться им было некуда, а марать руки сохой и мотыгой для истинных воинов считается величайшим позором. В горах Мутазби они наткнулись на старую пещерную крепость Шахриз. Ты, разумеется, никогда не слыхал о такой. Шахриз выстроили во времена, когда Туран воевал со Стигией и Великой Степью. Там сохранился колодец, а у воинов оставались кони и оружие. И с ними шел уль'Савади. Этого оказалось достаточно.

Спустя пару лет Мутазби стало считаться нехорошим местом. В те края и прежде мало кто попадал по своей воле, разве что заблудившись, да еще пастухи иногда гоняли отары на горные выпасы. А тут пастухи вместе с овцами начали пропадать. Впрочем, сборщики податей, дважды в год добиравшиеся даже в эту глушь, ни разу не слышали жалоб от жителей окрестных деревень, только отмечали с некоторым удивлением, что местные с каждым годом становятся все более скрытными и малообщительными, а старые традиционные святилища все больше приходят в упадок. Однако же подати поступали исправно. Более от захолустья ничего и не требуется. На странности в поведении горцев махнули рукой.

На деле же получилось вот что. Где – силой, а чаще благодаря уль'Савади, чей фанатизм зажигал сердца даже самых маловерных, хатариты мало-помалу подчинили себе небольшой горный край. Однако власти над горсткой пастухов им показалось мало, честь невелика, а хатариты, как-никак, считались воинской элитой, и каждый стоил троих в открытом бою. В тайных же убийствах поклонники Эрлика Кровавого поднаторели, как никто иной. Чем еще изгнанники могли заработать свой хлеб и потешить воинскую честь, как не исполнением убийств по заказу, за хорошую плату, там, где не поможет Серая Гильдия, отступятся последователи Золотого Павлина и спасуют одиночки? В пещерной крепости культ Восьмирукого расцвел пышным цветом. После смерти уль'Савади новый глава братства избирается на общем круге и носит имя первого старейшины. У хатаритов появился даже свой кодекс чести, выросший из правил «Возмездия Небес». Например, тот, кто по своей оплошности не выполнил задания, обязан покончить с собой в соответствии с ритуалом. Ежели в провале повинен другой человек, он становится личным врагом всего Братства, и тот, чья миссия осталась неисполненной, не имеет права уйти на постой к Нергалу, пока жив этот другой… Нанять хатаритов – все равно что нанять саму смерть: так же надежно и так

же дорого. Понял наконец, с чем связался, нордхеймец? Я ведь не просто так все это тебе рассказываю. Хочу, чтобы тебе тоже стало страшно, как мне… Да, имей в виду: никто лучше хатаритов не знает толк в пытках. Ну, что скажешь?

– Скажу, что я не нордхеймец, – отозвался Конан. Руки кровоточили, но зато прочные пеньковые веревки, обращенные в мочалу, валялись теперь на полу. Варвар согнулся, пытаясь развязать путы на щиколотках. – Между прочим, пока ты трепался, я все-таки перетер эти треклятые узлы на руках и сейчас освобожу ноги. Еще спрошу: тебе-то откуда это известно?

Из угла, где темнело скрюченное тело Фехтие, долгое время не доносилось ни звука. Конан уже собрался повторить вопрос, когда тавернщик нехотя произнес:

– Мой отец родился в селении Бурнах. В горах Мутазби.

* * *

Конан поднялся на ноги, пару раз присел, проверяя, насколько повинуется тело и восстановился ли бег крови в конечностях, и подошел к сидящему у стены Фехтие.

– Сказал «альг» – говори уж и «бин», – проворчал он. – Теперь понятно, почему тех бандитов определили на постой именно к тебе. Земляки, ну-ну… А вот открой-ка мне тайну, как ты ухитрился угодить в немилость, что учинил на Конном Поле, и вообще – сколько здесь этих… хатаритов? Кто их нанял? Ради чего?

Тавернщик молчал. В темноте его физиономия виднелась смутным белесым пятном, но шестым чувством Конан понял, что месьор Ордзой ядовито усмехается. Киммериец вздохнул и от души всадил носок сапога под ребра сидящему.

– Тупица, – прошипел Ордзой, корчась от боли на земляном полу. – Можешь переломать мне все кости до единой! Все равно и близко не достигнешь того, что с нами сотворит Джелани, когда вернется. Думаешь заставить меня говорить? Связанного бьешь? Ну, пни еще разок, потешь себя, герой…

Следующий пинок Конана ни в какое сравнение не шел с первым, благо слова тавернщика здорово разозлили киммерийца, а угрызений совести варвар не испытывал: перед ним лежал человек, на чьих руках, пускай косвенно, была кровь самое малое пятерых, предавший веру отцов из-за мелкой страстишки и готовый на все ради спасения собственной никчемной жизни.

«Вот уж точно крыса, – пронеслось в голове у Конана, – почище бедняги Бирмита, земля ему пухом…» Вслух же он заговорил, наклонившись к стенающему Ордзою, медленно, внятно и весьма зловеще:

– Не хочешь говорить – молчи, сам скажу. Вот как было. Приехал ты в Шадизар и купил свою зловонную таверну. Потом крепко пристрастился к игре на лошадках и деньги, данные тебе семьей, просадил на раз-два, потому что ни на сикль в бегах не смыслишь. Перебивался на доход от заведения и упрямо продолжал баловаться со ставками. Какая-то тварь надоумила, и ты взялся жульничать, «покупать» заезды, портить коней и тому подобное. Потом появился Аддах Рабиль, решивший положить конец мошенничествам на Ристалище. Его поддерживали Тархалл Туранец вкупе с Барчем ит'Карангом. Мухлевать стало невозможно. Ты, небось, здорово приуныл, но тебе опять повезло – в таверне поселились эти

твои «небесные воины». Их ты тоже продал, сыграл втемную, отдавая им приказы якобы от лица того, что повыше. Теперь я спрашиваю, кто же из нас б*о*льшая сволочь? Я, что пинаю связанного, или ты, предавший веру, предков и собратьев по оружию за выигрыш на лошадках? Можешь не отвечать, шкура ты облезлая. Полежи пока, представь, что будут с тобой вытворять непревзойденные в пытках хатариты, когда я перескажу им в лицах сию занимательную историю.

Конан отошел и принялся простукивать стены в поисках потайного лаза, заколоченного окошка или хоть чего-нибудь, могущего дать шанс на спасение.

Фехтие извивался на полу, выплевывая самые черные ругательства. Четверть колокола спустя он затих и, похоже, напряженно что-то обдумывал. Варвар за это время отыскал десяток совершенно неподъемных бочек, по всей видимости, с соленьями, несколько бочонков поменьше – с вином, ящики и рыхлые кули и, наконец, самую полезную находку – ржавый колун с обломанным топорищем, завалившийся за мешок с мукой. Взвесив его в руке, Конан удовлетворенно хмыкнул.

– Эй, нордхеймец, – приглушенно донеслось из угла под лестницей. – Послушай…

– Полночи слушаю, и никакого толку, – брезгливо бросил Конан. – Сколько раз повторять: я родился в Киммерии, не в Нордхейме. Чего тебе, гадючий выползок?

– Развяжи меня.

– Может, еще «танец тюльпанов» исполнить? Или винца поднести? Лежи смирно!

– Я расскажу все, что знаю, – упрямо продолжал нашептывать Фехтие. – Если вытащишь меня и пообещаешь замолвить словечко. А знаю я много, это уж поверь.

Киммериец, не сдержавшись, сплюнул от отвращения.

– Говори сейчас!

– Может, я и шкура, но не дурак. Живым я принесу тебе больше пользы. Рекифес может не захотеть слушать тебя, но свидетеля выслушает обязательно.

Конан замер. Как ни жаль признавать, но Фехтие соображал на удивление быстро, куда быстрее человекоохранителя.

– Сегодня они немедийца не тронут, – продолжал тавернщик. – Я слышал, когда они за мной пришли, будто что-то у них не ладится. У тебя был приятель?

– Да, – обронил Конан. Слово «был» по отношению к Ши неприятно резануло слух, и варвар с невероятным облегчением воспринял следующую фразу:

– Похоже, он на редкость везучий парень. Ему удалось скрыться. Джелани зол, как голодный барс. Одного из хатаритов порезали, у Имгебела вся рожа разбита, словно дубиной. Впрочем, может быть, твой дружок не помчится на «Лиретану», а заляжет где-нибудь на дно или просто не успеет, путь неблизкий. Но если Чуму предупредили, Джелани не станет рисковать. Они отличные воины, но им не справиться с сотней немедийских мечников впят…

Он осекся, поняв, что сболтнул лишнего. Киммериец сделал вид, будто не заметил оговорки туранца.

– Развяжешь – подскажу, как выбраться, – сдавленным голосом закончил месьор Ордзой.

После недолгого колебания Конан подошел к тавернщику, присел и лезвием колуна принялся пилить ему ножные путы.

– А руки? – вопросил предатель, когда ноги оказались свободны.

– Обойдешься, – буркнул варвар. – Веди.

– Поклянись, что спасешь меня от плахи, – уперся туранец. Конан скроил зверскую

физиономию и замахнулся кулаком. В ответ Фехтие попросту уселся на пол, всем своим видом показывая, что не стронется ни на шаг.

– Сожри тебя демон! – прорычал киммериец. – Не могу я ничего обещать! Приговор выносит судья, а утверждает его Верховный Дознаватель!

– Просто молчи, когда я буду давать показания, и скажи, что я помог тебе освободиться из плена, – заюлил тавернщик. – Ты же понимаешь, решение судьи зависит от того, как рассказать… об определенных событиях. Иначе прибей меня прямо здесь, вот этим топором – слова не скажу. Мне что на эшафот, что хатаритам под нож – все едино.

– Откуда тебе знать, что я не нарушу обещания? – хмуро осведомился варвар. Ордзой издал кислый смешок.

– Сердце подсказывает. Может, потому, что я сам предавал не раз, так хочется кому-то поверить…

В одной из неподъемных бочек под слоем слежавшихся, сморщенных моченых яблок толщиною в пядь обнаружилась тяжелая крышка, снабженная толстым бронзовым кольцом.

– Иди первым, – буркнул Конан, подталкивая туранца в спину. Прежде чем нырнуть в узкий люк, тот оглянулся через плечо:

– Помни, ты обещал!..

– Да, я обещал молчать, когда ты будешь говорить, и просить для тебя снисхождения у Рекифеса, – раздраженно прервал киммериец, коему заискивающий Фехтие показался вдвойне противнее Фехтие надменного. Из провала несло сыростью и гнилью. – Лезь, отродье гиены. Поживее!

Фехтие неуклюже полез в люк, помогая себе связанными руками. Когда туловище владельца «Скрещенных ключей» уже наполовину скрылось в дыре, Конан вздрогнул, услышав – ох, как некстати! – лязг отодвигаемого засова.

Дверь в подвал распахнулась. Хлынул свет, показавшийся с непривычки ослепительнее солнечного, и в проем заглянула массивная, странно скособоченная фигура с масляной лампой в одной руке и поблескивающим клинком в другой.

Полагаясь на крепость засовов и замков, а также на прочные веревки на запястьях и лодыжках пленников, хатариты доверили охрану своему раненому товарищу, которому нож в пляшущих от страха пальцах Ши пропорол бок, не задев, впрочем, жизненно важных органов. Больше в таверне, закрытой еще с вечера, никого не осталось. Зачем? Даже будучи раненым, опытный воин легко справится с безоружным подростком и трусливым обывателем, вздумай те учинить побег. Однако Конан этого не знал, и первой его мыслью при виде вооруженной фигуры на пороге было: «Все, вернулись!».

От Фехтие остались лишь торчащие из дыры ноги в мягких чувяках. Свет фонаря выхватил из темноты эти ноги, бледное лицо киммерийца и ржавый топор, что летел, вращаясь, в голову не успевшего уклониться хатарита.

Подхватив зазвеневший по ступенькам тяжелый фалькион, Конан прыгнул следом за Фехтие в подземный ход.

Лампа, выроненная убитым часовым, покачалась на верхней ступеньке, упала вниз, в темноту, и разбилась о крышку бочонка с лампадным маслом.

* * *

Его милость Верховный Дознаватель Заморийского протектората Рекифес пожаловал в Сыскную Управу только к десятому послеполуночному колоколу. Слухов касательно событий в поместье «Лиретана» по городу пока не ползло, ибо никаких заслуживающих внимания явлений там, собственно, не произошло. Мало ли по каким причинам могла сорваться устроенная Советником Банатибом вечеринка?

Ранние прохожие и уличные торговцы в основном болтали о вспыхнувшем глубоко заполночь пожаре, стремительно и безжалостно пожравшем таверну «Скрещенные ключи», что стояла неподалеку от улицы Кисиндо. Попытки залить огонь ни к чему не привели. Городская стража оцепила дымящиеся развалины, а жители окрестных домов наперебой гадали, сумел ли кто-нибудь спастись. Владелец заведения, месьор Фехтие Ордзой, на пепелище доселе не объявился, и мнение общества склонилось к тому, чтобы счесть его вкупе с постояльцами погибшим.

На самом деле Фехтие находился там, куда стремился попасть – в «зверинце» Сыскной Когорты, под охраной пятерки слегка недоумевающих стражников, и уставшего, как собака, Конана.

Удивление охранников объяснялось весьма просто. Что еще прикажете делать, ежели посреди ночи вваливается блюститель из Когорты – пошатывающийся, избитый, грязный и воняющий навроде бочки золотаря – волоча за собой некоего столь же скверно выглядящего обывателя, и настойчиво требует немедля отправить свою добычу в самую надежно запирающуюся камеру?

После некоторых разногласий и полуколокола раздраженных воплей решение нашлось. Фехтие разместили в караульной, приставив к нему стражу, и оставили дожидаться возвращения Рекифеса. Пусть Его милость сам разберется, что здесь творится, и рассудит правых с виноватыми.

К своей крайней досаде, киммериец все-таки задремал, и проснулся от увесистого пинка, нанесенного кем-то, кого он спросонья едва не принял за Джелани-Грифона. Однако уже спустя миг Конан всерьез задумался, что хуже: разъяренный предводитель хатаритов или пребывающий в крайне скверном расположении духа месьор Дознаватель.

– Встать, мерзавец! – прошипел Рекифес, меряя ледяным взглядом слегка опешившего подчиненного. Из-за спины немедийца боязливо высунулся дежурный десятник и сочувственно развел руками – мол, ничем помочь не можем, терпи!

– Пять дней он шляется неведомо где! Затем присылает какого-то идиота с дурацким предупреждением! («Значит, Ши добрался до поместья, – облегченно вздохнул про себя варвар. – Надо же, хватило смелости…») Я был вынужден отменить переговоры, которые могли… С меня хватит! Ты и твой дружок-собутыльник – оба вы сегодня же отправитесь в Алронг! Чтобы глаза мои больше вас не видели! Ты понял? Понял, я тебя спрашиваю?!

– Я нашел свидетеля, – как можно спокойнее ответил варвар. – Настоящего. Это владелец таверны «Скрещенные ключи» и он знает все.

В доказательство Конан ткнул пальцем в глубины клетки, где неопрятной кучей то ли полусидел, то ли лежал у стены месьор Фехтие Ордзой. Рекифес невольно глянул в указанном направлении, и вместо того, чтобы проявить хоть малую долю радости, взбеленился еще сильнее:

– Свидетель? Какой свидетель, чего свидетель? У тебя уже достало тупости выставить в качестве свидетеля бессловесное животное! Кого ты приволок на этот раз? Немого или

слепого? Или сгреб на улице первого подвернувшегося человека?

Несмотря на свое уважение к Закону и его представителю в лице господина Рекифеса, Конан ощутил сильнейшее желание сотворить с Его милостью что-нибудь непотребное. Скажем, схватить немедийца и окунуть вниз головой в стоящую у входа в Управу дождевую бочку. Почему он словно оглох? Ему же ясным языком толкуют – дело почти раскрыто!

– Отоприте клетку! – раздраженно приказал Рекифес. – Почтеннейший, катись отсюда на все четыре стороны. Ты! – последнее относилось уже к киммерийцу. – Отдай значок и полезай внутрь, если не хочешь, чтобы тебя затаскивали силком. Быстро!

– Я не могу уйти, – растерянно проговорил Фехтие, когда дверь из частых железных прутьев, лязгнув, распахнулась. – Меня зарежут на первом же перекрестке! Мне обещали…

– А я ни в чем не виноват! – возмутился Конан, до глубины души уязвленный несправедливыми обвинениями. – Месьор Дознаватель, да послушайте же! В городе скрывается шайка хатаритов, и Орздой, эта паршивая шкура…

На миг Рекифес просто утратил дар речи. Его породистое лицо, и без того в красных пятнах, вызванных праведным гневом, приобрело изысканный оттенок геральдического пурпура.

– Хатариты. Вкупе с истребленными тысячелетие назад Последователями Баа и трижды пятьюдесятью жрицами Семхет Распутной. А такодже Кладбищенский Пес и Десять Белых Всадников, – ледяным голосом процедил он и сорвался на крик: – Либо ты повредился рассудком, либо нагло морочишь мне голову! Так или иначе, в Управе тебе теперь не место, разве что по ту сторону решетки! Митра свидетель, ты казался мне толковым парнем, но еще слово, и я прикажу запихать тебя в карцер, связав при том «рыбкой»!

Поняв, что Дознаватель заранее настроен против него, киммериец вдохнул побольше воздуху, собираясь затеять если не драку, то хороший скандал.

Он слегка опоздал. Тавернщик, коему высочайше повелели катиться на все четыре стороны, вышел из клетки, с явным трудом распрямился и направился к Рекифесу. Немедиец не обращал на него ни малейшего внимания, а напрасно. Остановившись напротив Дознавателя, Фехтие, по-прежнему державшийся так, будто мерный локоть проглотил, старательно размахнулся и влепил Его милости здоровенную оплеуху, прозвучавшую, как удар бича.

– Оскорбление действием власть предержащих, позорящее честь и достоинство оных, произведенное к тому же в присутствии черни, – в наступившей испуганной тишине проскрипел Ордзой. – Карается публичным бичеванием с наложением ареста на имущество злоумышленника либо же содержанием в заточении сроком не менее чем на год. Согласен на второе. Коли откажете, могу еще словесно оскорбить. В присутствии нижестоящих чинов, само собой.

Опомнившись, Верховный Дознаватель потянулся за ближайшим оружием – трофейным фалькионом, который киммериец оставил на лавке.

– Третьего дня второй осенней луны перехвачен груз желтого лотоса из Турана, семь тюков, общим весом к десяти стоунам, – тем же безразлично-насмешливым тоном продолжал Фехтие, и рука Рекифеса замерла на полпути. – В поместье «Лиретана» три кольца немедийской стражи, ночью дозоры с собаками, внутренняя охрана слабая, из числа челяди Банатиба. Хатаритов пятеро, один ранен, их имена – Джелани, Имгебел, Хафид, Умрах и Габдрахим. Чего вам еще рассказать, месьор, чтобы вы наконец открыли глаза? Или показать грамотку от Хатара уль'Савади? Нынче ночью вам бы ее как раз прописали, кабы не

я… и этот вот молодой человек.

– Ах ты!.. – задохнулся от возмущения Конан, но поспешно проглотил горячие словечки, готовые сорваться с языка, вспомнив данное кое-кому обещание. Придушить бы гада, мрачно подумал он.

– Нас ищут, – с достоинством сказал Фехтие. – Моя жизнь подвергается большой опасности. Может быть, продолжим нашу беседу в… более спокойной обстановке?

Месьор Верховный Дознаватель выглядел странно. Примерно так выглядел бы человек, с которым поздоровалось дерево.

– Так мне сдавать значок? – невинным тоном осведомился варвар, смекнув, что гроза миновала, оставив на память лишь затихающие раскаты грома в далеких горах.

Рекифес, надо отдать ему должное, пришел в себя быстро. Легендарные хатариты оказались вполне реальными? Что ж, месьор Рекифес повидал на своем веку довольно наемных убийц, большинство из них закончили на плахе, отчего бы и этим не отправиться туда же? Он, имперский Верховный Дознаватель, постарается посодействовать негодяям в сем благом начинании. Для начала – обеспечить безопасность единственному свидетелю (похоже, изрядная дрянь этот месьор Ордзой…) и удвоить охрану «Лиретаны». Что же до шемита-карманника… Ничего, поскучает малость в холодной, там для него сейчас безопаснее всего.

Когда Верховный Дознаватель начинал действовать, действовал он быстро.

– Оставь себе… до первой неприятности, – буркнул он киммерийцу. – Иди умойся и переоденься. Потом составишь мне подробный отчет. С тобой же, малопочтенный, я желаю побеседовать прямо сейчас, но не здесь, а там, где ты впрямь будешь на своем месте.

…Тяжелая дубовая, обшитая бронзовыми накладками дверь допросной на третьем подземном ярусе темницы Алронг захлопнулась за немедийским десятником, и трое мечников Особой Сотни встали за порогом с мечами наголо. Оставшийся в камере Рекифес подтащил табурет и уселся напротив вдруг заробевшего Фехтие.

– Теперь говори, – задушевно велел он, и предатель послушно начал:

– В шестнадцатый день второй осенней луны ко мне пришел гонец от человека, именующего себя Призрак…

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
Нефритовое сокровище

День Большого Приза выдался – лучше и желать нельзя. Словно его нарочно приберегали до конца осени, перед началом поры мелких, затяжных дождей, слякоти и сероватой обыденной деловитости. Пронзительно-синее небо, чуть подернутое облаками, золотистая капля солнца и разноцветная, переполненная до краев корзина Конного Ристалища.

Пять десятков расположенных по кругу рядов – болтающих, спорящих, делающих ставки, дружно освистывающих проигравших и выкрикивающих неразборчивые славословия победителям. Ревущие медные трубы, с трудом одолевающие людской гам, плещущие на ветру узкие флажки и знамена, но самое главное – лошади! Несравненные, лучшие из лучших, с великим бережением доставленные из городов Заморы, Коринфии, Турана, Немедии, Аквилонии и даже – невероятно, однако приходится верить – далекой Зингары! Вороные и гнедые, игреневые, серые, рыжие, соловые, молодые и постарше, с блестящей переливающейся шерстью, выпуклыми горящими глазами, фыркающие на соседей и нетерпеливо бьющие копытами щедро засыпанную мягким песком землю. Частый, будоражащий звон гонга, хлопанье распахивающихся дверей маленьких загончиков, несмолкающий гомон зрителей, треск срываемой алой ленты, выкрики судейских…

Розыгрыш Приза Заморы – всплеск безудержного азарта, хитросплетение интриг на трибунах и отчаянная борьба на дорожках. Щедрое вознаграждение выигравшим заезд и знаменитый Нефритовый Кубок – безусловному победителю, сумевшему одолеть всех соперников.

Говоря по правде, прославленный Кубок выглядел достаточно скромно. Широкая неглубокая чаша из бледно-зеленого камня, с накладными ручками в виде золотых конских голов, на низкой ножке и округлой подставке. Подставку украшало выгравированное наименование нынешнего года по туранскому летоисчислению, ибо по традиции Приз заказывался у туранских камнерезов, живших в Шадизаре. Чуть позже под датой выведут строчку с именем нынешнего владельца.

Еще один связанный с Кубком обычай хранил его от желающих прославиться. По молчаливому уговору никто из Ночной Гильдии не смел даже пытаться стянуть чашу – по крайней мере, до конца состязаний и ее торжественного вручения победителю. Потом, так и быть, крадите. Ежели удастся, само собой.

Единственное исключение из правил случилось лет двадцать назад и завершилось весьма плачевно. Умельца изловили собратья по ремеслу, ткнув ножом под ребра прямо у ворот Ристалища. Кубок с извинениями вернули в судейскую ложу. Более такая неприятность не повторялась – к чему портить праздник? Вдобавок Осенний Приз дает много иных возможностей разбогатеть. Скажем, делая ставки или шаря по карманам и кошелям зевак.

– …Пятый заезд, для лошадей двух и трех лет! – сипло надрывались медные трубы. – Забег с препятствиями и водными ямами, на выбывание! Победителю дается право на участие в финале, места второе и третье получают вознаграждение в четыре и пять тысяч империалов соответственно! Участники!.. Первая дорожка! Изумруд, наездник – Саллум, цвета белый и синий, владелец – его светлость Теньо дие Билькас, Аквилония! Вторая

дорожка! Альгалиб, наездник и владелец – Иборет ит'Каахна из Турана, цвета голубой и красный! Третья дорожка!..

Кони неспешным шагом проходят под большой трибуной для благородного сословия, направляясь к загончикам. Красуются. Отчего бы не покрасоваться в такой замечательный денек?

В начале бегов большинство зрителей охотно ставили на Огненного Феникса, но теперь призадумались. У рыжего саглави внезапно появились серьезные противники. Вороной зингарец Куэрто, словно целиком выточенный из куска черного оникса, и маленький, верткий Талгар – конек буланой масти, прибывший из Хаурана. Когда Талгар впервые появился на дорожках, его ошикали – за невзрачность и приземистость. После окончания забега свистуны растерялись: буланый малыш с легкостью взлетал над преградами, почти все время держась вровень с Фениксом и едва не вырвав у саглави победу. Знатоки единодушно утверждали – прочих скакунов теперь можно и в расчет не принимать, главное сражение развернется между этой троицей.

Посредники заполошно носились между рядами, торопливо принимая ставки и выдавая удачливым игрокам их выигрыши. Звенели, ослепительно ярко вспыхивали монеты, переходя из рук в руки, оглушительно громыхал установленный на верхнем ярусе барабан, и с трудом верилось, что еще седмицу назад кое-кто из беспечно веселящихся зрителей всерьез рисковал не дожить до нынешнего праздника на Конном Ристалище.

* * *

Маленькая компания, с удобствами расположившаяся в десятом ряду Полуденных трибун, на первый взгляд ничем не отличалась от сотен прочих посетителей. Эти любители бегов точно также притащили с собой вместительную корзину со снедью и кувшинами, точно также кричали, свистели и улюлюкали, препирались с соседями, делали ставки и порой даже немного выигрывали. Четверо самых обычных молодых людей, наверняка промышляющих мелкими кражами на улицах и метанием костей за игорными столами, и три хохочущих девицы.

Один из дружного сборища, хмурый черногривый юнец варварского облика, отчего-то явился без пары и держался особняком, напряженно следя за действом на Поле. Порой он украдкой косился вниз, высматривая среди азартной толпы кого-то определенного и, убедившись, что искомый человек никуда не делся, возвращался к пристальному созерцанию бегов.

– Да перестань, в конце-то концов! – не выдержал явный предводитель компании, красавчик, смахивающий на шемита, и перебрался на соседнее с варваром место. – Конан, чего ты ерзаешь, изображая терзающуюся душу? Ничего с ней не случится! Сам говорил, она отлично ладит с Фениксом.

– Это не женское занятие, – огрызнулся киммериец. – Барч должен был ей запретить!

– Барч желает получить Нефритовый Кубок, – устало и явно уже не в первый раз возразил Ши. – Если Диери настолько уверена в своей способности его добыть, то с какой стати ему возражать? Да, женщины-наездницы – редкость, но правила скачек вполне

допускают их участие в состязаниях. Ты же своими глазами видел – она здесь не одна такая. Есть Хиссуне Немедийка, есть эта чокнутая Валерия из Офира…

– Все равно, – упрямо повторил Конан. – Она не должна была этого делать. Могла хотя бы со мной посоветоваться!..

– Зачем? Она вполне взрослая и самостоятельная, в отличие от тебя, – хихикнул воришка, но смешок получился каким-то вымученным. Сам Ши Шелам тоже выглядел изрядно помятым и потрепанным, что неудивительно после десяти дней пребывания в подвалах Алронга. Выпустили его только вчера, когда Верховный Дознаватель наконец сменил гнев на милость, сочтя карманника достаточно наказанным за похищение знака Стража Когорты, кражу лошади высокородного месьора Готьпайего и срыв вечеринки в поместье «Лиретана». Киммериец отправился встречать обретшего свободу приятеля к Слезным Воротам тюрьмы и даже не сразу его признал.

– Никогда не видел таких огромных крыс, – с удивлением заметил Ши, оказавшись за пределами стен Алронга и доковыляв до «Ржавого копья», ближайшей таверны. – Нарочно их откармливают, что ли? Здоровенные и наглые, ровно тамошние надсмотрщики… Как вы тут без меня, не заскучали? Что поделывают наш общий друг Фехтие и его жуткие земляки?

Бывший владелец таверны «Скрещенные ключи» угодил в жернова Закона, безжалостно отсеивающие шелуху от зерен. Фехтие не солгал, утверждая, что способен многое рассказать, и, как подозревал Конан, предприимчивый тавернщик нашел способ заключить очередной договор и с Верховным Дознавателем. Открытого суда над Фехтие, во всяком случае, не состоялось. Рекифес надежно спрятал своего осведомителя от посторонних глаз.

Однако при всем желании месьор Ордзой не мог сказать главного – кто именно выложил золото за оплату услуг Джелани сотоварищи и каково настоящее имя Призрака. Он попросту этого не знал. Распоряжения и деньги пересылались ему через третьих лиц – иногда на словах, иногда письменно. Поскольку Грифон и его люди вроде бы доверяли владельцу таверны, Фехтие быстро смекнул, как можно обернуть дело на пользу себе. К письмам или указаниям он порой добавлял кое-что от себя, пока в один прекрасный день не обнаружил, что вот-вот намертво запутается в собственной лжи. Вдобавок в «Скрещенные ключи» явились посланцы Аддаха с Конного Поля, и месьор Ордзой окончательно потерял способность здраво мыслить.

Он натравил хатаритов на тех, кого счел виновными в своих бедах, после чего благополучно запил. Джелани, справедливо подозревавший тавернщика в измене, воспользовался подходящим случаем и напрямую обратился к Призраку за разъяснениями.

Послание с ответом задержалось в пути, угодив сначала к человекоохранителям. Это спасло Фехтие жизнь, ибо он наверняка не дотянул бы до вечера. Хатариты и их наниматели умели беречь свои тайны от посторонних и не прощали предательства.

Фехтие подозревал, что виновных надо искать среди «торговцев грезами», сиречь между теми, кто распоряжается доставкой и перевозкой лотосового порошка. Заправилы этой тайной гильдии давно точили зуб на мешавшего их промыслу Верховного Дознавателя. Кому-то пришла в голову светлая мысль обратиться к почитателям Эрлика Восьмирукого, а остальное, как всегда бывает, решили деньги.

На развалинах сгоревшей таверны нашелся труп, признанный месьором Фехтие за останки одного из членов шайки Джелани, Умраха. Трое оставшихся в живых вкупе с Грифоном исчезли. Затерялись среди кривых улочек и множества постоялых дворов Шадизара, не оставив по себе ни единого следа.

Киммериец не верил, что они вернулись туда, откуда взялись. Да и Рекифес, судя по всему, не терял надежды изловить злоумышленников и лично доставить в Бельверус, дабы там по заслугам оценили его усердие.

* * *

Имелись в случившемся и кое-какие светлые стороны. Шетаси уль-Айязу больше не требовалось прятаться. Заявившись в Управу, старший письмоводитель с некоторым изумлением выяснил, что сослуживцы полагают его едва ли не героем, и ему с молодым подопечным причитается шестьсот империалов наградных на двоих.

Шетаси немедля совершил попытку поделить золото на свой манер, отобрав у варвара полторы сотни в свою пользу и заявляя, будто Конан еще должен быть ему благодарен. Подопечный, в последнее время здорово изменившийся (по мнению уль-Айяза, отнюдь не в лучшую сторону), отрицательно покачал головой и грабить себя не позволил. Шетаси начал было возмущаться… потом внимательнее глянул на сидевшего напротив киммерийца… и смирился. Мальчишка, надо отдать ему должное, неплохо справился в одиночку. Если он и наломал дров, то исключительно от усердия пополам с неопытностью.

Потому месьор письмоводитель пусть без особой охоты (медленно срастившиеся ребра частенько давали о себе знать), но согласился придти на розыгрыш Осеннего Приза и занять место неподалеку от начинающего человекоохранителя и его дружков. Именно уль-Айяз теперь восседал двумя рядами ниже, слегка недоумевая и на всякий случай готовясь к худшему.

Зачем ему потребовался Шетаси, варвар объяснить затруднялся. Просто грызли нехорошие предчувствия. Ведь Фехтие настойчиво твердил, будто хатариты никогда не отступаются от начатого дела. Конечно, на Конном Поле сегодня стражников едва ли не столько же, сколько зрителей. Помимо обычной стражи, из числа уличных блюстителей, сюда пригнали людей Сыскной Когорты вкупе с расставленными около трибуны для почетных гостей гвардейцами немедийской Особой Сотни.

И все же, все же…

Рассказ месьора Ордзоя достиг цели. Правда, не совсем такой, как предполагал владелец таверны. Вместо того, чтобы насмерть запугать слушателя, он пробудил у варвара сильнейшее желание перехитрить неуловимого предводителя хатаритов. Конан представления не имел, каким образом это можно сделать, однако на месте Джелани он ни за что бы не упустил из виду Большой Приз с его скоплением зрителей и постоянной сумятицей – отличное время и место, дабы покончить с тем, по чью душу ты послан.

Посему киммериец намеревался смотреть в оба. Получалось скверно. В разных концах Поля все время что-то происходило, зрители спускались и поднимались по лестницам между рядами, кто-то уходил, кто-то приходил…

В довершение неприятностей Диери вдруг выкинула трюк почище, чем ее четвероногий любимчик Феникс. Наездника для саглави так и не нашли, и девица решила сама участвовать в скачках, причем ни единым словом не обмолвилась приятелю о готовящемся безумном замысле.

Услышав разносящееся над Полем имя подружки, Конан едва не впал в бешенство, и вскочил, дабы немедля пойти выяснить отношения с Барчем ит'Карангом, не замечающим ничего, кроме вожделенного нефритового котелка. Варвара с большим трудом усадили обратно, и теперь он злился на весь белый свет, а в особенности – на вероломную Деяниру. Женщины в своем коварстве способны превзойти даже хатаритов! Зачем, ну зачем ей понадобилось корчить из себя амазонку? Охота прославиться? Так она скорее шею себе сломает, чем добьется Приза! Деянира Эйтола – непревзойденная мастерица падать с лошади!

– …А вот кому пирожок – за медный сикль пят*о*к! Налетай, разбирай, только деньги давай! Вкуснейшая еда, с доставкой прямо сюда! Начинка из зайчатины… – бодрый вопль Рибеке оторвал киммерийца от мрачных раздумий и напомнил, что, как сказал бы приснопамятный Мульмар бар-Зейяр, таки пора уже и поесть.

– …дерьма и собачатины, – в унисон подхватил Ши, и Рибеке, победно размахивающий огромным кульком из дешевого промасленного пергамента, подвергся атаке оголодавших приятелей, попутно объясняя всем и каждому:

– Но как я заговорил разносчика, это истинная нордхеймская сага! Попросил сперва десяток, потом передумал и вернул пять, потом решил, что мало, и взял еще десяток и еще сдачу, а этот увалень так спешил, что высыпал мне чуть ли не весь лоток, и все за каких-то…

– Двузадая шлюха и четырнадцать девственников! – взревел Гайраль, широко известный в узких кругах мастер изящной словесности, едва надкусив один, – эти пирожки горячие, как у мертвого уд! Не иначе их берегли еще с позапрошлого Приза для такого олуха, как ты! А подать сюда жулика-разносчика! Пускай деньги вернет!

– Хорек, ты хотя бы попробовал сперва! – укоризненно воскликнула подружка Рибеке, рыжая Брида из «Мельницы». Ши, пришедший в чрезвычайно приподнятое настроение от выпитого после десятидневного перерыва кувшина шемского красного натощак, завопил:

– Где этот лоточник? Ну, попадись он мне!

– Тебе? – криво усмехнулся Хорек. Отведав купленной снеди и убедившись, что друзья его не разыгрывают, он, недолго думая, затолкал кулек вместе с содержимым под скамью. – Да он сожрет тебя с сапогами и не подавится. Вроде туранец, громадный, что твой буйвол, и рожа зверская. Ему не лоточником, а разбойником на большой дороге промышлять, или в таверне вышибалой. О, вон он пошел, сам смотри!

– Ну, тогда сходи, купи других, да пробуй прежде, – мрачно молвил Гайраль, запив неудачный пирожок добрым глотком прохладного вина, а Ши бросил взгляд в указанном направлении и вдруг начал стремительно трезветь.

Девицы о чем-то пошептались и прыснули хором.

Трубы взревели, объявляя новый заезд. Трибуны в ответ взорвались восторженными воплями. Ши вздрогнул, выходя из столбняка, и схватил Конана за плечо.

– Чего тебе? – отозвался киммериец.

– Посмотри туда, – пробормотал Ши, показывая пальцем куда-то в сторону центральной трибуны. Киммериец послушно посмотрел, однако не увидел ничего, кроме фигуры в белом фартуке разносчика, через мгновение исчезнувшей за высоким деревянным ограждением.

* * *

– Эй, Хорек! Повтори-ка, что ты сказал? Ну, про лоточника?

– Дался он вам, – буркнул Хорек. – Здоровяк, поперек себя шире. Ему бы в хорошей таверне…

Рибеке вдруг осекся, яростно махнув рукой, чтобы его не отвлекали вопросами, и возопил:

– «Скрещенные ключи»! Он торчал за стойкой! А кабак-то на позапрошлой седмице сгорел… Бел-Покровитель и Митра Лучезарный! Во что ты такое ввязался, объясни наконец!

– Ничего особенного. Просто наши друзья из заброшенной крепости Как-там-она-называется опять взялись за старое, – нарочито беспечным тоном отозвался Ши. – Прикинемся, будто ничего не видели и не слышали? Эй, страж порядка, я тебя спрашиваю!

После недавних событий в Сыскной Управе скрывать род нынешних занятий киммерийца и дальше не имело смысла. Конан заранее смирился с тем, сколько насмешек на него обрушится, и слегка удивился, когда былые приятели ограничились парой-тройкой коварных намеков. Впрочем, он быстро сообразил, что впрямую его задевать опасаются, не желая нарываться на драку. Зато какие слухи, должно быть, разгуливают за его спиной!.. Однако Ши прав – нужно принимать решение. Причем очень быстро.

– Кажется, его зовут Имгебел, – компания, не сговариваясь, сдвинулась в тесный кружок. – Тот самый здоровяк, что приволок меня на себе в таверну… И поблизости наверняка гуляют трое остальных… Надо упредить Рекифеса, – пробормотал киммериец.

Присутствующие сделали круглые глаза, за исключением Ши, каковой предпочел зажмуриться.

– Так, – решительно заявил Гайраль. – Я в такие игры не играю. Вот это порождение порока, что сидит тут зажмурясь, попросило нас с Хорьком, чтоб мы ему на пару деньков составили компанию за столом в некой таверне, не задавая притом лишних вопросов. Теперь мы узнаем, что оно, порождение, водит дружбу с сыскарями, что по всему достославному Шадизару некто валит людей направо и налево – некто, обитающий в старой крепости и имеющий на Немедийскую Чуму крепкий зуб… Слыхали мы жуткие сказочки про одну такую крепостцу. Не в горах ли Мутазби, что в Туране, на полуденном закате?

– Там, – хмуро кивнул Конан. Вокруг привычно шумело Конное Поле, сновали подавальщики с кувшинами разбавленного холодного вина на плечах, внизу всадники готовились к очередному заезду, и с трудом верилось, что среди обыденной веселой суеты скрываются четверо безжалостных убийц. Гайраль и Хорек, переглянувшись, дружно поднялись.

– Вы, ребята, еще глупее, чем кажетесь, – бросил на прощание Хорек. – Ши, если к завтрашнему утру будешь жив, напомни, чтобы я набил тебе морду.

– И да поможет вам Светлый Митра, – добавил Гайраль.

– Может, и нам уйти потихоньку? – тоскливо спросил Ши, когда Рибеке и Гайраль, прихватив с собой так ничего толком и не понявших девиц, удалились на приличное расстояние. – Послушай, что тебе Верховный Дознаватель? Ну, зарежут его, пришлют из Тарантии нового или местного назначат, хоть того же Банатиба… Нам-то что, а?

– А? – Конан непонимающе взглянул на приятеля и вдруг цепко схватил воришку за руку. – Пойдем-ка.

Перешагивая через скамьи и не обращая внимания на сердитые возгласы бесцеремонно расталкиваемых шадизарцев, пришедших посмотреть на захватывающее праздничное

действо, киммериец протащил слабо сопротивляющегося Ши на два ряда вниз, где скинул с места мосластого медника и уселся рядом с Шетаси уль-Айязом. Медник попытался громко возмутиться. Могучий кулак, возникший у него под носом, и решительный вид лохматого долговязого варвара, коему указанный кулак принадлежал, мгновенно охладили его пыл, и медник, что-то ворча про себя, поплелся подыскивать себе новое место.

– Шетаси, они, похоже, здесь, – не тратя времени на объяснения, заявил киммериец. – Одного мой приятель видел возле центральной трибуны, но тот злодей наверняка уже скрылся. Искать остальных в толпе – пустое дело. Мы и этого-то случайно заметили. Думаю, он пока не догадывается, что узнан. Что делать, Наставник?

– Сколько раз говорил – без титулов, – буркнул достопочтенный письмоводитель, потирая бок. – Что делать?..

Шетаси на мгновение задумался. Взгляд, которым он обвел волнующееся Ристалище, выхватил выступающий над прочими зрительскими рядами балкон «для благородных», вокруг коего золотые шлемы немедийской гвардии казались сплошной сверкающей полосой, темные провалы входов, где нет-нет да поблескивал на остриях алебард лучик солнца, частокол копий в оцеплении беговых дорожек и остановился на противоположной стороне Поля. Ничего примечательного на первый взгляд там не имелось. Меж двумя специально построенными из досок вышками трепыхалось на легком ветерке очередное громадное полотнище, с которого намалеванные черной краской буквы возвещали о победе в пятом заезде буланого хауранского Талгара.

– Если бы я был на их месте, – медленно заговорил уль-Айяз, – то нипочем не стал бы силой пробиваться на балкон, где сидит Рекифес. Может, и пробился бы, конечно, но обратно живым точно бы не ушел. Они хоть и хатариты, но не смертники же. Глянь-ка вон на тот балкончик, юноша, где полотнище. Ничего не замечаешь?..

– А что он должен замечать? – пискнул Ши, пока варвар несколько обескураженно обозревал упомянутый балкончик или, скорее, узкую галерейку, полукругом опоясавшую чашу Ристалища по верхнему краю.

– Талгар выиграл четверть колокола тому назад, а надпись до сих пор не сменили, – пояснил Шетаси, морщась от боли в ребрах. – Я-то гадаю, служители заснули, что ли? На всем Конном Поле это единственное место, где сейчас не найти ни одного гвардейца, потому как оно более всех прочих удалено от трибуны для благородных…

– Ну, и дальше-то что? – не выдержал карманник.

– Я понял, – внезапно сказал Конан. – Нордхеймские луки бьют на триста шагов тисовой стрелой. Если отравить наконечники…

– Еще лучше был бы осадный арбалет, – задумчиво произнес уль-Айяз. – Их применяют при осаде крепостей, ставя на треноги, чтобы сбивать лучников со стен. Стрела из такого арбалета летит на пятьсот шагов с изрядной точностью и прошивает, как говорят, латника насквозь. Правда, не представляю, как протащить такую махину на Ристалище?

– Ши, – воскликнул Конан, вскакивая на ноги, – бежим. Нет, стой. Шетаси, одолжи ему свою бляху.

– Какого… – по привычке возмутился уважаемый письмоводитель, но осекся, запустил пальцы в пояс и извлек оттуда потускневшего латунного дракончика, приговаривая:

– Стар я уже мир спасать, а вы молодые, да ранние…

– Беги предупреди Рекифеса, – рявкнул варвар, и символ Когорты перекочевал в дрожащие пальцы Ши по прозвищу Умелые Ручки прежде, чем последний успел привести

тысячу доводов против столь противного его сердцу задания. Киммериец, прыгая через две ступени, направился в сторону верхнего яруса.

* * *

– Стой, куда?! – могучая ручища немедийского десятника вкупе с зажатым в ней древком алебарды намертво перекрыла проход, за которым виднелись мягкие высокие кресла красного бархата на балконе «для благородных». – А ну пошел отсюда!

Подобное обращение, после всех приключений последних двух седмиц, лишь исторгло из груди Ши очередной горестный вздох. Еще он отметил, как отличаются гвардейцы Немедийской сотни от ленивых и рыхлых городских стражников. «Еду им, что ли, особую дают? Во вымахал, орясина… Да уж, злодей не пройдет…» Твердо посмотрев в глаза доблестному блюстителю порядка, он продемонстрировал на раскрытой ладони позаимствованного у Шетаси дракончика («проклятье, носить сыскную бляху входит у меня в дурную привычку…»), почти не дрогнувшим голосом произнес:

– К его Светлости Верховному Дознавателю Рекифесу из Сыскной Когорты со срочным донесением, – и сам удивился, как лихо получилось. Десятник хмуро глянул на значок, на Ши, не спеша убрал руку и обронил:

– Проходи.

При виде воришки несгибаемый Верховный Дознаватель слегка переменился в лице. Ши, в свою очередь, изрядно оробевший пред суровым ликом законной власти, замялся, обводя присутствующих взглядом. Помимо Рекифеса, занимавшего почетное место в первом ряду, под навесом из зеленого сукна, защищавшего благородных месьоров от палящих лучей солнца, в красных креслах сидела уйма народу, разодетого в дорогие ткани и по последней моде, и все, кто настороженно, кто с любопытством взирали на явившегося гонца.

Троих, сидевших, как и Верховный Дознаватель, в первом ряду, Ши не признал и решил, по богатству одежд, что перед ним высокие заезжие гости. Еще несколько носили знаки цеховых старейшин и явно представляли Торговую Гильдию, кое-кого ему доводилось видеть у здания Городского Совета. Воришка несколько приободрился, заметив рядом с толстым купцом из Цеха Ювелиров знакомое лицо. Барч ит'Каранг, сопровождаемый неизменным Мульмаром бар-Зейяром, восседал в своем кресле, как на походном троне, по привычке наматывая на тяжелый кулак грозную боевую камчу, и насмешливо поглядывал на лжесыскаря.

Также посреди ложи на невысоком постаменте красовалась небольшая нефритовая чаша с затейливыми ручками из сверкающего золота и тяжелый дубовый ларец, на каковой грузный ювелир время от времени бросал тревожные взгляды. Что находится в шкатулке, Ши догадался без труда. Нефритовый Кубок, сам по себе немногого стоивший, обыкновенно сопровождался приятным золотым довеском. В этом году, по слухам, «довесок» стоил десять тысяч полновесных туранских империалов.

Вид на Поле с балкона открывался великолепный.

– Мне придется разжаловать десятника, который тебя сюда пропустил, – нарушил затянувшееся молчание Рекифес. – Но раз уж ты здесь… Благородные месьоры, извольте

полюбопытствовать: этому юноше мы обязаны сорванными переговорами на «Лиретане», столь любезно предоставленной нам месьором Банатибом.

Дородный вельможа, с круглым лицом, расплывающимся в добродушной улыбке, и обширной блестящей лысиной молча поклонился.

– Юношу зовут Ши Шелам, – подал голос ит'Каранг. – Ну, говори быстрее, что у тебя. Сейчас финальный заезд.

– Десятник не виноват, ваша Светлость, – выдавил Ши. – Я показал значок Когорты и сказал, что у меня срочное донесение.

– Причем значок ты опять украл, – утвердительно сказал месьор Верховный Дознаватель, нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотнику кресла. – Может, все-таки отправить тебя на Соленые Озера, а? Молчи, я еще не все сказал. Твое счастье, что на сегодня я дал себе зарок и решительно ничто, даже такая головная боль, как ты, не в силах испортить мне настроение.

Несколько человек засмеялись – старый Мульмар тоненько и скрипуче, гости из Тарантии вежливо улыбнулись, а досточтимый Банатиб от души захохотал, колыхая объемистым животом.

– Ну что, маленький мерзавец, опять хатариты идут? – спросил Рекифес. Ши сглотнул.

– Ва… ваша Милость… – начал он, но все дальнейшее потонуло в оглушительном реве толпы, грохоте барабанов и завывании огромных труб. Благородные месьоры, как один, подскочили в своих креслах, вытягивая шеи, чтобы лучше видеть.

– Выезжают, смотрите, вон мой Феникс! – воскликнул ит'Каранг, от невозмутимости коего не осталось и следа – знаменитый конезаводчик с трудом сдерживался, чтобы не вскочить и свеситься с ограждения. Вельможи оживленно загудели, переговариваясь между собой и не обращая на Ши ни малейшего внимания.

«Что ж, – подумал воришка, склонный во всем искать только хорошее, – по крайней мере, потом буду хвастаться, что видел главную скачку Осеннего Приза из ложи для благородных. И пусть Гайраль с Рибеке лопнут от зависти».

Он украдкой протянул руку и, пока все внимание в ложе было отвлечено происходящим на поле, погладил гладкий бок нефритовой чашечки. «И чего я сюда пришел? Это все Конан виноват. Диву даюсь, как я только мог поверить в эту ерунду? Осадный арбалет, подумать только. Отчего сразу не катапульта? Никакие хатариты сюда подавно не сунутся, вон какие лбы у входа торчат…»

Гонг!

Шесть коней, чистокровных скакунов со всех концов Великой Хайбории сорвались со старта, понеслись плотной группой, вытягиваясь в ниточку над покрытием Конного Поля. Первый круг, первые препятствия. Ни один не отстал. Рев над Ристалищем стоял такой, что прозрачная чаша Приза начала тоненько вибрировать.

– Месьор Рекифес! – крикнул Ши, стараясь перекрыть шум толпы. Верховный Дознаватель, навалившийся грудью на ограждение балкона и подбадривающий наездников воплями, более уместными где-нибудь в Пиктских Пущах, услышал его отчаянный призыв лишь с третьего раза, да и то когда Ши, охрипнув, дернул Рекифеса за рукав.

– Ты еще здесь? – вскричал немедиец. – Говори и проваливай, демон тебя задери!

Стало немного потише – самые ярые крикуны осипли, и Ши смог передать свое сообщение без необходимости переходить на повышенные тона. Лошади пошли на второй круг, по-прежнему держась ноздря в ноздрю. Рекифес, как ни странно, за оружие хвататься

не стал и, услышав про хатаритов, развеселился.

– Друг Банатиб, – весело произнес он, обращаясь к дородному сановнику, – когда я еще зеленым юнцом служил в одном гарнизоне на границе с Зингарой, у нас один сотник страдал забавной формой помешательства. Как напьется, всякий раз видит черных и пушистых. Кого, не говорил, но страдал ужасно – бегают, кричал, вокруг, хвостиками щекочут… Мыши, спрашиваем? Нет, не мыши. Крысы? Да нет, орет, черные, пушистые, не крысы! А этот юноша видит хатаритов. С кривыми ножами за ним бегают. Ши, пошел вон, не мешай.

– И правда, любопытный случай, – отвечал Банатиб. Голос у вельможи оказался низкий, слегка одышливый, в соответствии с комплекцией. Услышав этот голос, Ши замер, как пиктский идол.

Этот голос, беседующий с предводителем банды наемных убийц, он слышал полторы седмицы назад на вилле «Лиретана».

– Призрак! – заорал воришка, указуя на Банатиба и не думая о последствиях. – Это он нанял Грифона и хатаритов! Я его видел тогда, на вилле, он разговаривал с Джелани!

– Что за бред! – воскликнул досточтимый месьор Банатиб, сразу перестав улыбаться и вскакивая со своего кресла. – Лжец! Ты не мог меня видеть, было темно!!!

– Что? – негромко и как-то растерянно спросил Рекифес, глядя на побледневшего советника.

Внизу, на беговой дорожке, наездник из Коринфии на своем вороном и аквилонский всадник на мощном, сером в яблоках жеребце безнадежно отстали, еще один пытался наверстать отставание, безжалостно нахлестывая красивого каурого коня. Только хауранский Талгар, зингарец и Огненный Феникс мчались слитно, вымахивая над препятствиями легко и красиво, наездники прильнули к конским шеям. В реве Ристалища удар стрелы, входящей в плоть, прозвучал совершенно беззвучно, только Рекифес ощутил на лице легкий мгновенный ветерок, а Ши почувствовал, как немаленький вес придавил ему ноги. Дородный месьор Банатиб, выпучив глаза, рухнул навзничь. Толстый оперенный дрот торчал у него из ребер.

– Это не я, – только и смог пробормотать Ши и полез под кресло.

* * *

Прежде чем изумленные и перепуганные гости повскакали с мест, парчовая завеса, преграждавшая вход в ложу, отлетела в сторону, и на балконе для благородных месьоров воцарился кошмар. Горный тролль по имени Имгебел, коего Джелани-Грифон приберегал в резерве на самый крайний случай, решил, что таковой случай настал.

Чудовище в развевающемся грязно-белом фартуке, орудуя двумя малыми секирами, просто снесло охрану у входа и ворвалось на балкон, накрытый от солнца навесом из толстого зеленого сукна. Двое немедийских мечников, несших вахту внутри, встретили его обнаженными клинками. Ложа наполнилась лязгом стали, а спустя несколько ударов сердца – криками умирающих. Следом за немедийскими воинами пали двое купцов, сидевших ближе всех к выходу, и гость из Тарантии, предпринявший отчаянную, но безрассудную попытку прорваться мимо сверкающей стальной мельницы.

Толстый ювелир попробовал выпрыгнуть через ограждение с высоты в три человеческих

роста. Внизу были ряды скамеек, каменных в этой части Ристалища, и копья немедийских латников, за шумом толпы не успевших понять, что происходит наверху.

– Стража! – кричал Верховный Дознаватель, сжимая в руке бесполезный парадный кинжал.

Ши вместе с его креслом, каким-то чудом не перевернувшимся, затолкали в угол и едва не раздавили. Он видел только быстро передвигающиеся ноги в сапогах различной степени роскошества и однажды, заметив в непосредственной близости огромные грязные сапожищи, набрался храбрости и ткнул противника ножом. Тем самым он спас жизнь старейшине кузнечного цеха. Злосчастный кузнец опрокинулся на спину, с громким воплем зажимая пропоротую икру, и отточенная хатаритская секира безвредно просвистела над упавшим.

Все произошло куда быстрее, чем мчащиеся по беговой дорожке кони преодолели очередной круг.

Верховный Дознаватель откинулся на ограждение балкона. Карманник оказался кругом прав, запоздало подумал он, когда над ним нависла кряжистая туша Имгебела и окровавленная секира начала свой смертоносный размах. Потом что-то случилось. В воздухе раздался резкий свист, и секира хатарита исчезла, на пядь не достигнув виска немедийца. Убийца взревел, в недоумении уставившись на правое запястье, рассеченное широким красным рубцом. Его недоумение длилось не более одного удара сердца, но за это ничтожно малое время еще раз взвизгнул воздух, и что-то темное, быстрое выхватило топор из его левой руки, отшвырнув оружие далеко в сторону.

Имгебел понял и рассердился на себя за досадную оплошность.

Позади, расставив ноги и усмехаясь мертвой усмешкой, стоял Барч ит'Каранг – камча в его руке развернулась до самого пола, и теперь стал виден стальной шипастый шарик, заплетенный в мягкую кисточку на кончике плети. Камча взметнулась снова, но на сей раз хатарит был наготове. Шипастый шарик рассек воздух, а лапищи Имгебела сомкнулись на горле конезаводчика. Тролль схватился с горным барсом.

По проходу, ведущему к ложе, один за другим бежали гвардейцы с копьями наперевес.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
Какое гнусное самоубийство!

– Похоже, наш Дознаватель и в самом деле обязан своей драгоценной жизнью только ит'Карангу и никому иному. Что случилось дальше?

– Сам понимаешь, из-под кресла немного разглядишь. Барч схватился с этим жутким туранцем. Ревели оба, как пара дерущихся тигров. Туранец, похоже, вырвал у ит'Каранга плеть и силы у них примерно уравнялись. Потом вбежали немедийские копейщики. Долго метались вокруг и не могли подступиться – боялись промахнуться и поразить не того. Я решил, что дело закончено и рискнул высунуться, а тут Барч упал. Туранец, как его… Имгебел? Так вот, Имгебел встал на дыбы и с ревом попер на Рекифеса. Гвардейцы выставили копья полукругом, пытались взять его живьем. Не Дознавателя, понятно, туранца. Тот свалил парочку и махнул с балкона. Обрушился прямо на толпившуюся внизу стражу и долго не продержался. Да демон с ним. До сих пор, как вспоминаю, жутко становится. Если все они такие, эти хатариты… Ты-то как вывернулся?

Конан едва заметно пожал плечами.

…Главное – успеть вовремя, думал киммериец, отпихивая с дороги некстати подвернувшегося толстяка, похожего на купца средней руки, и не обращая внимания на его возмущенный вопль. Конечно, Шетаси может ошибаться, и на том грешном балкончике меня встретят только недоуменные взгляды служителей. А коли Наставник прав?.. Тогда я столкнусь с тремя донельзя рассерженными убийцами, внезапно пришло ему в голову, а у меня из оружия – кинжал за голенищем. Бежать за немедийцами? Вон у кромки Поля видны золоченые шлемы и парадные кольчуги. Далеко. Объявили последний заезд, кони уже на дорожках, значит, времени совсем мало… «Кром Тяжкорукий!.. Как же быть?!»

– …Как думаешь, досточтимый Шактим, какого рогатого демона делает тележка зеленщика на Ристалище?

– Я так полагаю, почтенный Гади, что кони, в состязаниях участвующие, нуждаются в особом кормлении. Вот зеленщики им оную пищу и доставляют. Иначе как объяснить…

– А я думаю, это неспроста!

– Помолчи, отрок, коли не дошел еще умом!..

Трое стражников лениво переругивались, обступив брошенную у ограды Ристалища замызганную тележку с высокими бортами, под колесами которой жухла горка разнообразной зелени. Обычных городских стражников, не гвардейцев Особой сотни – неторопливые движения, громоздкие алебарды и сонные взгляды. Двое седых ветеранов и один совсем еще зеленый юнец, моложе самого Конана. На лицах недовольство: надо же, проторчать дозором под оградой Конного Поля весь праздник, и все потому, что, видите ли, кому-то пришла блажь усилить охрану высоких гостей!

Сам Кром мне вас послал, обрадованно подумал Конан, на бегу доставая из пояса казенную бляху.

– Ты! – он ткнул пальцем в самого молодого, вскочившего с готовностью и заслужившего тем самым осуждающие взгляды старших стражников, – бегом вниз, к дорожкам! Возьмешь троих, нет, лучше пятерых немедийцев. Ничего им не объясняй, просто скажи, что наверху большая драка, и быстро веди их вон к той лестнице, понял?

Юнец поспешно кивнул и ретировался, забыв прихватить алебарду.

– Вы двое – за мной!

На ветеранов латунный дракончик, уже успевший потускнеть, большого впечатления не произвел. Тот, что был пониже и потолще, сладко зевнул и насмешливо поглядел на варвара.

– Ишь, какой шустрый, – пробурчал он, обращаясь к своему товарищу, – ходят тут всякие…

На долгие объяснения у Конана не оставалось ни времени, ни желания. Не прошло и десяти ударов сердца, как оба стража, посерьезнев и подобрав животы, рысили следом за ним к лесенке, ведущей на балкон, а на упитанной физиономии того, что пониже, расплывалось красное пятно, в недалеком будущем сулящее обернуться полноценным синяком. Грохоча сапогами, троица ворвалась наверх. «Вот смеху-то будет, если Шетаси ошибся», – еще успел подумать киммериец, а потом думать о чем-либо ему стало некогда, потому что почтенный письмоводитель оказался совершенно прав.

* * *

Длинная деревянная галерейка, тянувшаяся вдоль ограды Ристалища по самому верху зрительских рядов против трибуны для благородных зрителей, оказалась узкой и забитой всяческим хламом. Служители, вывешивающие полотнища с именами победителей, малевали их здесь же, расстилая на деревянном помосте. Здесь же держали бадьи с краской, кисти и прочий инструмент. Самих служителей Конан сперва не приметил, только на бегу удивился, что за странные серые вроде бы мешки с мукой раскиданы по помосту там и сям. Как потом выяснилось, служителей было шестеро. Все они умерли быстро и почти бескровно.

Посреди балкончика возвышалось странное сооружение – арбалет с размахом пластин почти в рост человека, водруженный на массивную треногу. Один хатарит сгорбился у треноги. Второй обернулся на шум, выкрикнул что-то невнятное, и в руках у него появились две короткие изогнутые сабли.

Конан схватил первое, что попалось под руку, и со всего размаха швырнул в стрелка. Гигантская тетива басовито хлопнула, стрела ушла куда-то в небо. Хатарит отчаянно завопил и схватился за меч.

– Так и вышло, что награда нашла героя, – согласно кивнул Ши, имея в виду роковую стрелу и злосчастного месьора Банатиба. – И остался ты с двумя лентяями против двух отличных бойцов. Ты потом не пробовал головой вертеть – вдруг она у тебя отрублена, а ты и не заметил?

– Стражники, между прочим, сражались как звери, – хмыкнул Конан. – Тот, что с двумя мечами, так на них накинулся, что ничего другого им не оставалось. Да и мне тоже, хотя мне пришлось еще тяжелее – у них хотя бы алебарды были. Когда сражаешься за свою жизнь… В общем, немедийцы подоспели вовремя, иначе бы мы с тобой сейчас не беседовали.

– А как же тот, второй? – с искренним любопытством уточнил воришка. – И этот… Джелани?

– Джелани, вот досада, поблизости не оказалось, – разочарованно буркнул в ответ

варвар. – Должно быть, увидел, как плохи его дела, и благоразумно смылся. Что до второго… Видишь ли, я швырнул в него первым, что попалось под руку. Ведром с черной краской, как сразу выяснилось. Он сделался черным хатаритом. В том смысле, что ничего не видел, махал бестолково мечом, пока не сверзился с лестницы. И, знаешь…

– Пр-рекратить болтовню, – негромко одернул начальственный голос. Молодые люди послушно примолкли, но, едва блюститель отвернулся, Конан прошипел:

– Знаешь, будь ты хоть какой непобедимый хатарит, а вряд ли выдержишь, если тебя от души огреют поперек брюха штукой сукна. Они там лежали штабелем, как поленья, вот я и схватил одно. Мы потом вместо веревок замотали обоих злоумышленников в эти полотнища и в таком виде тащили до Управы.

Ши согнулся и вжал голову в плечи, изображая внезапный приступ кашля, за что удостоился свирепого взгляда месьора Рекифеса, как раз подбиравшегося к концу своей торжественной речи. Речь Дознавателя посвящалась виновникам вчерашних бурных событий на трибунах Конного Поля и – редчайший случай! – звучала почти хвалебно.

Должно быть, немедийцу пришлось сделать над собой нешуточное усилие, дабы признать – выдумки начинающего человекоохранителя и его приятеля-карманника целиком и полностью соответствовали истине. Рекифес даже согласился с тем, чтобы Ши Шелама допустили на церемонию чествования и награждения. При одном непременном условии: воришка будет сидеть тихо, рта по возможности не раскрывать и поменьше напоминать о своем присутствии.

Ши не стал спорить. В глубине души он полагал, что подлинными героями надо считать не Шетаси уль-Айяза и Конана, а его, Ши Шелама по прозвищу Ловкач. Кто прорвался в ложу для благородного сословия и предупредил господина Верховного Дознавателя? Кто, рискуя жизнью, принимал участие в великом побоище с рассвирепевшим душегубом (здесь Ши слегка преувеличил свои заслуги) и сохранил драгоценный Приз? Кто, наконец, мгновенно сообразил воспользоваться представившейся возможностью и слегка упрочил свое благосостояние?

О последнем «подвиге» Ши месьору Дознавателю, впрочем, знать было вовсе не обязательно.

Заслуга по спасению чаши действительно принадлежала воришке. Отсиживаясь под креслом, он в какой-то миг царящей вокруг суматохи вдруг заметил, как прямо к нему в руки катится нечто маленькое, зеленовато-поблескивающее. Ши выхватил загадочную вещь из-под грозивших обратить ее в россыпь осколков сапог носившихся по ложе перепуганных гостей и преследующих хатарита стражников, и с удивлением обнаружил, что к нему угодил Нефритовый Кубок, свалившийся со своей подставки. Поразмыслив, воришка затолкал хрупкую вещицу за пазуху – целее будет.

Спустя еще мгновение судьба решила с лихвой вознаградить Ши Шелама за десять дней прозябания в Алронге.

Своим орудием она выбрала безобидного с виду Мульмара бар-Зейяра. Должно быть, при виде упавшего господина старый шемит чуток помешался от горя, вообразив себя мстителем за честь дома ит'Каранг. Иначе чем объяснить изданный Мульмаром пронзительный скорбный вопль, вслед за которым почтенный старец вцепился в увесистую шкатулку с империалами и с размаху обрушил ее на бритую голову Имгебела, никак не ожидавшего столь коварного выпада?

Череп хатарита столкновение выдержал (хотя неизвестно, не повлиял ли внезапный удар

на решение туранца совершить роковой прыжок с балкона прямо на копья толпившейся внизу стражи?), но ларец треснул и распахнулся. Масляно сверкающие монеты летним дождиком посыпались вниз. Частью они провалились в трещины между камнями пола, доставшись охранникам, частью запрыгали вокруг Ши, немедля уподобившемуся лисице, напавшей на мышиное гнездо и торопливо пожирающей его обитателей. Он набил золотыми кругляшками подвернувшийся под руку кошель, оброненный кем-то из гостей, щедро натолкал их в карманы и уже подумывал о том, чтобы начать складывать монетки в сапог.

Счастье, что никто не заметил неблаговидных действий воришки – Конное Поле содрогнулось от оглушительно-неразборчивого рева, на добрую дюжину ударов сердца поглотившего любые иные звуки. Благополучно выбравшись из-под надежно послужившего кресла, Ши мимолетно пожалел, что не увидел финала скачки, сунул Кубок в руки ближайшего немедийского стражника и покинул разгромленную ложу, сочтя свое поручение отлично выполненным.

По ступенькам он спускался с величайшей осторожностью, дабы не уподобиться ходячей лавке скобяных изделий и не привлечь ненужного внимания подозрительным мелодичным звяканьем. Стражи из Немедийской Сотни, правда, косились ему вслед с подозрением – какую только шваль не набирают в пресловутую Сыскную Когорту! – ибо воришка напрочь позабыл отцепить бляху с дракончиком.

Ши позарез требовалось исчезнуть с Конного Поля, пока не улеглась суматоха на балконе для высокого сословия и никто не хватился трети исчезнувших призовых денег. Благополучно достигнув ближайшего выхода с Ристалища, он остановился и вгляделся в поднимающуюся высоко над трибунами надстройку. Там шла какая-то лихорадочная возня, завершившаяся тем, что на деревянном щите появилось косо натянутое полотнище с размашисто намалеванными яркой алой краской буквами.

Карманник удивленно склонил голову набок – полотнище, долженствующее извещать всех разумеющих грамоте об имени победителя Осенних Бегов, отчего-то болталось вверх ногами.

– Да переверните же его! – недовольно пробормотал Ши, обращаясь к наверняка орудовавшему на балкончике приятелю. Мысленный призыв был услышан: полотнище съехало вниз и под восторженные вопли, изрядно приправленные добродушным хохотом зрителей, приняло надлежащее положение.

«Первое место – Огненный Феникс, – прочитал карманник и довольно ухмыльнулся. – Вот тебе и скромная девочка Диери! Второе – Талгар, третье – Куэрто. Что ж, спасибо за прекрасно проведенный денек. Теперь мне пора».

И Ши Шелам тихонько выскользнул за ворота шумно ликующего Конного Ристалища, удалившись в известном только ему направлении и унося честно добытый трофей.

На следующее утро Конан разыскал закадычного дружка в «Улыбке удачи», дабы передать просьбу (вернее, слегка прикрытый налетом вежливости приказ) Рекифеса явиться в Сыскную Управу. Вопреки ожиданиям варвара, Ши, выглядевший чрезвычайно самодовольным, и не подумал возразить. По дороге он тщетно пытался расспросить киммерийца о подробностях событий на Конном Поле. Тот упрямо отмалчивался, смахивая на человека, напряженно обдумывающего некое трудное решение.

– А что покойный Банатиб? – рискнул задать наиболее беспокоящий его вопрос Ши. – О нем не болтают ничего… эдакого?

– Похоронят его через пару дней за счет городской казны, вот и все, – откликнулся Конан

и слегка оживился: – Рекифес сказал, ты давеча вопил на все трибуны, будто Банатиб и есть наш неуловимый Призрак. Это правда?

– Мне так показалось, – осторожно протянул Ши. – Его голос сильно смахивал на голос того типа, что любезно беседовал с подозрительным незнакомцем в ночь провалившегося нападения на «Лиретану». Может, с этим твоим Джелани-Грифоном. Я ведь его единственный раз видел, и то в сумерках. В остальном же все сходится. Только зачем Банатибу понадобилось копать под Дознавателя?

– Не надейся, нам этого не расскажут, – с неожиданной злостью бросил варвар. – И помяни мое слово, Рекифес из шкуры вон вылезет, стараясь замять эту историю. Как будто ничего не было. Схлопотал достопочтенный Банатиб случайную стрелу, ну и мир его бренным останкам.

Карманник молча кивнул, соглашаясь с доводами приятеля. Конечно, кому охота выносить сор за порог? Благодарствуем, что самим удалось счастливо отделаться. Вроде как даже наградить сулятся. Есть, значит, какая-никакая справедливость в этом насквозь прогнившем мире, что бы там не твердили злопыхатели!

* * *

Церемонию вручения наград проводили в кабинете достопочтенного Рекфиеса, пригласив на нее узкий круг лиц, так или иначе замешанных в истории, зародившейся в миг внезапного падения Огненного Феникса и замкнувшейся там же, где все началось – на желтых дорожках Конного Ристалища. Из почетных гостей присутствовали месьор Аддах Рабиль, к коему постепенно возвращалось утраченное по вине головорезов Фехтие самообладание, а также Барч ит'Каранг, выглядевший так, будто смертный бой с хатаритами является для него ежедневным и давно приевшимся развлечением, вкупе с неотлучным Мульмаром, довольно поглаживавшим седую бороденку, и Деянирой, явно задавшейся целью перещеголять своим нарядом любых благородных и не очень благородных дам Заморы.

Впрочем, Диери Эйтола могла творить, что ей заблагорассудится – не всякий день обычная шадизарская девица умудряется заполучить Осенний Приз, вырвав его у соперников в прямом смысле едва ли не с кровью. По завершении скачки победительница просто выпала из седла – ее едва успели подхватить служители Поля. Конан едва успел прибежать к волнующему моменту вручения Нефритового Кубка, но пробиться к подружке не сумел: его вежливо, но непреклонно оттеснила челядь ит'Каранга. Деяниру, мертвой хваткой вцепившуюся в золотые ручки выигранной чаши, торопливо усадили в паланкин и унесли с Поля.

Что ж, не сегодня-завтра Диери покинет дом ит'Каранга. Она свою обязанность выполнила. Даже больше того – девушка сумела заполучить для туранца Приз, хотя ее нанимали на работу вовсе не за этим. Нечего ей обихаживать злобного рыжего саглави, будь он хоть трижды самый распрекрасный скакун на Материке. Теперь у киммерийца хватит денег на любую – ну, почти любую… – прихоть подружки. Для начала они нынешним же вечером переберутся из опостылевшей «Хромой лошади» в более пристойное место. Скажем, в «Рубиновую лозу». Диери там наверняка понравится.

Делая вид, что внимательно слушает разглагольствования бар-Зейяра, как всегда, державшего речь вместо своего господина, Конан попытался сосчитать, сколько же денег внезапно оказалось у него в руках. От Аддаха Рабиля, от Барча, от Сыскной Управы… Тысячи три империалов получается, что ли? Неплохо, на первое время хватит. Дальше посмотрим, как быть и как жить. Еще стоит потрясти за шиворот дружка Ши – пусть делится! Нечего жмотничать, по закону «довесок» к Призу принадлежит Диери. Стянул под шумок едва ли не четверть прилагающихся к Нефритовому Кубку империалов, и радуется, думает, никто об этом не прознал. Надо будет намекнуть, мол, Рекифес вчера опять грозился упечь некоего карманника на Соленые Озера…

Чрезмерно затянувшаяся (по мнению киммерийца) церемония наконец-то закончилась. По комнате пролетел тихий, но дружный вздох облегчения, заскрипели отодвигаемые стулья и кресла, старый Мульмар, цепко ухватив за рукав Аддаха Рабиля, принялся что-то рьяно втолковывать владельцу Ристалища…

– Почтенный уль-Айяз, Конан, вы мне понадобитесь, – заглушил прочие разговоры резкий голос Верховного Дознавателя.

– Я тебя во дворе подожду, – быстро проговорила Диери, выскальзывая вслед за Барчем за дверь. – Мне… Нам очень нужно поговорить.

«Интересно, о чем?» – удивился варвар, с некоторой неохотой возвращаясь обратно к столу главы Сыскной Управы. Шетаси, похоже, даже утруждать себя вставанием не стал – восседал на прежнем месте и отдувался, будто пробежал лигу по скверной дороге. У уважаемого Наставника, похоже, тоже имелось что сказать высокому начальству.

– Вознаграждения, подарки и благодарности хороши, когда не забываешь блюсти меру, – многозначительно изрек Рекифес, перебирая лежавшие на столе бумаги. Подчиненные согласно кивнули, причем уль-Айяз выбил пальцами бодрый мотивчик на крышке шкатулки, наполненной золотыми ауреями, а варвар украдкой погладил рукоять врученного недавно меча. Неплохой ковки, надо признать, но из-за обилия разноцветных камешков на рукояти больше смахивающего на красивую игрушку. – Вы оба неплохо себя показали, но сие не означает, что отныне вам дозволяется праздно шататься по Управе. Имеется дело – как нарочно подброшенное. Итак, – Дознаватель хлопнул ладонью по столешнице, привлекая внимание. – Надеюсь, вам не требуется объяснять, где находится курильня Старого Ишмика и что представляет из себя сей притон?

– «Храм Трех Устремлений», неподалеку от Пряного рынка, – присовокупил Шетаси. – Посетители нюхают лотосовую пыль, жуют какие-то кхитайские корешки и щедро платят хозяину за сии сомнительные удовольствия.

– Сегодня ночной дозор обнаружил неподалеку от курильни труп зингарского торговца оружием, – Рекифес заглянул в свои бумаги, уточняя, – некоего Альмандена из Бургота, украшенный пятью ножевыми ранами в спину…

– Какое гнусное самоубийство, – вполголоса буркнул уль-Айяз. Немедиец осекся, настороженно переспросив:

– Что-что?

– Гнусное самоубийство, говорю, – достопочтенный письмоводитель глубоко вздохнул, собираясь с духом. – В общем, Ваша милость, думайте, что хотите, считайте меня старым прохудившимся бурдюком и одряхлевшим ослом, но с меня довольно. Устал я. Не мальчик уже – бегать, ловить, хватать, не пущать. С наградных домик куплю где-нибудь в предместье. Буду на солнышке сидеть и вспоминать былые веселые деньки. А с покойником пусть Конан

разбирается. Он молодой, сообразительный, у него еще все впереди. Вот.

С этими словами Шетаси брякнул посреди стола латунного дракончика, поднялся и грузно протопал к дверям. Конан и Рекифес смотрели ему вслед: Дознаватель – чуть растерянно, варвар – с уважением.

– Э-э… – не сразу нашел нужные слова немедиец. – По-моему, месьор уль-Айяз принял несколько поспешное решение…

– Вполне обдуманное, – заверил Дознавателя Конан и, более не колеблясь, присоединил к тускло поблескивающей бляхе свою, недавно вычищенную до ослепительного блеска. – Я тоже ухожу.

– А как же дедовские заветы? – поинтересовался Рекифес, взирая на два оставленных символа Сыскной Когорты. – Ведь ты же вроде из-за них служить пошел?

– Мой дедушка Аудагос был воином, и мой отец тоже, – серьезно сказал киммериец. – Шетаси – тоже воин, но… по-другому. Я так не могу. Я попробовал стать человекоохранителем и теперь знаю, что эта работа не по мне. Мне почему-то кажется, что у меня иное будущее.

– Вот как, – невесело усмехнулся Верховный Дознаватель. – Тогда уж объясни напоследок, почему ты со своим приятелем-карманником из кожи вон лезли, меня спасая? Неужто за награду старались?

– Да я о награде даже не думал, – пожал плечами Конан. – Сначала хотел за Тархалла отомстить – зло меня взяло, из-за какой-то твари… Потом свою жизнь спасал. А потом… Потом не мог я уже отступить! Враг бросил мне вызов, и я его принял, как принято у нас на Полуночи. Вот. А Ши…

Конан подумал и глубокомысленно заключил:

– А Ши – это Ши.

– Очень понятно, ничего не скажешь, – пробормотал немедиец. – Ладно, дело твое. Хотя мог бы… А, пустое. Куда же ты теперь? Снова в бродяги? К купцам в охранители? Или, может, опять на кривую дорожку с прежними дружками, а?

– Еще не знаю, – честно сказал киммериец. – Деньги на первое время, спасибо вашей Светлости, есть, подумаю, присмотрюсь, а дальше будет видно.

– Попасться не вздумай, – с натянутым смешком предупредил Рекифес. – Сразу на плаху отправлю. Глупость ты творишь, вот что. Впрочем, твоя жизнь – тебе ее и устраивать. Передумаешь – приходи. А сейчас сгинь с глаз моих, да побыстрее. Умеешь же ты портить людям хорошее настроение, демоны тебя побери…

* * *

Воздух на подворье Когорты показался Конану необычайно свежим и отдающим каким-то вкусным запахом. Мерещится на радостях, решил он, и огляделся в поисках Диери.

Красивой девицы с медно-каштановыми волосами, в лиловой тунике с вышивкой серебром во дворе не обнаружилось. Вместо нее взгляд киммерийца наткнулся на Шетаси уль-Айяза и Ши. Былые недруги сидели на одной скамье, Ши взахлеб рассказывал что-то забавное, помогая себе яростными взмахами рук, уль-Айяз хмыкал и жмурился, словно

старый кот, досыта налакавшийся из кувшина украденных сливок.

– Только не говори, что тоже сдал бляху, – приветствовал он варвара. – Я все думал, когда ты решишься? Не по тебе наше сыскное ремесло. Ты сам по себе бродить любишь, а строем ходить и носок по команде тянуть пока не выучился…

– Где Диери? – нетерпеливо осведомился Конан. – Она что-то хотела мне сказать. Вы ее не видели?

Уль-Айяз и Ши нехорошо переглянулись.

– Я ему говорить не буду, – быстро проговорил воришка. – Я жить хочу.

– Ушла твоя подружка, – Шетаси с трудом поднялся на ноги и загородил Конану дорогу к воротам.

– Куда ушла? – не сразу понял варвар.

– Вообще ушла. К Барчу ит'Карангу. Просила передать, чтобы ты слишком не огорчался. Ну и правильно, я так думаю. Что одна девица, что другая – какая, в сущности, разница? Рыбы в море гораздо больше, чем оно кажется на первый взгляд… Ты ее тоже пойми, – рассуждая, уль-Айяз незаметно оттеснял опешившего киммерийца в сторону калитки, ведущей прочь от улицы Ратай и от Сыскной Управы. – Может, у тебя с ней и любовь была, но ей-то впроголодь жить не хочется. Поездит по миру, поглядит вокруг, выдоит с Барча, сколько сумеет, и через годик-другой вернется в Шадизар.

– Почему «вернется»? – туповато переспросил Конан.

– Барч на днях уезжает в Немедию, – объяснил мудро державшийся в отдалении Ши. – И ее с собой берет. Конан, наплюй, в самом деле! Послушай лучше, чего скажу! Нынче гуляем – я подсуетился, оплатил целую ночь в «Страстоцвете», для всей нашей компании… и почтенного уль-Айяза, буде он пожелает присоединиться.

– Значит, старый Мульмар говорил правду, – произнес варвар, обращаясь к самому себе, и вдруг сорвался с места, стрелой вылетев из ворот на улицу.

– Шадизар ждет мор, глад и разорение, – бодро предрек Ши. – Спорю на десять империалов, он помчался убивать ит'Каранга. Надо бы сходить глянуть. Увлекательное будет зрелище, не хуже бегов на Конном Поле.

Шетаси уль-Айяз только покачал головой и горестно вздохнул. Жизнь не собиралась меняться к лучшему оттого, что некий старший письмоводитель покинул ряды Сыскной Когорты. Может, он в самом деле поторопился? Ведь сейчас всенепременно придется улаживать громкий скандал у ворот имения семьи ит'Каранг, а как прикажете это делать, не обладая достаточной властью в виде бляхи с латунным дракончиком?

* * *

Очередной потертый медяк упал в чашку, громко звякнув о блестящее дно.

– Да хранит тебя Пресветлый Митра, добрый горожанин, – прогнусавил, откликаясь на знакомый звук, слепой нищий, сгорбившийся над чашкой. Прохожий пошагал себе по своим делам, не утруждаясь ответом. Звук шагов постепенно затих в отдалении.

Из-под ветхой и грязной накидки выскользнули ловкие сильные пальцы, сцапали монетку. Задумчиво повертели. Брезгливо отбросили далеко в дорожную пыль. Из тени

капюшона, скрывавшего лицо калеки, полоснул острый внимательный взгляд. Царапнул высокие кованые ворота с проделанной в них калиткой, куда четверть колокола тому зашел ит'Каранг со своей новой подружкой и где только что скрылся долговязый варвар из Полуночных земель.

Человек ждал.

– …Ну что, поговорил ты с Диери? – услышал Конан знакомый, спокойно-насмешливый голос, едва привратник закрыл калитку за его спиной. Барч ит'Каранг, собственной персоной. Один, без верного Мульмара бар-Зейяра и гирканской камчи. Впрочем, даже будь ненавистный конезаводчик в стальной кольчуге, с боевым клинком в руке и во главе десятка немедийских копейщиков, все это не остановило бы киммерийца так, как этот уверенный, спокойный голос и пристальный взгляд блестящих черных глаз туранца. – Брось, не скрипи зубами. Ну хочешь, выйдем на кулачках, хотя, боюсь, не поможет.

– Вышли бы, – процедил Конан, – да тебе, говорят, Имгебел ребра поломал. Бой будет неравный.

– Это точно, – усмехнулся туранец, снимая со столба у ворот конскую подкову и без видимого усилия складывая ее пополам. – Раз драться не будем, так послушай меня, парень. И постарайся понять. Диери очень хорошо относится к тебе. Однако девицы, как это ни странно, часто взрослеют раньше нас, мужчин. У нас в Туране одиннадцатилетняя девочка – невеста, твердо знающая, чего она хочет от жизни, а также имя своего будущего супруга и дом, где ей предстоит жить. В тринадцать она уже мать. А Диери восемнадцать. Ей надо устраивать свое будущее, и она, конечно, сделала правильный выбор… Эрлик Воитель, да не лишился ли я рассудка, коли толкую тебе все это! Ведь ты и сам все прекрасно понимаешь – умом, только сердцем не можешь смириться…

Туранец не спеша подошел к Конану, стоявшему словно бы в каком-то оцепенении, и по-дружески положил на плечо варвара тяжелую ладонь.

– У нас говорят: уходя в пески, не оглядывайся на Золотые Ворота – не будет пути. Не борода делает нас взрослыми, и не меч, и не богатые одежды, но утраты, закаляющие наш дух и разум. Когда я впервые познал женщину, я немножко повзрослел, и еще немножко, когда впервые ее потерял. Еще чуть-чуть, убив своего первого врага, еще капельку, заработав первое в своей жизни золото, и почти совсем взрослым стал, когда враги убили моего брата. Каждая потеря делает тебя немножечко сильнее. Твой путь был труден? Радуйся! Ты скоро станешь настоящим мужчиной!

– Я радуюсь, – деревянным голосом сказал Конан. – А Диери – где она?

– За нее не беспокойся, – усмехнулся ит'Каранг. – Она у себя в комнате. Заперлась и переживает. Ничего, переживет. Она ведь знает, как ей повезло, и, между прочим, не в последнюю очередь благодаря тебе. Позвать ее? Эй, кто-нибудь!

– Нет, не надо, – решительно сказал киммериец. Барч ит'Каранг поднял бровь в некотором удивлении. – Ты прав, почтеннейший, насчет утрат, делающих нас сильнее. Передай ей от меня привет. И передай еще вот что: я, Конан из клана Канах, потерявший семью, дом и веру в людей, отныне сам себе хозяин и сам выбираю свой путь и клянусь не останавливаться, пока не увенчают меня королевской короной или покуда не найдет меня смерть! В том я ныне даю гайс.

И пробурчал, отвернувшись:

– Пусть потом локти кусает.

– Обязательно передам, – серьезно кивнул ит'Каранг. – Мне ведома цена гайса, клятвы,

от коей не отказаться без риска обратить на себя божественный гнев. Правда, не знаю, ведома ли она тебе…

Последнюю фразу ит'Каранг произнес, стоя рядом с Конаном за воротами. Вдруг взгляд конезаводчика метнулся куда-то за плечо киммерийца, а его железные пальцы резко рванули варвара в сторону и вниз. Мгновением позже тяжелый нож оглушительно лязгнул в кованую створку ворот.

На другой стороне улицы, там, где только что сидел скрюченный слепец в грязной накидке, теперь неподвижно стояла высокая, чуть сутулая фигура. Уловив на себе взгляд киммерийца, мнимый слепец подчеркнуто медленно поднял руку и сделал красноречивый жест – ребром ладони по горлу.

Из ворот, толкаясь, повалила вооруженная челядь ит'Каранга. Конан лишь на миг отвел глаза, и Джелани-Грифон исчез. Как сквозь землю провалился. Однако вместо того, чтобы обеспокоиться, туранец громко захохотал и с размаху хлопнул Конана по плечу:

– Возрадуйся, воин, ибо ты стал совсем взрослым – только что ты приобрел кровного врага, настоящего, смертельного врага на всю жизнь! Хатариты не прощают позора. Что ты намерен теперь делать? Возможно, тебе нужна охрана? Я дам своих людей…

– Благодарствую, не надо, – буркнул киммериец. К рогатым демонам все, подумал он – хатаритов, лошадей, смазливых содержанок, Рекифеса с Когортой, дедушку с заветами и туранского конезаводчика с его поучениями! Что там говорил Ши насчет «Страстоцвета»? – Что я намерен делать? Пойду напьюсь, и помоги Кром моим врагам, если они попытаются мне помешать!

КОНЕЦ

---

notes

Примечания

1

Перевод А. Свиридова.